

A woman with long dark hair, wearing a black strapless top, is looking up at two muscular men. The man on the right is shirtless and has a large, prominent nose. The man on the left is also shirtless and has a beard. The background is dark and moody.

ONE
Dom

TO LOVE

THE DOMS
OF HER LIFE

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR
SHAYLA BLACK
JENNA JACOB
ISABELLA LAPEARL

Рейн Кендалл была влюблена в своего босса, Макена Хаммера, годами. Решительно настроенная на то, чтобы заставить мужчину обратить свое внимание на то, что она взрослая женщина со своими желаниями и потребностями, она, не принимая в расчет влечения сердца, предлагает ему свое тело. И получает резкий отказ. Но когда его очень сексуальный одинокий друг, Лиам О'Нейл, видит, как другой Дом отказывается признаться в своих очевидных чувствах к Рейн, он решает вмешаться и сделать все, что потребуется, чтобы помочь Хаммеру снова обрести счастье. Он делает девушке соблазнительное предложение, от которого невозможно отказаться, тем самым провоцируя друга на проявление собственнического инстинкта. Но он даже и представить себе не мог, что влюбится в девушку сам.

Хаммер подавлял свою страсть к Рейн годами. После спасения одной перспективной беглянки, в аллее позади своего БДСМ клуба «Темница», он пришел к мысли, что хочет себе такого хорошенького сабмиссива. Но произошедшая трагедия в его жизни, заставила его считать себя, недостойным ее. Поэтому он присматривает за ней, находясь на расстоянии. Коварный план Лиама задел его за живое, особенно когда он понимает, насколько решительно настроен его друг. Хаммер не готов отдать свою прекрасную сабу другому Дому, но сможет ли он излечиться от своего прошлого и бороться за право обладать ей? Или он потеряет Рейн, если она по-настоящему решит отдать себя — сердце, тело и душу — Лиаму?

Шайла Блэк

" Любить Доминанта " (книга 1)

Серия "Доминанты ее жизни"

Автор: Шайла Блэк

Оригинальное название: One Dom to Love

Название на русском: Любить Доминанта

Серия: Доминанты ее жизни

Перевод: Елена Мартышева, Анна Науменко

Редакторы: Анна Науменко, Елена Мартышева

Оформление: Евгения Бермас

Ранний ноябрь

Рейн Кендалл не ждала ничего хорошего от дня, в течение которого умудрилась, еще до обеда разбить себе сердце. Проснувшись и приготовившись к работе на час раньше, она зашла в холл и задержалась перед дверью кабинета босса, пытаясь удержать в одной руке кружку дымящегося кофе, а в другой — собственноручно приготовленные яблочные маффины.

Сейчас, Макен Хаммерман, владелец и альфа-доминант частного БДСМ клуба "Темница", не прогуливался по своей частной собственности с дьявольской улыбкой, отдавая ей приказы резким тоном или пристально всматриваясь прямо в ее душу, своими глубокими глазами цвета лесного ореха.

Его дверь была заперта.

Она замялась, раздумывая над тем, стоит ли ей постучать и проверить проснулся ли он, или просто дождаться его появления? В нерешительности Рейн прикусила губу.

Дверь распахнулась. Она поспешно вскинула голову, тепло улыбаясь. Но появившийся человек не был Хаммером. Вместо этого вышла женщина, выглядевшая точной противоположностью Рейн: высокой, гибкой блондинкой. И абсолютно удовлетворенная. Улыбка на ее пухлых губах принадлежала женщине, получившей целую вереницу множественных оргазмов благодаря очень искусному партнеру. Такому, как Хаммер.

Несмотря на наличие фамилии и того факта, что в стенах клуба его слово считалось законом, Рейн слышала от других саб, что его наградили этим прозвищем неспроста.

— Ты мешаешь открыть дверь, — сказала Марли с внезапной вспышкой раздражения.

Рейн отступила назад в тот момент, когда эта женщина, подхватив свою черную сумочку от Шанель, подошла ближе. Великолепная пара туфель от Прада делала ее невероятные ноги еще длиннее.

Когда она начала проводить здесь ночи?

Позади Марли в дверном проеме нарисовался Хаммер, его строгое лицо вспыхнуло. Он перебросил рубашку через свою мускулистую руку, его внушительные бицепсы бугрились, пока он застегивал ширинку на брюках. Его волосы, цвета соли с перцем, пребывали в беспорядке, словно Марли неоднократно пробегала по ним пальцами. Его губы, как всегда были ярко алого цвета.

Рейн даже не сомневалась в том, что он совсем недавно с животной страстью целовал другую женщину, заставляя сгибаться пальчики на ее ногах.

Его широкие плечи были расслаблены, а на худощавом теле, под кожей плавно перекачивались мышцы. Отдохнувший. Пресыщенный. Посмотрев вверх, Хаммер пересекся взглядом с Рейн. И заметно напрягся.

Прежде, чем он успел взять под контроль свои эмоции, на его лице промелькнуло сожаление. Отчего ее грудь сжалась от боли. Маффины и кофе выскользнули из ее оцепеневших пальцев и с грохотом упали ему под ноги. Ревность и ощущение предательства, чувства на которые она не имела права, пронзили ее, словно удар в сердце. И гребаной вишенкой на мороженом из дерьма сегодняшнего дня, стала промелькнувшая в его глазах жалость.

Хаммер не принадлежал ей. Он не принадлежал ей ни на один день, в течение целых шести лет, что она прожила и проработала в "Темнице". И никогда не будет. Но она так отчаянно этого хотела.

Рейн не могла поднять на него глаза, поэтому наклонилась и начала сгребать остатки завтрака, разбросанного и разбрызганного по мраморному полу. Она почувствовала, что натворила что-то более весомое, чем просто испачкала пол, который теперь убирала. Горло сжалось, и она непроизвольно сглотнула.

Почему бы этому проклятому полу не провалиться прямо под ней и не проглотить целиком? Почему она продолжает унижаться перед этим мужчиной? Он всеми возможными способами старался донести до ее сознания, что не заинтересован в ней. Он, возможно, даже не удивится, если ему придется выучить греческий или клингонский, чтобы заставить ее это понять.

— Неуклюжая девчонка.

Закатив глаза, Марли переступила через Рейн и вышла из кабинета Хаммера, направляясь в частную спальню, находящуюся где-то в коридорах клуба.

— Марли, — резко позвал Хаммер.

— Твое поведение, выходит за рамки надлежащего для истинного сабмиссива. Я что, зря тренировал тебя? Сию же минуту извинись перед Рейн.

Его строгий, не позволяющий расслабиться, голос, заставил Рейн нервничать. То, что приказ предназначался другой женщине, заставило ее почувствовать еще больший дискомфорт.

Марли хрипло пробормотала:

— Да, любимый. То есть, Сэр. Прости меня, Рэй-Рэй.

Рейн чуть не стошнило на тысячи-долларовые кристально-острые шпильки этой сучки. Она подняла взгляд и заметила, как длинноногая блондинка посылает Хаммеру воздушный поцелуй и скрывается в коридоре.

Рейн резко опустила глаза и сосредоточилась на вытирании пола.

Что Хаммер нашел в этой суке? Ну, за исключением высокого роста, модельной фигуры, идеального тона кожи и блондинистых выющихся локонов, спускающихся до самой ее задницы.

Рейн отбросила в сторону прядь черных, словно вороново крыло, прямых волос и уставилась на свои бледные руки с короткими ногтями. Ей захотелось расплакаться.

Хаммер опустил на корточки рядом с ней.

— Рейн? Давай я принесу тебе полотенце, прелесть.

— Спасибо.

Ее голос звучал слабо, словно хрупкое стекло, готовое вот-вот разбиться. Он на секунду задержался, прежде чем направиться в свою ванную.

Как только он ушел, она с трудом сдержала всхлип, но не смогла удержать обжигающую слезу, скатившуюся по щеке и упавшую на пол. Боже, насколько жалкой она была? Он никогда не полюбит такую, как она. Ей нужно взять себя в руки, пока она не выставила себя еще большей дурой.

Пока она справлялась со своими эмоциями, ей пришлось признать несколько очевидных фактов. У Хаммера и без нее были сабы, готовые упасть перед ним на колени и выполнить любую его прихоть. Он мог считаться кем угодно, но только не монахом; она знала, что Марли была не единственной женщиной, покидающей его спальню с удовлетворенной

улыбкой. Но что печалило ее больше всего, так это то, что она не станет последней.

Рейн еще никогда не находилась так близко от Хаммера, разгуливающего без рубашки, такого сильного и наполненного жизненной энергией, такого взъерошенного и сексуального и... Ей нужно срочно выбираться отсюда.

Он вернулся с полотенцем в руках и наклонился, чтобы ей помочь. Собрав обломки разбитой кофейной кружки, она взяла фарфоровую посуду в свои руки, и молилась, чтобы он был слишком занят, помогая ей, и не заметил ее слезы.

— Извини, я такая неуклюжая.

— Ты не неуклюжая. Это просто нелепая случайность.

Он полотенцем вытер беспорядок на полу.

Случайность? Они оба знали, что это было не так. Но он просто должен был быть добрым, не так ли? Он что, не мог быть полной сволочью, чтобы ей было проще его ненавидеть?

— Я отнесу это на кухню и выброшу.

— Останься, — скомандовал он.

— Отдай мне осколки. Я сам разберусь.

Рейн колебалась. Оо, как же сильно ей хотелось повиноваться этому властному голосу. Но Хаммер был ее боссом, а не ее Доминантом. Он не хотел ее преданности.

Отряхнув колени, она поднялась.

— Я это натворила.

И стремясь побыстрее закончить этот разговор, Рейн отвернулась. Сдерживать свои слезы становилось все сложнее.

Что, черт возьми, она могла сказать ему? Я люблю тебя, Макена. Пожалуйста, возьми меня! Боже, это звучало глупо и невозможно. Человек, который всегда говорил, что моногамия его не заводит, который ни с кем не делился своими мыслями, чей искушенный ум был таким проникательным и извращенным... Да он бы ни за что на свете не захотел ее, "беглянку" найденную в переулке, свернувшуюся калачиком возле мусорного контейнера, несколько лет тому назад. Он рассматривал ее лишь, как младшую сестру, поэтому, для нее же будет лучше, если она оставит свою надежду на то, чтобы стать его возлюбленной.

Вытерев свои слезы. Она двинулась вперед. Но как ей заставить свое проклятое сердце перестать тянуться к нему?

Хаммер схватил ее за руку и снова развернул лицом к себе, после чего нахмурился.

— Рейн... спасибо за завтрак, прелесть. Я всегда горжусь, когда вижу в твоём сердце желание прислуживать и подчиняться.

— Ну, я хотя бы попыталась, хотя, кажется, Марли уже обслужила Вас всеми возможными способами, поэтому я, пожалуй, возьму свою надоедливую тушку и разбитый фарфор и скроюсь с Ваших глаз.

Она не стала ждать его ответа, просто отдернула руку и направилась к выходу. Слава Богу, Хаммер промолчал в ответ. Еще десять секунд и она выйдет отсюда. Она могла бы спрятаться на кухне и там, наедине с самой собой, предаваться своему горю. У нее не займет много времени, чтобы придумать двадцать синонимов к слову "идiotка". Тупица, тупица, тупица. Когда она уже хоть чему-нибудь научится?

Хаммер не замечал ее даже тогда, когда ей стукнуло восемнадцать. Впрочем, и когда двадцать один — тоже. По какой-то причине, она все-таки надеялась, что двадцати-трех летний рубеж заставит его обратить на нее внимание и перестать видеть в ней потерянную,

маленькую, бездомную девочку, которую он спас много лет назад. Но как бы не так! С ней ему всегда будет не хватать искушенности и чего-то неосязаемого, приходящего только с разгульной жизнью и трахом каждый день с новыми партнерами. Она никогда не будет той, которую он захочет.

Рейн сжала пальцы. Кусочки фарфора впились в кожу, прорезав до крови. Да кому, какая разница?

Пока кровь капала на белоснежный фарфор, она задушила в себе внутренний крик и двинулась дальше. Ей было легче от того, что сейчас Хаммер не мог видеть ее лицо.

Спускаясь в холл, она заметила тень в одном из открытых дверных проемов. Приглядевшись, она узнала Лиаму о'Нейла, ирландского друга Хаммера, приехавшего из Нью-Йорка. Он уставился на нее, и его лицо выражало что-то среднее между беспокойством и жалостью. Такой великолепно учтивый, он молниеносно завоевал популярность среди саб, за каких-то пару месяцев, после своего приезда. Она узнала этот его взгляд... пронизательный, всезнающий. Не могло быть ни малейшего сомнения в том, что он не заметил ее слез. Твою мать.

Он уже открыл, было, рот, чтобы что-то сказать, но у Рейн не было сил выдержать его вопросы о Хаммере и, уж тем более, его сострадания.

— Извините меня.

Она проскочила мимо него и забежала на кухню.

Хаммер беспрекословно позволил Рейн уйти. Желая успокоить ее, он позволил ей выйти, не потеряв чувство собственного достоинства. Но, черт возьми, все эмоции были написаны у нее на лице.

До настоящего момента, ему нравилось читать ее, словно раскрытую книгу. Опустошение в ее блестящих, от не пролитых слез, глазах, ощущалось ему как резкий удар по яйцам. Укол ее язвительного замечания ранил не настолько сильно, как собственное раскаяние, наполняющее его вены. Он всегда старался защитить ее от своих сексуальных игр, пользуясь другими сабами. Он боялся, что сломает ее. Хаммер ненавидел, когда ему доказывали его неправоту.

И злорадство Марли ни хрена не помогало. Эта поверхностная дрянь, всего лишь играла в сабу, предпочитая, во время секса исключительно легкий бондаж. Но, будучи Доминантом и, по совместительству, владельцем одного из самых успешных БДСМ клубов на всем западном побережье, он был ответственен за должную тренировку сабмиссивов.

В его обязанности входили как наказание, так и поощрение за совершенные действия, неважно, своей рукой или телом. И эта обязанность никак не могла сочетаться с его чувствами к Рейн. Он бы с большей охотой провел прошлую ночь с ней, даруя ей наслаждение о котором мечтал, каждым из возможных способов, на которые был способен.

К сожалению, если он даже, всего лишь раз, просто прикоснется к ней, он завладеет ее губами и заявит на нее свои права. Его жадные руки проберутся к ней под одежду, поглаживая ее мягкое тело, чтобы добраться до ее невинных сосков и сжать их. Когда она начнет стонать и умолять, он будет нещадно пронзать своим твердым членом ее припухшую киску до тех пор, пока ее голова не откинется назад и она не выкрикнет его имя.

Хаммер проглотил тугой ком похотливой жажды и провел рукой по волосам. Он не может себе позволить сделать ничего из этого. Но он сможет защитить Рейн от себя самого. Он бы мог стать тем, кем она захочет, но она ничего не знает о демонах, скрывающихся у него внутри, которые убивали любую вероятность того, что он когда-нибудь сможет ей

соответствовать. Поэтому он позволил ей поверить в то, что считает ее ребенком, а не сексуальной женщиной, превратившейся в объект его бесконечной и неутолимой похоти. Боже помоги ей, если она разрушит его самоконтроль. Он станет самой худшей охрнительной ошибкой ее жизни. Он уничтожит ее.

Лиам вышел из своей комнаты, проследив изучающим взглядом за хрупкой фигурой удаляющейся Рейн. Он понятия не имел о том, что творилось в голове у его друга. Но, даже не смотря на то, что она отступила от Лиамы и скрылась, ревность, усиленная в четыре раза, бросилась Хаммеру в лицо. Лиам обернулся к нему, с неодобрением нахмурившись, в тот момент, когда она обогнула угол.

Последнее время он часто хмурился.

— Тебе не стоит беспокоиться за Рейн, — настойчиво произнес Хаммер.

— Она выглядела расстроенной, но это и к лучшему.

Очевидно, что-то замыслив, Лиам подошел к нему.

— Лучше для кого, приятель? Ты запутался в отношениях с этой девушкой. Когда я приехал сюда, и увидел вас вместе, я сразу понял, что вы что-то чувствуете, друг к другу, и прости, но даже слепой увидит это. Почему ты не хочешь поддаться своим чувствам? Включи свой мозг, ведь ты можешь иметь ее любым способом, каким только захочешь.

— Это невозможно, мужик. Корсеты и туфли на шпильках в сторону, Рейн предназначена для того, чтобы жить в доме, окруженным белым штaketником, рожать детей и выезжать на пикники на своем минивэне. Ты знаешь, что несколько лет назад Джульетта захлопнула для меня эту дверь. И я не окажусь там снова.

Сострадание смягчило выражение на лице Лиамы.

— Никто не знает тебя так, как я. Мы через многое прошли вместе, ты и я. Скажи, как долго ты позволишь прошлому преследовать тебя? Оставь это позади приятель, или ты разорвешь себе душу. Поверь мне, я знаю. Если бы я не отбросил свое прошлое в сторону, год назад, когда развелся с женой, то без сомнения, я до сих пор был бы холодным ублюдком.

Лиам, вероятно, был прав, и Хаммер хотел согласиться со всем, что он только что сказал, но....

— Ну что тут можно сказать, я рад, что мы пережили все это дерьмо вместе. Мужик, ты лучше, чем я думал.

Блять, в его голосе, что, только что прозвучала горечь?

— Не пори чушь! Не лучше, просто я активнее нацелен на продвижение вперед.

— А тебе не кажется, что я уже перепробовал все способы, которые только приходили мне в голову?

Раздраженный взмах его руки, лишь доказывал, что он пребывал в дурном настроении.

— Я пытался напиваться до беспамятства, выговариваться и трахаться с кем не попадя. Ни хрена не сработало.

— Ты еще не попробовал Рейн. И не говори мне, что ты не хочешь эту девушку. Я вижу, как ты опекаешь ее, как смотришь на нее. Ты хочешь ее настолько сильно, что испытываешь наслаждение только от одного ее вида. Но ты отказываешь себе в этом, словно платишь за деяние, в котором ты не виноват.

Лиам просто не понимал его.

— Ну, это твоя точка зрения.

Его друг вздохнул, барабанив в нетерпении пальцами по бедру.

— Если тебе плевать на себя, подумай хотя бы о Рейн. Ведь она тоже расплачивается за

то, что ты держишь ее на расстоянии. Ты разрываешь ее сердце в клочья. Никакой другой Дом здесь не прикоснется к ней, опасаясь твоего гнева. Попробуй, по крайней мере, жить согласно своим обязанностям и дай ей то, в чем она нуждается.

Макена с трудом сглотнул.

— Во-первых, она должна окончательно подрасти.

— Она уже выросла. Просто ты не видишь этого. И я думаю, что просто не хочешь этого замечать.

Лиам выложил на поверхность уродливую правду.

— И если ты не хочешь взять ее под свое крыло, ты должен отпустить ее.

Хаммер знал, что был несправедлив к Рейн, но отдать ее другому мужчине? Какому-то мудаку, который может по-настоящему ранить ее? Боже, Хаммер уже чувствовал себя полумертвым — еще немного и он просто умрет.

— Как насчет того, чтобы ты не лез не в свое дело?

— Не в этот раз. Восемь лет, слишком долгий срок, чтобы горевать.

Лиам похлопал его по плечу.

— Почему ты до сих пор цепляешься за чувство собственной вины?

— Просто не хочу повторять одну и ту же ошибку, дважды.

— Джульетта сама выбрала свой путь, даже не сказав тебе об этом, приятель. Ты не мог знать.

— Я должен был. Ведь я знал о ней все, вплоть до самой незначительной детали.

Но ничто не могло изменить того факта, что он не подозревал о настоящих чувствах Джульетты, пока не стало слишком поздно.

— Вероятно, и я тоже должен был знать. Потому как, провел с ней изрядное количество времени. Но она не сообщила никому из нас. Ты не можешь взять всю ответственность за ее чувства. Ты не мог прочесть ее мысли. Пора двигаться дальше и найти свое счастье.

— Да? Думаешь, Джульетта согласилась бы? бросил вызов Хаммер.

— Твои страдания не вернут ее обратно, но думаю, что Рейн может спасти тебя.

Излучая спокойствие, Лиам пристально посмотрел на него, создавалось впечатление, что это не он только что, несколькими колкими замечаниями, подверг чужую жизнь критическому анализу.

Он никогда, ни при каких условиях, не признается в том, что чувствует к Рейн. Если он это сделает, Лиам никогда не перестанет настаивать на невозможном.

Макена отвернулся.

— Уже слишком поздно спасать меня.

— Чушь собачья! Перестань хоронить себя вместе с Джульеттой. Если ты не начнешь думать о своем будущем, то закончишь жизнь одиноким циником.

— Мне кажется, что уже немного поздно начинать.

— Еще нет. Ты продолжаешь совать свой фитиль в каждую дырку, избегая единственной, необходимой тебе. Ты бежишь от своих чувств. Чувак, неужели до тебя еще не дошло, что это невозможно? Рейн позаботится о твоих страхах, она поможет тебе.

— Нет.

Боже нет. Это точно приведет к катастрофе. Лучше обожать Рейн издалека, чем рискнуть и полностью разрушить ее.

— То есть ты планируешь по-прежнему не пропускать ни одной промелькнувшей мимо юбки, даже если это делает тебя несчастным? Даже если Рейн любит тебя? Просто

гениально! Как ты думаешь, она себя чувствует после этого?

Мерзкой. Раненой. Неуверенной.

Он был чертовым мерзавцем.

— Я не понимаю, ты, чей друг? ошетинился Хаммер, когда Лиам, словно в зеркале, показал ему то, чего он избегал много лет.

— Твой, и всегда им останусь. Именно поэтому, я и пытаюсь помочь тебе. Она девственница? В этом твоя проблема?

— Нет, она уже, черт возьми, не девственница!

Хаммер стиснул зубы.

— Несколько лет назад, она позаботилась об этом, за моей спиной.

— Сомневаешься в ее природе сабмиссива? Ты проводил с ней сеты сам или позволял другому Дому разогреть ее?

— Конечно, нет! Блять, да это же видно невооруженным глазом. Ты видел Рейн. Живое олицетворение естественности. Она по-настоящему старается угодить.

— В таком случае я не вижу причины не дать ей того, к чему вы оба стремитесь. Но если ты все еще заиклен на саморазрушении, то, по крайней мере, будь честен. Посади ее перед собой и скажи, что не заинтересован в ней. Позволь ей найти того, кто сможет удовлетворить ее потребности.

Наглядность осознания этого простого факта, пришедшая со словами Лиам, переполнила Хаммера яростью.

В этом месте не было ни одного Дома, способного упустить возможность заполучить эту красивую девушку, с распахнутыми ногами и мягким выражением экстаза на лице, в свою постель. И в течение многих лет, он отражал их попытки сблизиться с ней.

— Она еще не готова.

— Не готова? Она?...или ты? — Лиам в удивлении приподнял свою темную бровь.

— Ты не знаешь ее настолько хорошо, как знаю я. Ни один другой Дом не сможет понять... Она импульсивна...ей нужно научиться смиряться. А ее рот... Если она чувствует вызов, то "покажет зубки", чтобы защититься. Любой на месте Дома, попытался бы отучить ее от неуважительного отношения отпоротой красной задницей. Но это ни к чему не приведет. Я должен защитить ее. И да, хоть сейчас она и расстроена, но она достаточно сильная. Поверь мне, Рейн вернется.

Хаммер покачал головой, с намерением заставить Лиам понять его.

— Она прячется за своим гневом и сарказмом, но под всем этим она такая чертовски тонкая и хрупкая. Я беспокоюсь, что кто-нибудь другой просто сломает ее.

— А ты считаешь, что сам этого не делаешь? Не пойми меня неправильно, конечно, но если, по твоему мнению, другие Дома устроят ей эмоциональную пытку... то, чувак, ты только что надрал им задницы.

Хаммер предпочел бы, чтобы Лиам дал ему со всей дури в челюсть, чем отхлестал такой правдой.

— Кто ты? Хренов доктор Фил? — Хаммер сжал кулаки.

— Она не предназначена для удовлетворения моих желаний. Оставь эту тему.

— Я думаю, ты в полном дерьме. Ты защищаешь исключительно себя, боишься, что, если узнаешь ее вкус, то станешь зависимым, потеряешь свое сердце. Ты просто напуган тем, что у нее есть над тобой власть.

Он терпеть не мог, что Лиам знал его настолько хорошо, но он не собирался признавать,

что его друг был прав. Вместо этого он стиснул зубы и с ненавистью посмотрел на него.

— Я сказал, достаточно!

— Послушай, я не вернусь в Нью-Йорк, потому как не могу уйти, когда у тебя все трещит по швам. К счастью, я могу управлять своим бизнесом с любой точки мира. И я пробуду здесь столько, сколько ты будешь нуждаться во мне. Знай, я всегда смогу выслушать тебя.

Лиам говорил мягким голосом, в его глазах плескалось больше сочувствия, чем Хаммер мог вынести. Он был единственным Домом, единственным другом, которому Хаммер доверял не только свой бизнес, но и свою жизнь. Лиам не подозревал о том, что Хаммер вписал его имя в завещание, он оставлял ему "Темницу" в случае собственной смерти. Никто, кроме него, не мог лучше понять и разобраться во всем этом дерьме, через которое пришлось пройти Хаммеру, только Лиам мог дать ему ценный совет. Он не мог себе позволить попросить Джульетту о помощи. Это только еще больше бы оскорбило ее.

— Спасибо.

Он ухмыльнулся.

— Я всегда могу положиться на друга.

Внезапно его улыбка пропала.

— Но, когда дело касается Рейн, отвали.

Почувствовав тошноту, он резко развернулся и вошел в свой кабинет, захлопнув за собой дверь.

Отвалить? Он не ослышался? Лиам в недоумении и с легкой обидой посмотрел на Хаммера и покачал головой.

За последнее десятилетие, они вдвоем пережили много хорошего: смех, бесчисленное количество выпивки и даже тот период времени, проведенный с Джульеттой. Этот человек был ему ближе брата. Конечно, они иногда перебрасывались парой неприятных слов... но это никогда не доходило до крайности, как сейчас. Очевидно, друг не оценил его вмешательства. Но он даже не понимал, до какой степени он в нем нуждался.

После переезда Макены в Калифорнию, восемь лет назад, они виделись только раз в году, каждое 7 ноября, но зато часто разговаривали по телефону. После их бесед, у Лиам складывалось впечатление, что Хаммер все еще переживает свое горе, но продолжает двигаться дальше. Поэтому, когда после своего развода, Хаммер пригласил его в гости, Лиам буквально из кожи вон лез, чтобы ненароком не коснуться неприятных тем или не разворошить плохих воспоминаний.

Спустя час после приезда в "Темницу", Лиам понял, что Хаммер его обманул. Какого хрена до него раньше не дошло, насколько сильно страдает Макен? Двумя минутами позже он выяснил, что Хаммер влюблен в девушку, на чувства к которой, он установил запрет.

Привлекательность Рейн была более, чем просто очевидна Лиаму. Обладая сногшибательной красотой, девушка была еще умной, яркой и общительной. И к тому же, по уши влюблена в Хаммера. Пару раз Лиам пытался поговорить с ней о своем друге. И каждый раз, ведя себя своенравно, она неистово защищала частную жизнь Макены. Они идеально подходили друг другу.

Лиам понимал, что ему нужно донести истину этому тупоголовому придурку, чего бы это ему ни стоило. Хождение на цыпочках перед Хаммером последние два месяца, ни к чему не привело. Хотя с тем же успехом закончился и их сегодняшний утренний разговор. Было ясно, что Макен еще не был готов изгнать призраков своего прошлого.

Пробегая рукой по волосам, Лиам спустился в холл.

Он так скучал по своему прежнему, излучающему жизненную энергию, приятелю. Если Хаммер не знает, как двигаться дальше, то Лиам обеспечит ему хороший пинок под зад, чтобы подсказать направление. А Рейн поможет ему в этом. С ней, Хаммер вел себя абсолютно нетипично для себя прежнего, он внезапно заделался в жуткого собственника с гипертрофированным защитным инстинктом. Казалось, что, будь на то его воля, он запер бы девушку в тайнике и рычал на каждого Дома, посмеявшегося прикоснуться к ней.

У Лиамы было твердое намерение заставить Хаммера выбрать между просиживанием за глухими стенами и наблюдением за тем, как Рейн расцветает под твердой мужской рукой. Его собственной рукой.

Он обдумывал этот вариант вот уже несколько дней и пришел к выводу о том, что при удачном стечении обстоятельств у него был шанс исцелить не одно, а целых два сердца. Хоть, он и разговаривал с Рейн исключительно о Хаммере, Лиам почувствовал, что у Рейн тоже были проблемы... она была разбита, как фарфор, который несла в руках. И увядала без любви и чувства близости.

Да любому идиоту понятно, что она в данный момент больше нуждалась в ласке, чем в дисциплине. Но в ее жизни существовал только один мужчина, для которого она могла

расцвести, и этот счастливчик мог одарить ее в равной степени и тем, и другим.

Он даже не сомневался в том, что Рейн отвергнет его предложение, но ради них обоих, он будет настойчив. Затем, как только она обретет побольше уверенности в себе, а Хаммер наконец-то вытащит голову из задницы, Лиам планировал по-тихому свалить и позволить им жить долго и счастливо.

Но он не тешился иллюзиями на свой счет... как только он приберет Рейн к рукам, Хаммер сочтет его действия подлым предательством по отношению к другу. И их дружбе может прийти конец, прежде, чем возобладает здравый смысл. Но Лиам считал, что лучше рискнуть, чем стоять в стороне и наблюдать за тем, как его друг сам себя губит.

Пройдя еще дальше по холлу, Лиам услышал Рейн, которая сутилась на кухне.

Замедлив шаг, он подошел к двери и заметил, что она сидит за столом, склонив голову, а ее плечи сотрясаются от рыдания. Всклипывая, девушка потянулась за стальной миской, отмерила 2 чашки сахара, взяла несколько яиц и масло.

Его губы изогнулись в едва заметной нежной улыбке.

Рейн редко вела себя предсказуемо... до настоящего момента. Она буквально искрилась фейерверком еле сдерживаемых эмоций, Лиам еще никогда не видел настолько непокорных саб, поэтому он даже представить себе не мог, когда и как она сорвется. Тот факт, что ее никто не приучил к дисциплине становился очевидным, при одном лишь взгляде на нее, ее никогда не испытывали и не подвергали наказанию. Но когда непокорность в ней начинала пробиваться наружу, она приходила на кухню и замешивала тесто... это успокаивало ее.

У Лиамы, при виде ее слез и сгорбленной осанки, просто чесались руки доказать Хаммеру, что поступать так, с единственной, способной его спасти женщиной, просто бесчеловечно.

Пытаясь сдержать слезы, Рейн разбила яйцо о край металлической миски.

Он глубоко вздохнул, стряхивая оцепенение. Что сказать обезумевшей от отчаяния девочке? Если он грубо вторгнется в ее пространство, то ни о какой откровенности, речи быть не может, она просто ошестинится. Не зная точно, что за бардак творился в ее крошечной головке, ему нужно было действовать со всей возможной деликатностью. Но она, ни в коем случае не должна была понять его замысел. Рейн нужно было ощутить себя значимой, а не просто конфеткой в соблазнительной обертке.

Ради Хаммера, ей нужно научиться покорности, поверить в то, что между ними что-то есть. Если эти чувства затронут ее душу, реакция Макена не заставит себя ждать. А присущая его другу тяга к ревности, еще сильнее будет стимулировать того к действию. Но он ни в коем случае не хотел причинить боль Рейн. Если его замысел провалится, это разобьет ее нежное сердце. Он размышлял про себя. «Возможно, мне просто лучше уйти и не отвлекать ее?»

Она схватила деревянную ложку и воткнула ее в тесто, засыпая тростниковый сахар в миску.

— Пора уходить. Меня здесь больше ничего не держит. Ни единственной гребаной мелочи!

Его внутренности сжались от прозвучавшей в ее словах печальной убежденности. Он отказывался отпустить ее, не приложив все свои силы для того, чтобы она осталась.

Что ж... игра началась.

Рейн выдернула из сушилки свежее кухонное полотенце и прижала его к лицу, глубоко дыша, чтобы успокоиться. Мгновением позже, она отбросила полотенце, включила кран и

подставила свои руки под струи воды. Задержав дыхание, она зашипела... он нахмурился.

Как глубоко она порезалась?

Закручивая кран, она пробормотала, — Кроме этого клуба... куда же мне идти?

— Но как я могу здесь оставаться?

Черт, это была его реплика!

Лиам поднял руку и постучал по косяку костяшками пальцев. Рейн с надеждой в глазах, вскинула голову. Надежда испарилась, как только она поняла, что это не Хаммер. Она удивила его, когда покорно, как подобает сабе при появлении доминанта, опустила взгляд к полу.

— Привет, Лиам. Сэр. Эм.... если Вы беспокоитесь за меня, то не нужно, я в порядке. Только приготовлю кучку шоколадного печенья и буду совсем как новенькая.

Какая миленькая лгуныя. Конечно, в свое время он научит ее честности, но пока ему просто хотелось, чтобы она немного успокоилась и расслабилась.

— Я не сомневаюсь в твоих кулинарных способностях, девочка, ты готовишь великолепную выпечку. Я только сомневаюсь в том, что эта стряпня излечит твое горе. Покажи руки.

Рейн послушно протянула свои ладошки.

Лиам подошел ближе, беря ее за запястья и осматривая пальцы.

— Несколько небольших порезов... ничего серьезного.

Он мягко улыбнулся ей и нежно поцеловал в ладонь.

— Думаю, с этим можно жить.

Она сжалась.

— Я же сказала Вам, я в порядке.

— Да, твои руки в порядке... но что насчет твоего сердца?

Он заметил, как опустились ее плечи.

— Я пришел сюда с предложением для тебя. Выслушаешь?

Ему нужно добиться от нее согласия, он должен обнадежить ее... в противном случае, она уйдет и заберет с собой единственный шанс на исцеление Хаммера.

Рейн окинула его осторожным взглядом.

— Да, я полагаю.

Лиам украдкой подошел ближе, тщательно блокируя ей все пути к отступлению.

— Как ты отнесешься к тому, что я стану тебя тренировать и обучать?

Услышав эти слова, она в потрясении уставилась на него своими бездонными синими глазами, засасывая его словно в водоворот. Да, он определенно, удивил ее. В следующее мгновение, с выражением мягкого сожаления на лице, она открыла рот, чтобы ответить, но он вмешался прежде, чем она успела произнести отказ.

— Как долго ты будешь откладывать, и отрицать свое право на счастье? Почему бы не попытаться его с кем-то, кто, готов оценить твою красоту, как внешнюю, так и внутреннюю?

Он наблюдал за ней, следя за каждым нервным движением: легкое пожатие плеч, наклон головы, поднимание и опадание груди при дыхании, изгиб бедра, когда она прислонилась спиной к стойке. Ее врожденное изящество и тонкий женственный аромат, заставили его кровь прилить к низу живота, стоило ему только приблизиться к ней. Подобная реакция удивила его, но, в конце концов, он был мужчиной, а она красоткой.

Посмотрев в ее глаза, он узнал другую причину того, почему Хаммер не хотел ей ни с кем делиться. Невинность. Страх. Голод. Ее душа находилась вне досягаемости. Интересно.

Какой опрометчивый вызов. Она прикусила свою полную нижнюю губу.

Всего мгновение ушло на то, чтобы он тут же захотел ее утешить. Но он уже хотел большего. Жаждал попробовать ее сладкий рот, прикоснуться к ней, положить на спину и... Он постарался засунуть эти мысли куда подальше и приказал своему члену успокоиться.

— Я не понимаю.

Она моргнула, посмотрев вверх на него.

— Вы хотите... тренировать? Меня?

— Мне кажется, ты нуждаешься в этом. И ты заслуживаешь того, чтобы на твою потребность обратили внимание. Я восхищаюсь твоим духом и грацией. Не могу себе даже представить, что ты завянешь, тоскуя о безответной любви.

Ее губы сжались.

— Что Вам до этого? Вы же видели мою тупую выходку сегодня утром?

Девочку нужно было подбодрить.

Лиам наклонился к ней и притянул ее в свои руки. Это движение заставило прижаться к нему мягкие округлости ее груди. Воплощенная нежность против твердости. От ее гладкой бледной кожи исходил интригующий запах мускусной лилии. И в его сознании тут же промелькнули видения с Рейн, лежащей под ним и кричащей от удовольствия, пока он трахал ее, погружаясь как можно глубже в ее тело. Лиам втянул воздух сквозь зубы. Он заставил себя не думать об этом, о чем угодно, только не об этом. Рассеянным движением он погладил ее по спине, его мысли метались. Какого хрена?!

Конечно, как только он приехал в "Темницу", то сразу заметил ошеломительную красоту Рейн. Ее черные волосы и яркие синие глаза кому угодно могли вскружить голову. Находясь настолько близко, все в ней призывало в нем не только Дома, но и мужчину. Стоп, ему нужно сохранить голову свежей. Ради Хаммера.

— Ты не виновата. Ты заботаешься о Хаммере, а он... ну, ему нужно что-то еще, чтобы разобраться в своих чувствах. И пока он этим занят, ты не думала, что тебе следует научиться покорности и стать готовой для него? Ты никогда не хотела проверить себя? Найдешь ли ты в себе смелость подчиниться и отдаться под чью-то власть?

То, как у нее перехватило дыхание, ее румянец, и то, что она снова опустила взгляд в пол, подсказало ему, что его предположения заинтриговали ее. Лиам захватил ее подбородок пальцами, поднимая к себе ее лицо, и вынужден был снова побороть внезапную вспышку похоти.

— Ты думала об этом... я прав?

— Я хочу стать той, которая нужна Хаммеру, но я не уверена, что у меня хватит терпения и самодисциплины стоять на коленях и следить за языком. У меня никогда не было возможности даже попробовать.

Она сглотнула, честность причиняла ей боль.

— Но я все еще не могу понять, какая Вам от этого польза.

— Ты красавица. Прикасаться к тебе будет истинным наслаждением, девочка.

Прямо сейчас, он ненавидел то, как правдиво звучали его слова.

— Из того, что мне удалось увидеть, ты бываешь болтливой девчонкой, и я буду пороть тебя за это.

Он заставил себя подмигнуть и усмехнуться.

Спустя секунду в ожидании ее реакции, ее глаза распахнулись. Затем она одарила его своим необузданным смехом, самым приятным звуком из тех, что ему приходилось слышать.

— Ну вот... это моя девочка.

Теперь он улыбнулся по-настоящему.

— Позволь мне помочь тебе. Я вижу, что ты в этом нуждаешься, а я наслаждаюсь процессом воспитания и обучения.

Он положил ладони на ее щеки.

— Ты должна быть обласканной и изнеженной... я обещаю, что дам тебе это, Рейн. Ну что, ты в игре?

На ее лице отразилась нерешительность. Лиам понял, что молился о ее согласии, задержав дыхание. Хаммер нуждался в ней... и Лиам был поражен своей собственной потребности прикоснуться к ней, хотя бы раз. Это открытие не стало предметом его гордости. Но она выглядела настолько сексуально привлекательной... а он ведь всего лишь мужчина. Похоть пройдет.

— Вы не из тех, кто делает что-то наполовину. Вы хотите обнажить мою душу? Заставить показать все ее трещины и разломы?

Оттолкнувшись назад, она скрестила руки на груди.

— Если я откроюсь... Вы сбежите, как и Хаммер?

Он распрямил ее руки и наклонился ближе. Теперь он мог слышать ее затрудненное дыхание и видеть ее дрожь. Желание взорвалось в нем. Он не смог остановиться и обвил рукой ее плечо, вторгаясь в ее личное пространство, и провел ладонью по изгибу ее талии.

— Я никогда не отказывался принять вызов. Мой разум заточен под него. Да, я намерен раскрыть твою душу, разломить на две половинки, как зрелый персик и узнать все твои секреты... все, до последней детали, красавица. После этого, я соединю все разбитые кусочки своим прикосновением и заставлю тебя оценить мою работу.

Рейн выглядела немного напуганной.

— Вау... такая честность вселяет ужас.

— Я считаю, что лучше знать заранее, чего ждать в дальнейшем.

Она выдохнула и, волнуясь, попыталась снова опустить взгляд. Он не позволил ей этого, снова приподняв подбородок и удерживая до тех пор, пока их глаза не встретились.

— Ответь мне, Рейн. Да или нет?

— Я бы хотела опытного Дома... Я думала, что это будет Хаммер, но...

Нахмурившись, она закрыла глаза. Лиам прикусил язык.

Прежде всего, она хотела чувствовать себя значимой и важной. Он отметил это про себя и позволил ее продолжить.

— Но?

— Я должна быть честна с Вами. Вы знаете, что мое сердце принадлежит другому. Независимо от того, как сильно я хочу узнать все, чему Вы собираетесь меня научить, я не уверена, что смогу отплатить Вам достойной преданностью. И я сомневаюсь, что Хаммер даст свое согласие на это... даже для Вас. Возможно, для всех нас будет лучше, если я просто уйду.

Он поймал ее у стойки, прижавшись своим телом к ее. Ее губы приоткрылись в немом вопросе. А широко раскрытые глаза уставились на него, после чего сфокусировались на его губах. По его спине прошел электрический разряд. Проклятье, она была так чертовски привлекательна.

Утопая в ее мягких линиях своим твердым телом, он до боли хотел провести пальцами по ее волосам и прикоснуться к ее губам своими, пировать на них до тех пор, пока она не

начнет стонать.

Лиам заставил себя прекратить. Это не для него... все ради Хаммера. И Рейн.

С трудом втянув в себя немного воздуха, он аккуратно обхватил одной ладонью ее затылок, лаская большим пальцем совершенную раковинку ее розового ушка, одновременно другой ладонью нежно спускаясь по ее горлу. Наконец, он добрался до местечка прямо над ее округлой грудью, услышав как ее дыхание, сменилось мягким постаныванием. Он мог чувствовать, как бешено, бьется ее сердце под его ладонью. Она точно не была равнодушна к нему в этот момент. Пьянящее ощущение собственной власти захватило его. Затем он обхватил оба ее запястья свободной рукой и начал медленно поднимать, закрепляя их напротив подвесных кухонных шкафчиков. У нее перехватило дыхание. Его пронзило чувство неожиданного и нежелательного триумфа.

Растягивая Рейн, он все еще давал ей достаточно времени, чтобы она успела его оттолкнуть. Но она этого не сделала. Только нервно облизнула язычком свою верхнюю губу. Его член дернулся. Он не смог отказать себе в том, чтобы захватить ее рот своим, ловя ее вздох. Мягкая. Такая чертовски мягкая. И сладкая. Твою мать... Наслаждение обожгло его кровь, словно мощный наркотик.

Она плавилась под ним.

Переплетаясь с ней языками, он стремился запомнить ее неповторимый, захватывающий вкус. Один поцелуй растворялся в следующем, он поглощал ее, буквально вдыхал через легкие. Она обернулась жидким желанием для него, диким и необузданным. Одна ее нога украдкой обвилась вокруг его бедра, взбираясь на него, раскрываясь перед ним и заставляя прижаться еще теснее. Ему бы не следовало принимать такое щедрое приглашение, но он не смог перебороть себя.

Вместо этого он прижался к ее киске, не оставляя ей сомнений по поводу своего желания. Не смотря на то, что на Рейн была короткая юбка, ее плоть обожгла его. Низкий рык вырвался из его горла. Ему не нужен был ни воздух, ни пространство, ни время, только она. И прямо, блять, сейчас. Лиам представлял себе, как ее тело будет приветствовать его, как ее лоно раскроется ему.

Он застонал. Похоть одолела его, проносясь по венам. Необходимость обладания обожгла его мозг, как только она сдалась. Ему.

Он прошелся пальцами по краю ее блузки, приготовившись разорвать и распахнуть ее. Но ее едва слышное хныканье вернуло его к реальности. Тяжело дыша, он оторвался от ее рта. Черт, ведь Рейн была девушкой его лучшего друга.

Даже зная, что он должен сохранить ее доверие, чтобы помочь Хаммеру избавиться от призраков прошлого, он не мог отрицать, что что-то особенное в ней пробирало его до костей.

— Не беспокойся о согласии Хаммера, — наконец удалось ему выговорить.

— Я увижусь с ним и скажу, что тебе нужна тренировка, и я готов ее обеспечить. Ты же не можешь отрицать того факта, что между нами проскочила искра страсти?

Она сглотнула.

— Нет.

Хорошо. Ему нужно и дальше разжигать ее желание, чтобы удержать ее здесь, но этот поцелуй доказал, что ее возбуждение грозит оказаться обоюдоострым мечом. Чем больше она отвечала ему, тем сильнее он хотел ее.

Лиам постарался отогнать от себя эту мысль.

— Предупреждаю тебя, красавица, если ты согласишься на мое предложение, то я начну испытывать твою покорность, и я жду, что ты отдашься мне полностью... не меньше. Ты заслуживаешь счастья, но я смогу забрать от него кусочек и для себя. Подумай об этом. Найди меня, как будешь готова с ответом.

Отпустив ее, Лиам повернулся и вышел также быстро, как и зашел. Сейчас он больше ничего не мог пока сделать. Он боялся, что если останется, то зайдет слишком далеко.

Теперь все в руках Рейн.

Было невозможно заснуть, поэтому Рейн перестала даже пытаться. Ночь была слишком теплой для ноября, она не могла найти удобную позу в постели, хотя в этом нет совершенно ничего удивительного, ведь, все в ее жизни сейчас шло наперекосяк.

Лиам О'Нейл был храбрецом. Он нарушил правило, установленное Хаммером по поводу ее неприкосновенности, и поцеловал ее. Вообще то, он не просто поцеловал ее. В тот шокирующий момент, он завладел ею, заставил ее жаждать его рта, заставил ее захотеть, чтобы его обнаженное тело скользило в одном ритме с ее, чтобы он раздвинул ей ноги своими мощными бедрами, и до отказа заполнил собой. Он сделает это с ней в привычной для него манере: основательно, без малейших колебаний двигаясь к намеченной цели. Она могла быть влюблена в Хаммера, но Лиам был таким привлекательным... он заинтересовал ее.

Не имело смысла отрицать, что прошла уже почти вечность с тех пор, как к ней прикасался мужчина, но Лиам доказал, что может заставить ее почувствовать больше, чем просто сбившееся дыхание. Но гораздо более важным было то, что он предлагал ей все, в чем она нуждалась. А именно: шанс попробовать себя в качестве сабы и оценить свои возможности.

Она сглотнула. Возможно, сейчас было самое время перестать мечтать о том, чтобы принадлежать Хаммеру. Но Рейн даже не помнила времени, когда еще не была влюблена в него. Он не просто подобрал ее на улице, он дал ей крышу над головой и пищу, а также работу, которую она любила. Именно он научил ее водить машину, настоял на получении среднего образования и помогал оплачивать колледж до тех пор, пока она не получила степень бакалавра. Хаммер постоянно поддерживал ее, слушал ее рассказы об ужасно проведенном детстве и всегда успокаивал словами сочувствия и уверениями в ее невиновности. Всеми возможными путями, он защищал и заботился о ней. Берег ее, как сокровище. И совсем не видел в ней женщину. Болезненное осознание того, что он видел в ней всего навсего младшую сестренку, заставляло ее сердце обливаться кровью.

Поэтому сейчас, в ее жизни наступил переломный момент, перепутье... Ей нужно было решить... остаться на той же самой дорожке, по которой она шла вот уже шесть лет? Или покинуть "Темницу"? А может попробовать себя в качестве сабы под руководством Лиамы?

Скорее всего, Хаммер не влюбится в нее по мгновению волшебной палочки, особенно при наличии вокруг таких женщин, как Марли, на расстоянии вытянутой руки. Но что случится, если она все бросит, даже не попробовав набраться смелости, и показать ему, что она может стать той женщиной, на которую он бы обратил внимание? Будет ли она всю жизнь сожалеть о своем выборе?

Сможет ли она принять предложение Лиамы с чистой совестью и не терзаться мыслью о том, что подожди она чуть подольше, Хаммер бы сам пришел к ней? В таком случае ей нужно действовать. Сейчас. Она больше не может жить половинчатой, неполноценной

жизнью. Никакого больше кофе и маффинов. Она не какая-то гребаная официантка! Ей нужно действовать решительно и продемонстрировать ему, что она сможет быть всем, о чем он только мечтал.

Судя по часам, было около четырех утра. Она может заявиться к Хаммеру сюрпризом, и тем самым увидеть его настоящую реакцию, а не просчитанное поведение. Его неподготовленный ответ откроет ей все, что ей нужно знать.

Она быстро приняла душ, причесалась, нанесла макияж и надела соблазнительное белье. Готова. Надев шелковые чулки и пару сексуальных туфель на шпильке, она вышла из комнаты без четверти пять.

Нервы были на пределе, когда она достала ключи, прошла через холл и направилась в комнату Хаммера. Открыв дрожащими руками дверь в его личный офис и спальню, она скользнула внутрь на цыпочках, чтобы не стучать каблуками, жмурясь при каждом случайном шорохе. Она молилась о том, чтобы он оказался один.

Казалось, прошла целая вечность, пока она добралась до спальни и увидела его сильное мужественное тело с обнаженным торсом в лунном свете. Без Марли... Слава Богу.

Серебристые лучи подсвечивали выступы мышц на его плечах, груди и животе. Черные боксеры едва прикрывали его член. На секунду, она забыла, как дышать. Ей очень редко удавалось застать Хаммера настолько обнаженным.

Во рту пересохло, когда она представила, как ложится с ним в постель и как тает ее тело, пока он мощно двигается в ней. Если у нее все получится сейчас, то она, узнает, какое это счастье: принадлежать Хаммеру. И наконец таки, по-настоящему поймет, что значит быть взятой и удовлетворенной любимым мужчиной.

Она опустилась на постель, рядом с ним. Его невероятно мускулистое тело, занимало большую часть матраса, и она склонилась над ним, чтобы вдохнуть его аромат. Muskus, кожа, секс, чистый хлопок. Все в нем было так знакомо, и так сексуально.

Внутренности скрутило предвкушением, когда она прочертила вниз кончиками пальцев линию по его торсу, между твердыми грудными мышцами и дальше, наблюдая за тем, как его мускулы сокращаются от каждого прикосновения. Волнение отдалось в ее клиторе, когда она аккуратно начала стягивать его боксеры, вниз по бедрам.

Ее глаза расширились. Он был такой большой, что даже в расслабленном состоянии, головка его члена была далеко не маленькой, а яички тяжело свисали. Ей захотелось получше рассмотреть его при лунном свете. И она очень надеялась остаться с ним в постели надолго, даже после того, как взойдет солнце.

Боже, как она мечтала все эти годы...о нем.

Она наслаждалась этим моментом, ощущая, как потекла ее ноющая киска.

Затем, опустив голову, она лизнула его член всей плоскостью языка, по направлению к головке, ощущая его мужественный, чуть солоноватый привкус, и почувствовала, как он начал твердеть. За считанные секунды, он был в полной боевой готовности, и, боже правый, это было удивительное зрелище. Толстый, длинный и готовый заполнить ее жаждущее тело и некоторые другие места.

Рейн вздрогнула при этой мысли, и со стоном взяла его член в рот, погружая его до тех пор, пока он не уперся в заднюю стенку ее горла. Она продолжала сосать и ласкать его языком, когда он вдруг начал приподнимать бедра ей навстречу, врываясь в ее рот. Она приняла его полностью, и он застонал от безумного удовольствия, сжав своими пальцами ее волосы и властно продолжая входить в ее горло.

— Дааааааа. Глубже.

Рейн умирала от желания принять его настолько глубоко, чтобы он никогда не захотел ее покидать. Она растянула свои губы, полностью открываясь ему.

— Да, вот так. О-о...моя прелесть.

Она посмотрела на него, его глаза были по-прежнему закрыты. Ее сердце учащенно забилось. Разве он называл так кого-то еще, кроме нее? Она могла точно сказать, что нет. Значит, он думал сейчас о ней? Может быть, в глубине души, он также желал ее.

Хныкая, Рейн все глубже втягивала его в свой рот, издавая стоны и упиваясь его мужским вкусом. Удивившись тому, что между ее губ он еще сильнее затвердел, она закрыла глаза и вздрогнула, когда хватка в ее волосах стала грубой, и он врезался в ее рот еще одним несдержанным толчком.

Она расслабила горло и задышала через нос, вспомнив, как другие сабы описывали эту технику, и начала облизывать его член по всей длине, кружа языком вокруг головки и дразня чувствительное местечко на ее нижней стороне. Медленно продвигаясь вниз, плотно удерживая его губами, до тех пор, пока не прижалась к самому основанию. Затем, еще медленнее, она начала приподниматься, снова тщательно обработав вершину.

Она чувствовала, что здесь ей самое место... принадлежать ему, служить и дарить наслаждение. Хотя, она, черт возьми, тоже получала ни с чем несравнимое удовольствие.

Да, он мог убеждать кого угодно в том, что то, что она делала своими руками и ртом, не имело значения... но он не мог отрицать того, как замечательно было это ощущать, только не тогда, когда все его тело напрягалось, яички подтягивались вверх, а член пульсировал у нее на языке.

Отступая назад и снова облизывая головку, она прошептала, — Да, Макен...

В мерцающем лунном свете, он, наконец, с трудом приоткрыл тяжелые веки, испытывая очевидное замешательство. Затем он посмотрел вниз, на нее... узнавая. Его глаза расширились. Он усилил хватку на ее волосах и скользнул глубже в ее рот, исторгнув из груди протяжный стон.

Рейн сжала его член еще крепче своими красными губами, щедро одаривая его своим вниманием, и смотря вверх прямо на него, с сердечной привязанностью в глазах.

Ужас искажил его лицо.

— Нет, Рейн! — удалось ему выговорить, между рваными вдохами, после чего резко откатился от нее, будто она вся была охвачена огнем.

— О чем ты, черт возьми, думала, что ты делаешь? Боже!

— Я-я хотела сделать Вам приятное. Я хотела....

Показать тебе, что я чувствую.

Он спрыгнул с кровати, заправляя все еще твердый и блестящий от ее слюны член, в боксеры, и щелкнул выключателем. Его глаза потемнели, и напоминали грозовые тучи.

— Почему ты делаешь мне минет, посреди ночи? У нас не те отношения.

Она с надеждой посмотрела на него, но, почувствовав себя выставленной напоказ в своем почти ничего не прикрывающем белье, скользнула под простыни, пытаясь спрятаться.

— Но они могли бы стать такими.

— Нет, Рейн... прелесть.

Его голос смягчился.

— Никогда.

Пристальный взгляд Хаммера был совсем недобрым, в нем была смесь: тревоги и стыда. И это оскорбляло ее. И злило.

Рейн стрельнула в него обвиняющим острым взглядом.

— Тебе понравилось! Ты стонал! Ты даже называл меня "прелестью", как и всегда. Ты отчаянно трахал мой рот даже после того, как узнал, что это я. Я здесь, чтобы показать тебе, что я могу удовлетворить тебя, как женщина. Дай мне шанс... Всего один.

Но Хаммер лишь покачал головой. И от его отказа, на ее глазах выступили слезы. Рейн отчаянно пыталась заставить себя успокоиться.

— Почему не я? Почему каждая другая чертова женщина, которая переступает порог этого клуба, но не я?

— Я не прикоснусь к тебе, Рейн. И не жди от меня объяснений! Уходи!

Он направился к двери.

— Иди в свою комнату и возвращайся в постель. Мы забудем об этом. Не переступай порог мой спальни снова, без моего на то разрешения.

— Я не хочу ничего забывать!

Она выпрыгнула из кровати и уставилась на него. Под боксерами его член был все еще тверд и страстно жаждал ее.

— Выглядит так, будто ты все еще хочешь меня, по крайней мере, хоть чуть-чуть. У меня нет такого роста и опыта, как у Марли, но зато у меня есть огромное желание, я хочу научиться. Если тебе не понравился мой минет, то обучи меня! Я буду любить тебя так, как она никогда не сможет. Разве для тебя это ничего не значит?

— Твою мать, Рейн! Мы не будем говорить об этом. Позже, когда ты будешь одета, я определю подходящее наказание за то, что ты без спросу пришла ко мне, и позабочусь о том, чтобы этого больше не повторилось. Иди!

Каждое его слово резало, словно нож, а он, казалось, даже не заметил. Или ему было попросту наплевать.

— Я не ребенок. Я сделаю все для тебя. Почему ты не хочешь меня?

— Прекрати, блять, испытывать мое терпение, Рейн. Перестань пытаться управлять снизу, ты сабмиссив, а не доминант. Уходи, сейчас же!

Рейн пыталась сдержать слезы. Управлять снизу. Даа, теперь она поняла его точку зрения. Может быть, ей стоит сменить тактику....

Она встала на колени и опустила глаза, положив ладони на бедра, делая тем самым все возможное, чтобы казаться покорной.

— Я сожалею, Сэр. Позвольте мне сделать Вам приятно и облегчить Ваш дискомфорт. Позвольте мне служить Вам.

Его все еще твердый большой член, был в нескольких дюймах от ее лица, и, казалось, вот-вот разорвет его нижнее белье. Ее рот наполнился слюной, уже тоскуя по его вкусу.

— Пожалуйста.

Из его груди вырвалось рычание. Он схватил ее за руку и рывком поставил на ноги. Он ни разу не посмотрел в ее сторону, пока тащил к двери, открыв ее, он вышвырнул девушку из комнаты.

— Перестань подталкивать меня! Этого никогда не случится! Вбей это уже себе в голову, девочка!

Он захлопнул дверь прямо перед ее лицом и запер, закрыв на задвижку.

В ужасе моргнув, Рейн проглотила всхлип и повалилась на пол, закрыв лицо руками и

ощущая полную внутреннюю опустошенность. Она с открытым сердцем предложила ему всю себя, а он так грубо отказал ей. Очевидно, его больше привлекал типаж Марли со своими ненастоящими сиськами и еще более ненастоящими эмоциями. Хаммер не дорожил женскими сердцами, он просто трахал тело.

До этого, она все еще надеялась, что его сочувствие и забота могли трансформироваться во что-то большее, но... Он не любил ее; он ее жалел. А она так перед ним унижалась. Прекрасно. Значит, она уйдет и начнет все сначала. Да, она любила это место. Люди, энергия, искренняя забота работников друг о друге — это было ее домом.

"Темница" было единственным местом, где она чувствовала себя в безопасности. Ей было некуда идти, кроме того, Лиам предложил ей достойную причину остаться, обещая дать ей то, чего она так долго хотела. Но Лиам не был Хаммером. Ведь на самом деле, она едва его знала. Как, черт возьми, она сможет отдать себя целиком незнакомому мужчине?

С другой стороны, как то, что она даст согласие на предложение Лиам может повлиять на ее душевные раны? Она и так уже причинила себе максимальную боль. Возможно, ей просто нужно радоваться тому, что ей доступно и смириться с тем, что она никогда не получит желаемого? По крайней мере, первое время.

И если Хаммеру будет наплевать на то, что она с другим... что ж, так даже лучше.

Хаммер не мог сделать нормального вдоха, пока не закрыл дверь за Рейн. Он знал, что она побежала к себе, зализывать раны. Потом, он обязательно помирится с ней, когда разберется со своей похотью и научится держать ее под контролем.

Разъяренный и расстроенный, он начал таранить деревянный пол кулаком до тех пор, пока не пошла кровь. Если бы он позволил Рейн остаться хоть на секунду дольше, то схватил бы ее, впечатал в кровать и трахал бы всю следующую неделю. У него не было и тени сомнения по этому поводу.

Он едва себя сдерживал, чтобы не открыть дверь, затащить ее внутрь, перевернуть на спину и навалиться всем телом. Видение ее рта, крепко обхватывающего член, запечатлелось на его сетчатке.

— Да чтоб меня! — он закрыл глаза и сжал пальцы, пытаясь стряхнуть боль с разбитых костяшек.

Они пульсировали почти также, как и его член. Из-за нее. Проклятье, ему по-прежнему придется пересекаться с ней каждый день. Видеть ее улыбку, искорки в ее глазах... чувствовать ее запах, черт возьми. Он не сможет противостоять всему этому, если не позаботится о своем желании сейчас.

Дико проклиная все на свете, он взял с ближайшей полочки тубик со смазкой и выдавил себе немного на ладонь. Затем обхватил свой ноющий член и начал грубо двигать по нему кулаком, быстрыми, бесстыдными рывками.

Картинки с Рейн засасывающей его в жар своего головокружительного рта, проносились в его сознании. Проклятая маленькая распутница! Она лишила его последней крупницы самоконтроля, заставив унизиться до мастурбации, безнадежно грезя о ее прикосновении. Он отчаянно толкнулся в кулак.

Поначалу, ему снилась Рейн на густой лужайке зеленой травы, густая грива ее черных волос разметалась по его животу, в то время как она поклонялась своим ртом его члену. Но реальность оказалась еще лучше, когда он проснулся. Она вылизывала языком соблазнительные дорожки по взбухшим и пульсирующим венам на его члене, заглатывая

почти всю толщину, погружая каждый дюйм его твердости в горло.

А потом... блять, Рейн встала на колени, предложив использовать себя всеми грубыми и грязными способами, какие он мог только придумать. Резкая вспышка прошла по его спине. Он простонал ее имя, когда его тело задрожало, а член дернулся в руке.

Его мысли были заполнены диким желанием, от которого можно было задохнуться. Он начал двигаться быстрее и жестче. Хаммер буквально гнался за удовольствием, его локоть постоянно ударялся о дверь при каждом движении руки до тех пор, пока он с головокружительной силой не взорвался, издав хриплый стон.

— Рейн!

Струи спермы выстреливали одна за другой, разлетаясь брызгами по плиточному полу. Он задышался, пытаясь восстановить дыхание. Потребность в немедленном оргазме отступила, но тоска по ней осталась.

В тишине раздался яростный женский вскрик.

— О мой... ты издеваешься? Ты что там, дрочишь?

Хаммер застыл. Рейн. Вот дерьмо! Она что, подслушивала за дверью? После того, как он безжалостно и жестоко отверг ее, казалось странным, что она не побежала к себе в комнату. Вместо этого она осталась под дверью, и слышала каждый момент его жалкого самоудовлетворения, слышала даже то, когда кончая, он отчаянно выкрикивал ее имя.

— Да как ты смеешь, ублюдок!

Боль в ее голосе разрезала его надвое.

Хаммер прислонился к двери, и, вздохнув, опустил голову. И что, черт возьми, он должен сейчас сделать? Какую чушь он должен произнести в свое оправдание?

Переступив через бардак, устроенным им на полу, он торопливо натянул брюки, пытаясь заставить свой медлительный мозг выдумать что-нибудь, хоть наполовину правдоподобное. Прежде, чем он успел что-то придумать, раздался треск... грохот разлетелся по всему зданию. Какого...?

Пробормотав проклятье, он рывком открыл дверь и помчался вниз, в холл. Обогнув угол, он увидел Рейн, копающуюся в стеллаже с новыми, стерилизованными игрушками. Она вытаскивала их и бросала на пол.

Они были разбросаны повсюду: подпрыгивая, раскалываясь на части, скользя по декоративному бетонному покрытию.

Хаммер пытался справиться с шоком, пока Рейн кидалась тяжелыми коробками с презервативами и баночками со смазкой, как новичок, подающий в команде по бейсболу. Внезапно она вперилась в него взглядом своих синих глаз, сияющих как маяк в этой затемненной комнате. Он видел ее сердитой и раньше, но такой злой, никогда. Никакой ад не мог сравниться с силой женского презрения.

— Пошел ты! — бросила она ему.

— Хотя, нет. Лучше иди подрочи! Очевидно тебе это проще, чем переспать со мной.

Он проглотил ее замечание и сузил глаза.

— Как думаешь, что ты сейчас делаешь, за исключением того, что ты закатила потрясающую истерику?

Она сжала в руке огромный фиолетовый фаллоимитатор.

— Наслаждаюсь швырянием силиконовых членов в твою маленькую сексуальную крошку Марли!

Она занесла руку и бросила в него то, что сжимала в ладони, Хаммер едва успел

увернуться от стремительно летящей ему в голову торпеды. Его гнев набирал силу.

— Приди в себя, девочка. Сейчас же!

— Отвали! У тебя был шанс!

В изумлении подняв бровь, он наблюдал за тем, как выражение на ее лице напряглось, сменяясь быстро растущей яростью и раздражением.

— Рейн..., - предостерег он.

Она презрительно усмехнулась.

— Я больше не собираюсь тебя слушаться. Ты захотел меня и решил подрочить, вместо того, чтобы воспользоваться моим ртом, который я тебе предложила. Почему? Я начинаю думать, что ты не тот мужчина, которого я себе представляла. Ты все еще хочешь, чтобы я успокоилась?

Она с вызовом вздернула голову и скрестила на груди руки.

— Так заставь меня!

— Серьезно, дорогая? Ты хочешь, чтобы я тебя заставил? — голос Хаммера стал опасно низким.

Она растоптала все правила поведения сабы. И крайне сильно оскорбила его. Бросила ему вызов, который он не мог не принять. И, черт возьми, за это он хотел ее еще больше.

У девчонки был огонек; она могла сжечь его в постели. То, как она отчаянно предложила себя ему, подсказало Хаммеру, что она просто требовала внимания к своей персоне. Но если он даст ей то, к чему она так стремится, она будет проклята.

Все, что он мог сделать на данный момент, это наказать ее за неповиновение и надеяться, что это заставит их отдалиться друг от друга. Хаммер не пытался лгать самому себе. Мысли о том, как он будет пороть ее голую задницу, заставляли извращенца в нем, возбуждаться снова и снова.

Он с особой тщательностью будет выполнять свою работу. Возможно, ей даже будет больно сидеть еще несколько дней после наказания.

Он зажмет ее длинные пряди в кулак, и заставит резко запрокинуть голову. Ее губы будут дрожать рядом с его, пока он будет прижимать ее к себе.

Он поборол в себе желание немедленно поцеловать ее. Почему Рейн пробуждала в нем такой ненасытный голод? Что в ней было такого, что заставляло его жаждать ее с такой силой? Заставляло его хотеть сорвать с нее одежду и погружаться в нее снова и снова?

Восстановив контроль над собой, Хаммер пристально посмотрел ей в глаза, пропуская через себя ее злость, проникая взглядом в ее душу, до самого разбитого сердца. Сделав это, он почувствовал, как ее агония передалась ему.

Он чертовски сильно жалел о том, что нельзя вернуть назад то время, когда их отношения с Рейн были гораздо проще. Направлять ее, было счастьем для него, пока она не повзрослела и не превратилась в женщину.

Он был просто не способен игнорировать ее страстную красоту так долго, поэтому его неуклонно преследовали мысли о том, чтобы утвердить свои права на нее. Отказывая ей сейчас, он чувствовал себя первоклассным козлом.

Он задавался этим вопросом уже далеко не впервые: защищал ли он ее от себя или просто ранил еще больше? Ответ всегда был одним и тем же. Для собственного же блага, ей лучше держаться на расстоянии. Ее оскорбленная гордость излечится быстрее, чем разбитая душа. Поэтому ему нужно быть осторожным.

Если она начнет подозревать, насколько близко он находился от того, чтобы не послать к черту свою предупредительность, то никогда не перестанет пытаться пробиться сквозь его стены. Эта упрямая маленькая лисичка сотрет его контроль в порошок, ведь он не мог слишком долго ей сопротивляться, желая ее так сильно. И это заставляло его почувствовать себя эгоистичной скотиной.

Несмотря на все заверения Лиама, он никогда уже не станет цельным. Он не заслужил быть им. Поэтому Рейн придется довольствоваться его руководством со стороны, а он будет молиться о том, чтобы когда-нибудь она нашла себе правильного Дома... того, кто оценит ее по достоинству. Даже если сама мысль об этом, причиняла ему смертельную боль.

— Чего ты хотела добиться швырянием в меня игрушек? Ты совсем потеряла голову? — потребовал он низким тоном.

— Хотя, нет. Лучше помолчи. Ты хочешь, чтобы с тобой обращались как с сабой? Ну что ж, тогда вот он — твой звездный час! — бросил он, резко отпуская ее.

— Раздевайся!

Да, он был явно тупым ублюдком, испытывая свой, и без того, шаткий контроль. Но любой Доминант на его месте попытался бы разрушить ее защиту, так тщательно спрятанную внутри. Ему было просто необходимо, чтобы она открылась ему, как физически, так и эмоционально. Оставить ее уязвимой. Может тогда он заставит ее подчиняться.

Ее глаза расширились, потом вдруг сузились, она пристально и свирепо посмотрела на него, крепче скрестив руки на груди. Ее грудь аппетитно приподнималась. Заставив себя не смотреть на нее, он схватил ее за запястья и отбросил их в стороны. После чего сорвал с ее груди откровенный черный кружевной бюстгальтер. Тот упал на пол, отчего ее груди оказались на свободе.

Рейн поспешила прикрыться руками, но он не позволил ей сделать этого — и старался не смотреть на ее сочные груди с идеальными розовыми сосками.

— Остальное тоже, прелесть. Я приказал тебе раздеться. Не тогда когда у тебя будет подходящее время и настроение для этого, а прямо сейчас!

Нахмурившись, она сжала свои пухлые красные губы.

— Ты упустил свою возможность, парень. Собственным поведением ты доказал, что не хочешь иметь со мной ничего общего, кроме того, чтобы тянуть меня за волосы и дрочить. Мы покончили с этим.

Она дернулась и освободилась из его хватки, повернувшись к нему спиной и подразнив соблазнительным видом свой попки в стрингах, направляясь к выходу, оставив между ними брошенный на полу лифчик. Неистовая распутница испытывала на прочность свою удачу, так откровенно бросая ему вызов.

У него кончилось терпение. Он с трудом сделал глубокий вдох, схватил ее за шею и пригнул к полу. Моментально рухнув, она запрокинула голову назад. И тут, ее молчаливый и яростный взгляд, встретился с его. Твою мать, в голове промелькнула тысяча образов того, как он хотел взять ее...

— Достаточно! Это открытое неповиновение закончится здесь и сейчас.

Хаммер перебросил Рейн через плечо. В ответ на ее дрожь негодования, он шлепнул ее по голый заднице и понес из общего холла обратно к себе в спальню.

В ту секунду, когда они пересекли дверной проем, он захлопнул дверь и бросил Рейн на кровать, затем стянул с ее бедер трусики... и потерял дар речи. Дерьмо! Ее киска была чисто выбритой, набухшей и розовой. Он чуть не оступился, когда ее пряный запах заполнил его ноздри.

Комната поплыла перед глазами. Его член болезненно запульсировал. Он забыл, черт возьми, как дышать. Сжав зубы, он присел на край кровати, позади этой маленькой ведьмочки, заставляя себя вспомнить, что она лежит обнаженной в его постели для наказания, а не для его наслаждения.

Одним плавным движением, Хаммер перебросил ее через свои колени и схватил в кулак ее волосы. Проигнорировав ее визг, скинул с нее туфли и нетерпеливо разорвал шелковые чулки. Теперь она лежала абсолютной голый у него на коленях.

подавив свое дикое возбуждение, он уставился на ее гладкую мягкую попку и отвел назад руку. Он замер, фантазируя о том, как проскользнет пальцами в ее киску, соберет ее соки и мягко поведет их назад, к ее нежной розочке, как следует, подготавливая ее для

Господина... так, как он, черт возьми, давно хотел... чтобы потом погрузиться в задницу, и овладеть ей. Эта фантазия прокручивалась у него в голове тысячу раз.

Мужик, даже не думай, этого не случится!

Пытаясь восстановить равномерное дыхание, Хаммер постарался сконцентрироваться. Настоящий Доминант должен всегда проводить наказание спокойно, в холодной манере. Не имело значения то, что Рейн пробудила в нем дикого зверя с бурлящей сексуальной жадой. Он проклянет себя, если она спровоцирует его на действия, о которых он потом будет жалеть.

Досчитав про себя до десяти, он сосредоточился на уроке, который собирался ей преподать.

— Ты будешь считать для меня, прелесть, громко и ясно. А я буду шлепать тебя по твоей прекрасной заднице до тех пор, пока ты не начнешь подчиняться правилам и соблюдать границы между нами.

— Нет.... ты.... не посмеешь! заявила она, и начала извиваться у него на коленях, чтобы вырваться из его захвата.

Она ерзала, задевая его член, при каждом движении, ее запах захватывал его. Увидев ее нежные складки, между бедер, Хаммер тихо выругался. Рейн была очень влажной.

— Даже не думай — ай! она взвизгнула, когда ощутила первый обжигающий удар на своей ягодице.

Он чувствовал, как расплавленный мед ее желания просачивается сквозь его брюки, и обжигает бедро, при каждой ее попытке вырваться. Ее пьянящий аромат, вдохнул жизнь в его уже и без того болезненную эрекцию.

— Считай, — прорычал он.

— Один, ты трусливый ублюдок. Ты высказался. Теперь, отпусти меня!

— Трусливый ублюдок? О-о, прелесть, я еще даже не начал излагать свою точку зрения, и ты не представляешь, какой большой сволочью, я могу быть. Просто подожди немного.

Он снова ударил ее по нежному задку, и сжал кулаки, чтобы подавить пожар, охвативший его ладони.

— А теперь, продолжай считать, но уже без дерзких комментариев.

Извиваясь над его твердым членом, она зашипела. Черт побери, Рейн что, задалась целью сокрушить его самоконтроль еще до того, как он закончит ее наказание.

— Прекрасно. Я буду считать.

Проговорила она певучим, полным сарказма, голосом.

— Один, два. Я не твоя! Три, четыре. Трахай свою шлюху в сортире! Пять, шесть. У кого-то стояк — вот напасть! Семь, восемь. Опоздал, придурок! Я тебе не отдамся!

Хаммеру едва удалось сдержаться и не рассмеяться в полный голос. Только Рейн могла продолжать оскорблять его, в то время, как он отвечивал шлепки по ее заднице. Это наказание, вряд ли положит конец ее оскорблениям. Он был уверен, что единственный способ лишить ее дерзости, это раздвинуть ей ноги и затрахать до потери сознания. Но если он только начнет, то уже никогда не сможет остановиться.

Еще два более быстрых удара обожгли ее ягодицы, после чего он наклонился и прошептал ей на ухо, — Девять, десять, начать сначала — будет весело.

Она взвизгнула от ярости, и он занес руку для следующего удара. Ее упругие бедра раздвинулись — и разум покинул его. И прежде, чем рассудок вернулся, он глубоко проник двумя пальцами в ее мокрое лоно.

О Боже..... Тугое. Скользкое. Опухшее. Предел всех его мечтаний. Он страстно желал ее, и это плавило его мозг, посылая к черту, все благие намерения.

Задыхаясь, она задвигала бедрами, насаживаясь на его пальцы. Звуки ее удовольствия заставили его почувствовать себя так, будто его плоть разрывали добела раскаленным гвоздем. В его прикосновениях к Рейн, никогда раньше не было сексуального подтекста. Теперь же, его член пульсировал в такт с биением его сердца. Засаживая пальцы глубже, он повернул ладонь и потер большим пальцем горошинку ее клитора, отчего она потекла еще сильнее... это заставило его сердце отбивать бешеный ритм.

— Я все еще ублюдок, прелесть?

— Нет, — она всхлипнула и склонила голову, признавая свое поражение.

— Пожалуйста....

Это был самый возбуждающий момент в его жизни. Боже, она была настолько прекрасна, со своими темными волосами, рассыпавшимися по его бедрам, запрокинутым затылком и краснеющей под его руками задницей. Он боролся с собой, чтобы не перевернуть ее, прижать спиной к матрасу, и войти внутрь ее мокрой, уютной киски.

— Ты думаешь, я не знаю, чего ты хочешь?

Тяжело дыша, он продолжал ласкать ее клитор, заставляя ее громко стонать от его прикосновений.

— Видишь, дорогая. Я знаю. И кто теперь Господин?

— Вы, Сэр. Пожалуйста... Вы. Вы все, что я когда-либо желала.

Иисусе... она буквально растерзала свою грудь, чтобы показать ему чувства, скрывавшиеся внутри. В отличие от него, у нее было достаточно силы воли, чтобы признаться в них. Он гордился ее смелостью, даже не смотря на то, что его собственное сердце болезненно сжималось. Может быть, ради нее он мог бы попытаться забыть свое прошлое... но тогда он должен был бы признаться Рейн в своем громадном провале.

Блять, нет. Он предпочел бы, чтобы она боготворила его издалека, чем ненавидела, находясь рядом с ним. Или, еще хуже, боялась его.

— Я всегда буду с тобой... просто не на твоих условиях.

Не в силах больше сдерживаться, он приподнял бедра и прижался своим стальным членом к ее мягкому животу.

— Я не буду отрицать, что ты делаешь меня твердым, когда ты голая, на моих коленях, и находишься в моей полной власти. Но я не дам тебе большего. А у тебя нет права что-либо требовать у меня. Не связывай со мной свои надежды, прелесть. Я не так хорош, как тебе кажется.

Теперь, когда он добился своего, он должен отстраниться от нее, поставить на ноги и выставить за дверь. Но ощущение того, как ее киска сладко сжимает его пальцы заставляло его член вопить о своей потребности, он не мог заставить себя отпустить ее. Еще чуть-чуть... украсть всего несколько мгновений, чтобы ублажить ее... Весьма маловероятно, что он когда-нибудь снова прикоснется к ней.

Называя себя последним дураком, Хаммер ввел в ее мокрую киску третий палец, и нашел комочек нервов, скрытый глубоко внутри. Он мягко помассировал чувствительную ткань, его собственное тело напрягалось, он хрипло дышал, ощущая, как ее нектар покрывает его ладонь.

— Хочешь кончить для меня?

Рейн застонала и отчаянно закивала, хныкая от невыразимой жажды. Он почувствовал,

как ее складочки затрепетали, когда она напряглась, дрожа всем телом.

— Пожалуйста... Да, — просила она.

— Я хочу этого. Так сильно. С Вами.

Возможно, также сильно, как и он нуждался в том, чтобы подарить ей оргазм. Но он должен был сделать то, что считал лучшим для Рейн. Она нуждалась в уроке уважения границ между ними — иначе, в будущем, им не избежать катастрофы. Не обращая внимания на ее нежные мольбы, он вытащил пальцы из сладкой киски.

— Нет, ты не вправе получить разрядку. Это будет твоим наказанием за своевольное поведение, оскорбления, бесстыдное обольщение, и прежде всего, за твое ужасное обращение.

Снова оказавшись на ногах, она возмущенно вскрикнула от неудовлетворенности.

Он подавил в себе порыв зарычать на нее. Но не мог отказаться от соблазнительной возможности скользнуть взглядом по ее обнаженному телу. Ее блестящая киска, эти красные соски, затвердевшие от утренней прохлады, гипнотические глаза, с сексуальным мерцанием... все вызвало к нему. Это он привел ее в такое состояние, поместив подобное выражение на ее лице.

Отстраняя в сторону свое желание, он встал, подготовившись закончить наказание, добавив финальный штрих.

— Тебе запрещается испытывать оргазм в последующие три дня, девочка.

У нее отвисла челюсть.

— Вы доводите меня до грани безумия своими большими пальцами, а затем останавливаетесь

— Да.

Он склонил голову, молча предупреждая ее, не перечить ему.

Выражение немного ужаса на ее лице удовлетворило его.

— И вот еще что, пойдя и наведи порядок в "Темнице", прелесть. На сегодня мы закончили.

Повернувшись к ней спиной, он вошел в свою ванную комнату, и запер за собой дверь, стараясь выровнять свое прерывистое дыхание. Стянув с себя брюки и включив душ, он взглянул на свой покрасневший пульсирующий член... снова. И, проклиная все на свете, он прислонился спиной к холодной плитке. Теперь в копилку его мучительных воспоминаний добавилось еще одно... о том, как Рейн извивалась на его коленях, так возбуждающе умоляя его, разрешить ей кончить. Его мысли были наполнены ее присутствием, он зажмурился.

С сожалением, он намылил ладонь и снова начал резкими движениями поглаживать свой член, проводя по вздутым венам и опухшей, ноющей головке. Это не продлилось долго. В его мозгу не переставая, прокручивались картинки того, как она сосала... он быстро кончил. Сердце отстукивало бешеный ритм. Хаммер откинул назад голову и сжал зубы, чтобы сдержаться, рвущийся наружу хриплый крик. Продолжая стонать, он помылся, после чего выключил воду и с тяжелым вздохом обернул вокруг талии полотенце.

То, что ему пришлось прочесть, как незрелому подростку... не один раз, а дважды, дико выводило его из себя.

— И чья это ошибка, придурок?

Твоя собственная.

Он готовился к тому, чтобы делать вид, будто между ними ничего не произошло, случайно пересекаясь с ней в клубе. Если он не будет равнодушен, то только подстегнет ее к

действиям. Он не мог так рисковать. Рейн уже доказала, свою способность снести нахрен его самоконтроль. Он чертовски надеялся на то, что с ее непослушными выходками покончено, в противном случае, если ему придется наказывать ее еще раз... прикасаться к ней... он не сдержится. Широко раздвинув ее ноги, он глубоко войдет в нее и затрахает до потери пульса. Даже последующее за этим раскаяние, не остановит его.

Проведя рукой по волосам, он открыл дверь ванной, выпустив облако пара, шагнул в спальню... и замер. В центре его кровати лежала с разведенными ногами Рейн, в ее кисть с соблазнительным приглашением, был вставлен розовый вибратор, а голова откинута назад в сексуальном экстазе. Боже, она была такой красивой.

Его ноздри расширились. Челюсть сжалась. Сердце бешено заколотилось. И, черт возьми, его непослушный член, снова ожил.

Хаммер с трудом подошел к кровати, окунувшись в облако ее женственного пьянящего аромата. С усилием сглотнул. Ему следовало остановить ее... но вместо этого, он лег на матрас, загипнотизированный тем, как игрушка исчезла между ее скользкими складочками.

Она зажмурилась. Прогнув спину, она уперлась пятками в постель и, рухнув рядом с ним, застонала, представляя собой ошеломительный образ наслаждения.

Хаммер мог только бессовестно пялиться на нее.

Каждый день, в течение нескольких лет, она баловала его кофе и любимой выпечкой, желая угодить ему. Но сейчас, это дерзкое и чертовски сексуальное поведение, громко и ясно говорило ему "пошел на хер". Очевидно, она нуждалась в более суровом наказании, чем просто шлепанье рукой по ее голой заднице.

— Прежде, чем ты достигнешь второго оргазма, я пожалуй, возьму вот это.

Он убрал ее руку в сторону и вытащил игрушку из ее кисти. Его рот тут же наполнился слюной, потому как ему до невозможности захотелось попробовать ее на вкус.

Рейн развалилась на кровати и томно на него посмотрела. Затем ее взгляд опустился на его бедра, прикрытые полотенцем.

— Ты сейчас попытаешься меня убедить в том, что тебе не понравилось шоу, которое я устроила?

На ее дерзкий вопрос он ответил своим фирменным строгим взглядом.

— Я очень разочарован в тебе. Ты грубо и демонстративно нарушила мое наказание.

Поднимаясь на ноги, все еще обнаженная, она старалась сморгнуть внезапно выступившие слезы.

— А может быть это мне следует быть разочарованной в тебе? Ты хотел меня сегодня, но не признаешь этого! По крайней мере, будь честен с самим собой! Я пришла к тебе, излучая желание, выставя напоказ свои чувства. Я предоставила тебе возможность взять все, что ты хотел от меня. Но нет! Ты заставил меня почувствовать себя несмышленным ребенком, а сам дрыгал за дверью. Это, по-твоему, поведение взрослого человека, признающего свои желания? Знаешь, что? Все прекрасно! Мне кажется, я знаю кое-кого, способного быть настоящим мужчиной! Спасибо тебе за твое "ничего", Хаммер!

Он резко схватил ее, намотав на свой кулак ее шелковистые волосы, и повел к стене, заставляя ее приподняться на носочки.

— Руки за спину и лицом к стене, девочка. И больше ни слова, черт побери. Послушай меня, — потребовал он.

— Ты когда-нибудь задумывалась над тем, что, если ты перестанешь вести себя, как ребенок, я перестану относиться к тебе подобным образом? Я не знаю, что спровоцировало

это дерзкое поведение, но могу сказать тебе одно, мне это не нравится, и я не собираюсь с этим мириться. Я ясно выражаюсь?

Она не ответила, но он знал, что она услышала его. Этого было достаточно.

— Скажи мне, прелесть, стал бы твой мифический Доминант спасать твою жизнь, давать крышу над головой и пропитание, стал бы он одевать тебя и оплачивать обучение, при этом ни хрена не попросив взамен?

Жизненная энергия мгновенно покинула ее тело. Слезы градом покатались по ее щекам, и каждый ее всхлип резал его, словно нож по сердцу.

— Мое отношение к Вам не имеет ничего общего с тем, что Вы однажды спасли меня. Я всегда буду Вам за это благодарна. Вы это хотели услышать? Разве недостаточно того, что я должна Вам за все, что сейчас имею. Просто я так чертовски устала быть невидимой. Каждый долбаный день, я нахожусь здесь. Вы смотрите на меня, но не видите во мне женщину. Почему? Я не достаточно послушна? Не привлекательна? Не достаточно умна и образована? Или это потому, что я не точная копия одной из Ваших силиконовых шлюх?

Каждое сказанное ей слово, еще больше разбивало его сердце. И он был абсолютно уверен, что вспышка неповиновения со стороны Рейн, была связана с тем, что она увидела его вместе с Марли. Плюс ко всему, ее неуверенность и его отказ, лишь поспособствовали этому. Неужели Рейн была настолько неуверенна в себе, что не замечала того, что Марли и все, похожие на нее, и мизинца ее не стоят?

Вздыхнув, он развернул ее к себе лицом.

— Ты не права, дорогая. Я никогда не игнорировал тебя. Почему это взбрело тебе в голову? Потому что я не позволил тебе поставить себя на колени и, не обратил свое внимание на тебя, играя по твоим правилам? Я вижу перед собой великолепную, яркую женщину, которой ты стала, но твое поведение заставляет меня предполагать, что ты хочешь повиноваться исключительно своим желаниям. Если ты так стремишься быть главной, то, как тогда ты собираешься себе внутри себя позволить расцвести? Твоя сегодняшняя истерика спровоцирована тем, что я провел прошлую ночь с Марли. Я сожалею, что это причинило тебе боль, но хочу тебе напомнить, что ты ничего не решаешь в моей жизни за меня.

Рейн наклонила голову и закрыла глаза. Он мог практически осязать, как на нее накатывают волны безнадежности.

— Но я не могу с ней конкурировать. У меня почти нет опыта.

Ее тоненький, сорванный голосок уничтожал его. Хаммер не смог вовремя остановиться и, обхватив ладонью ее затылок, нежно приласкал.

— Это не соревнование.

— Как раз наоборот! У меня даже не было шанса показать свою покорность, научиться и вырасти, — выговорила она со всхлипом.

— Никто не прикасается ко мне, чтобы не ссориться с Вами. За последние пять лет, я занималась сексом всего два раза. Я никогда по-настоящему не кончала. Каждый мужчина здесь, избегает меня. Я чувствую себя... ущербной и уродливой. Если Вы не хотите меня, то хотя бы, проявите немного милосердия и отпустите меня.

Каждое жестокое в своей честности слово, выскальзывающее из ее рта, обжигало его, словно кислота. Его решение позволить другим Доминантам смотреть, но не трогать ее, делало из нее его заложницу, птичку в позолоченной клетке.

Он не имел права обвинять ее в том, что как сабмиссив, она была недостаточно тренирована. Каким образом ей предполагалось расцвести, если он только и делал, что

задерживал ее взросление, при этом отказываясь ее отпустить. Лиам был прав; он обращался с ней в высшей степени несправедливо.

Ты ведь знал, на протяжении долгих лет, что она любит тебя, а ты, ты просто ненормальный, запутавшийся трахальщик.... Сколько времени ты заботишься о ней? Переживаешь за нее?

Чувство вины обжигало горечью его язык. Черт возьми, он не был тем, кто был ей нужен. И эта правда причиняла боль. Разозлившись на себя за то, что он не может быть тем человеком, которого она заслуживает, Хаммер понял, что должен освободить ее. Но позволить ей уйти будет чертовски трудно.

Страх того, что она найдет лучшего Господина, скрутил его внутренности. Эта боль пробуждала в нем не самые лучшие качества, он дернулся при мысли, что потеряет ее... уже точно зная каким образом гарантировать ее дальнейшее послушание.

— Ты хочешь попробовать на вкус доминирование кого-то другого? Я бы мог это устроить.

Он скрипнул зубами.

— Ты заслуживаешь наказания. Как ты смотришь на то, чтобы провести вечер скажем... с Беком?

Хаммер практически моментально пожалел об озвученной угрозе. Иисусе... ему нужно перестать позволять своим эмоциям одерживать верх, но Рейн заставляла его вести себя скорее как уличного хулигана, чем Доминанта.

Широко распахнув глаза, она вздрогнула всем телом.

— Но...он...о-он...

Большой любитель садизма, ему нравится пытать сабмиссивов.

Рейн не была рабыней боли. Хаммеру нужно было убедить Рейн прекратить свои поползновения в его сторону, не зависимо от того, насколько дорого они оба заплатят за этот урок. И он не мог просто так забрать угрозу назад, не подрывая свой авторитет.

Она вывернулась из рук Хаммера и взглянула на него с отчетливой паникой в глазах.

— Господи Боже, ты что, еще не достаточно сильно унизил меня? Ты бы отдал ему свою драгоценную Марли? Конечно же, нет. Тебе немаловажно, что случится с ней. Ты заботишься обо всем, что может напугать ее или оставить след. А Я? А давайте-ка бросим маленькую девочку в логово большого серого волка, почему нет? Ты будешь смеяться, наблюдая за тем, как он ставит на мне свои отметины?

Ее злая насмешка, пристыдила его до глубины души.

— Поскольку раньше, ты вела себя хорошо, и никогда не поступала так, как сегодня, я буду милосердным, и отзову наказание, но при одном условии: ты должна извиниться.

Хаммер молился, чтобы она согласилась с его снисходительностью. Вместо этого, ее глаза практически вылезли из орбит, от услышанного.

— Ты хочешь, чтобы я извинилась, потому что была настолько глупа и призналась тебе в своих чувствах, которые ты просто растерзал в клочья? Нет. И знаешь, что? Я все сделаю! Именно так я и сделаю.

Хаммер только успел подумать о том, что ее темперамент уже не может стать хуже, как она решила доказать ему обратное, сделав... что? Он понятия не имел.

Она исчезла в своей комнате, находящейся в дальнем конце зала, хлопнув дверью так, что задрожали стены. Спустя несколько минут, она снова появилась в его кабинете, одетая в

крошечную юбку и короткий топ без бюстгальтера, с глубоким декольте.

Она без предупреждения запустила в него ключами от офиса. Но он поймал их прежде, чем они успели ударить его в грудь.

— Я больше не буду стоять у тебя на пути. Я не буду смотреть на тебя преданными щенячьими глазами. Не буду опекать тебя. Я не буду пилить тебя, и заказывать тебе выпивку. И, безусловно, не буду заниматься мастурбацией с мыслями о тебе. Просто вычеркни меня из своей памяти, потому что я ухожу. И никогда не вернусь.

Нет. Блять, нет!

Прежде чем она успела выбежать за дверь, одержимая яростью, он догнал ее и схватил за руку своими пальцами, заключив ее запястье в стальную хватку.

— Остановись! Ты действительно собираешься вести себя как ребенок, и угрожать, что убежишь из дома, потому что не получила то, чего хотела?

— Поскольку ты только что побывал своими пальцами в моей киске, я думаю, ты понял, что я совсем не ребенок, а женщина. И я также знаю, что имею право на то, чтобы уйти. Так что, до свидания.

Со стороны маленькой Рейн было так чертовски ловко, бросить ему в лицо собственную же тупость. Ему пришлось заглушить в себе порыв, наорать на нее. Хотя они и так уже громко шумели, что перебудили других Домов и саб, спящих неподалеку в личных комнатах, своим дьявольским утренним разбирательством.

Вместо этого, он сильнее сжал ее руку.

— Ты плачешь, потому что я не уделяю тебе внимания, но когда я приказываю, чтобы ты сдерживала свой оргазм, чтобы научить тебя покорности, ты бросаешь мне вызов — на моей собственной кровати. Ты клянешься, что хочешь господства, и я предоставляю тебе одного из Доминантов. Но он не тот, кого ты хочешь! Чувствуешь закономерность? Ты готова подчиниться только себе. И угадай что? Это. Не. Работает. Таким. Образом!

Вдруг, в коридоре, он услышал какое-то движение. Хаммер оглянулся через плечо Рейн, и увидел, наблюдающего за ними, Лиама, с мрачным выражением на лице, медленно застегивающего свои брюки.

Хаммер снова обратил свое внимание к Рейн, и понял, что она смотрит на лестницу, очевидно, планируя свой побег. Даже когда она ослушалась его, он продолжал бороться с желанием прикоснуться к ней своими губами. Прижать ее к стене и затрахать настолько сильно, чтобы она забыла про свое отношение к нему, причиненную им боль и чувство неуверенности. Чтобы не оставить ни единого сомнения в том, что она принадлежала ему. Даже если это было неправдой.

Снова посмотрев ей через плечо, ему было приятно обнаружить, что Лиам, мудро отступил назад в тень, но Хаммер был абсолютно уверен в том, что тот продолжал их слушать.

— То есть мне предполагается позволить Беку сделать со мной все, что он захочет? Позволить ему сделать то, что у нормальных людей обычно происходит в безопасности и по взаимному согласию?

Рейн бросала вызов.

— Ты же знаешь, с ним не безопасно. Ты даже ни разу не отдавал ему саб, способных зайти слишком далеко и терпеть сильную боль. Но бросить ему на растерзание ту, которая еще никогда не испытывала свой болевой порог не нормально! Ты знаешь, насколько сильно он пугает меня, о каком взаимном согласии может идти речь? При таком раскладе, я думаю, тебе понравится смотреть на то, как меня будут резать на кусочки.

— Ты так в этом уверена?

— А что еще мне остается? Я заигралась и натворила что-то из твоего списка «категорически под запретом». Это заставило тебя пойти на такой шаг. Но ты не можешь удержать меня против воли. Я сказала тебе, что с меня довольно. Я считаю, что мне крупно повезло, покинуть это место с разбитым сердцем, а не со всем остальным... о котором бы с удовольствием позаботился Бек.

Черт побери, она была права. И он сгорал от желания, протянуть руку и погладить ее по щеке, тем самым, успокоить ее и извиниться.

— Всего хорошего.

Слезы катились по ее лицу.

— Я очень надеюсь, что когда-нибудь, ты поймешь, что такие женщины как Марли, слишком пустые и поверхностные, чтобы занять место в таком большом сердце, как у тебя. И поверь мне, я знаю, что говорю.

Запаниковав и абсолютно не желая ее отпускать, он прижал ее собой к стене. Уперев одну руку в стену у нее над головой, он посмотрел в ее штормовые глаза.

— Неужели ты действительно думаешь, что после шести гребаных лет, что ты провела здесь, я позволил бы Беку сломить тебя? И ты понятия не имеешь, что творится в моем сердце, поэтому, пожалуйста, не трать напрасно время на свои предположения.

Ее твердые маленькие соски царапнули его обнаженную грудь, посылая разряд электричества прямо к члену. Даже ее простое поворачивание туда-сюда, разжигало в нем желание. Он чувствовал себя сволочью, и ненавидел себя за это.

— У меня нет твоей уверенности в Беке. Прямо сейчас у меня даже еще меньше уверенности в тебе. Ты распыляешь свое внимание, трахая куколок, а когда к тебе пришла я, с чистыми намерениями, то просто не выдержала конкуренции. Я сделала неправильный

выбор. Ты разбил мне сердце.

Она покачала головой и шмыгнула носом, пытаясь сдержать новый поток слез.

— Развлекайся со своей маленькой Мисс Ботокс. Если Марли и ей подобным, захочется ублажить кого-то орально, то... я не знаю более оснащенного для этих игр человека, чем ты.

Толкнув его в плечо, Рейн вырвалась и пронеслась мимо, одарив его предостерегающим взглядом, говорившим "только тронь меня, и тебя ждет непреднамеренная кастрация". Боже, он не мог допустить, чтобы все закончилось. Не с гневом и горечью, осуждением и таким чертовски огромным сожалением. Он разбил ее хрупкую душу... но что еще ему оставалось делать? Он не мог просто объяснить причины своего отказа, не раскрыв, при этом, своих самых грязных секретов.

Не обращая внимания на ее молчаливое предупреждение, он снова схватил ее и толкнул к стене, прижимая своим телом настолько, что любое движение с ее стороны становилось просто невозможным. Его член дернулся.

— Я уже говорил тебе, что я не слишком хорош для тебя, прелесть. Мне неприятно смотреть на то, как ты страдаешь, но я не позволю тебе уйти. Твое место здесь. Запомни это своей упрямой башкой.

Она изгибалась, пытаясь вырваться, отталкивала его и наступала на ноги. Но он даже не сдвинулся с места. Он просто продолжал стоять на месте и смотреть на ее рыдания.

— Ты не тот, о ком я мечтала. Я влюбилась в щедрого, доброго мужчину со стальным характером и добрым сердцем. Однажды ты спас меня... но сейчас, я и так уже в слезах, а ты заходишь еще дальше, заставляя меня почувствовать себя тупицей, несущей бред.

Она бросила на него уничтожающий взгляд.

— У меня ушло достаточно много времени, чтобы понять одну вещь. Это с тобой что-то не так, а не со мной. Я всегда думала, что это со мной не все в порядке, но твои проблемы гораздо глубже. По крайней мере, я хочу избавиться от своих призраков. А ты, кажется, уже сроднился со своими, позволяя им преследовать тебя.

Его сердце сжалось. После всех этих лет, что он пытался оградить ее от своих демонов, она могла по-прежнему видеть его насквозь. А он обманул ее ожидания. Красный туман затянул дымной пеленой его зрение. Блять!

— Что с тобой, Макен?

Она покачала головой.

— Ладно, забудь об этом. Ты все равно никогда не расскажешь мне.

Она вздернула подбородок и посмотрела на него своими пылающими голубыми глазами.

— Спасибо большое за последние шесть лет, Сэр. Теперь, пожалуйста, отпустите меня.

Боже, это невозможно. И что теперь? Ведь у него нет ни одной чертовой зацепки. Гнев пронзал каждую клеточку его тела, от злости он ударил кулаком в стену, рядом с ее головой. Штукатурка градом посыпалась на пол.

— Черт побери, Хаммер! — с упреком рявкнул Лиам, бросаясь по коридору в его сторону.

— Какого хрена ты творишь?

Подойдя к ним, он убрал руки Хаммера от Рейн. Мгновение, и она была свободна. Лиам обнял ее дрожащее тело, и она уткнулась лицом в его плечо.

— Посмотри на себя, парень. Ты что, совсем выжил из ума? Оставь малышку в покое. Ты пугаешь ее до смерти!

Хаммер сжал челюсть. Лиам был прав. Как он вообще мог повести себя таким образом и потерять контроль? И с какой стати, она так быстро и так легко прижалась к Лиаму?

Рейн отошла от Лиамы.

— Прошу прощения, что разбудила Вас. Я собиралась зайти попрощаться, как только Хаммер позволил бы мне уйти.

— С тобой все в порядке?

Лиам нежно погладил ее по лицу, и от этого касания, у Хаммера снова появилось желание пробить эту чертову стену. Когда, интересно, они начали общаться? И почему вдруг, Лиам решил, что Рейн позволит ему прикоснуться к ней?

— Со мной все хорошо.

Печальная улыбка тронула уголки ее губ.

— Спасибо за Вашу попытку. Я честное слово хотела...

Она покачала головой.

— Но, я не настолько хороша для Вас, Лиам. Как сказал Хаммер, я — ничто, упрямая и плохо воспитанная девчонка. Считайте, что вы увернулись от пули. Я желаю вам всего наилучшего.

Не настолько хороша для него? Что... если их связывало нечто большее, чем пожатие руки?

— О чем, черт возьми, ты говоришь? Блять, девочка, я никогда не говорил такого! прорычал он.

— Или, ты не поняла ни одного моего слова?

Лиам вздохнул. После чего, уверенными и мягкими движениями своих пальцев, заправил прядь волос, цвета полуночи, за ухо Рейн, и терпеливым голосом произнес:

— Иди по коридору и подожди меня в моей комнате, хорошо? Я бы хотел поговорить с тобой, прежде чем ты уйдешь.

Она уже хотела было протестовать, но он остановил ее и добавил:

— Не стоит принимать поспешных решений, пока ты в таком состоянии. Позволь мне поговорить с Хаммером. Я скоро вернусь и мы обо всем поговорим с тобой. Ты сделаешь это для меня, милая? Это не займет и минуты.

В нерешительности она прикусила губу, отмечая то, как спокойное поведение Лиамы контрастирует с его яростным взглядом. Рейн вздохнула.

— Хорошо.

Хаммер не мог не заметить, с какой легкостью, она подчинилась его другу. Выругавшись про себя, он, как и Лиам повернул голову, чтобы посмотреть, как она идет по темному коридору к комнате другого Доминанта.

Стоило ей только скрыться из поля их зрения, Лиам тут же повернулся к Хаммеру, выглядя при этом, словно хренов рыцарь в сияющих доспехах. Он посмотрел на него недоверчивым и осуждающим взглядом.

— Что происходит между вами двумя? зарычал Хаммер.

— А что происходит между вами двумя? противопоставил ему Лиам.

— Я понятия не имею, какая муха вас укусила, но увидев состояние, в котором вы с Рейн находитесь, становится очевидным, что ты спятил. Мне стоит лишний раз упомянуть о том, что черноволосая крошка Рейн уделала тебя, Хаммер?

О, он был в этом уверен. Как будто разборка с Рейн ему было недостаточно, и Лиам решил, что ему просто необходимо вставить, блять, свои гребаные пять копеек. Зачем?

Чтобы посмотреть, сколько еще он сможет выдержать, прежде чем сорваться?

— У тебя есть ко мне еще какой-то вопрос? Или мы можем просто выйти наружу, чтобы я мог сломать тебе челюсть?

— Мне не хочется ставить тебя в неловкое положение, потому как, боюсь, я могу вымыть твоим лицом парковку. Но это не решит проблему. Вытащи свою голову из задницы, приятель. Ты волнуешься, что причинишь ей боль своими желаниями, и боишься попробовать, потому что Джульетта скрывала от тебя свои чувства.

— Я никогда не говорил об этом, — огрызнулся Хаммер.

Проницательный ублюдок.

— Не настолько многословно, как хотелось бы, но я точно знаю, что ты размышлял об этом. После сегодняшнего, ты все еще думаешь, что Рейн будет скрывать свои чувства от тебя? Если она несчастлива, думаешь, она оставит это при себе?

Хаммер ошетинился.

— Она чертовки независима. Разве ты видишь, чтобы она жила подобно Джульетте? Она не готова к такому образу жизни. Она не позволит мне указывать ей, какие носочки надеть, и уж тем более подобрать ей целый гардероб. И знаешь что? Это еще всего лишь верхушка айсберга.

— Я не могу тебя понять. Ты хочешь, чтобы она стала покорной, но ничего не делаешь, чтобы помочь ей стать той, которая тебе нужна. Где логика, — медленно произнес Лиам.

— Честно сказать, я не думаю, что она когда-нибудь станет такой. Если она станет дисциплинированной, это будет идти в разрез с ее характером. И мы оба будем несчастны. И потом, это может навредить ей. Я не могу этого допустить.

— Тогда перестать ее удерживать, когда она пытается уйти.

— Это не так просто. Каждый раз, когда она входит в мою комнату, мир вокруг оживает. Но стоит ей только уйти, я, мать твою, разваливаюсь на части. Я не пытаюсь причинить ей боль.

— Неужели ты действительно думаешь, что можешь приказывать ей остаться в "Темнице", после всего того, что между вами произошло? Ты сам сказал, что она импульсивна. Если помнишь, ты рассказывал мне о том, что она ушла из дома, будучи еще совсем маленьким ребенком. Так неужели ты думаешь, что она не сделает этого снова, но уже в облике взрослой женщины? И перед тем, как снова показать свой темперамент, подумай, что будет в "Темнице" без Рейн. И давай на чистоту, что при этом будешь чувствовать ты?

Ему было чертовски трудно дышать. Запаниковав, Хаммер сжал кулаки.

— Это пройдет. Через час, она успокоится.

— Ты что сейчас, сам себя уговариваешь? Боже мой! — Лиам снова покачал головой.

— Вот что я тебе скажу, ты держал Рейн на таком коротком поводке, что она еле дышала. Но она покончила с этим. Она уже, практически, ушла из этого дома.

— Только через мой труп.

— Тогда скажи, насколько сильно ты хочешь, чтобы она осталась? Потому что я уверен, что она уйдет, еще до восхода солнца.

Хаммер тяжело вздохнул. Сейчас, он ненавидел Лиам за то, что тот вмешивался не в свое дело. Но, по большей части, он ненавидел своего друга еще и за то, что тот говорил абсолютную правду.

— Черт возьми!

Он проглотил крик отчаяния. Он никогда не рассматривал даже гипотетическую

возможность того, что Рейн покинет "Темницу", он просто не сможет с этим жить.

— Пораскинь мозгами, — настаивал Лиам.

— Если ты позволишь ей уйти, то будешь сожалеть об этом всю свою оставшуюся жизнь. И боль от потери Джульетты будет не сравнимой, с тем, что ты будешь испытывать, если потеряешь Рейн.

Лиам высказал его самые худшие опасения. Хаммер сглотнул.

— И что, черт возьми, ты хочешь, чтобы я сделал? спросил он, размахивая руками.

— Раз ты знаешь все на свете, то скажи, как мне выбраться из этого дерьма, в котором я сейчас нахожусь?

— Ну, если ты не в состоянии, и у тебя нет желания, научить ее стать покорной, то думаю, что я мог бы помочь ей в этом.

Лиам небрежно пожал плечами.

— Она довольно хорошенькая.

— Не смей! пришел в ярость Хаммер.

— Рейн не сможет справиться с тобой.

— А Бек, значит, пушистый зайчик по сравнению со мной? Ты сам говорил, что порка ничему ее не научит, так быстро поменял свое мнение? Думаешь, этот садист сделает ей лучше?

Нет. Хаммер не пытался исправить ее... он просто хотел, чтобы она возненавидела его.

— Может быть.

Лиам закатил свои глаза.

— Дай ее мне, я исправлю ее. Я понимаю, что она попала тебе под горячую руку и заслуживает наказания, но ради Бога... Что, черт возьми, на тебя нашло, что ты решил отдать ее в руки этому садисту и сукиному сыну? Ведь он, наверняка, сломает ее.

— Нет. Рейн заслуживает наказания за свое отвратительное поведение этим утром. И я позабочусь о том, чтобы она его получила.

— А как насчет твоего поведения? Рейн почти попала в точку, сказав, что ты никогда бы не позволил Беку прикоснуться к своим сабам. Неужели, ты оберегал и лелеял ее в течение стольких лет, чтобы бросить ее, словно проклятую кость ротвейлеру?

Он постарался сдержать дрожь в своем теле.

— Я уже вынес для нее наказание, и я не могу отозвать его назад. Она, уже и без того, достаточно подорвала мой авторитет. У Рейн будет сет с Бек. Это мое окончательное решение.

Лиам повернулся и внимательно посмотрел на Хаммера, словно пытался заглянуть ему в душу.

— Очень хорошо. Но если у меня получится уговорить ее остаться, я требую, чтобы мы оба, ты и я, присутствовали на сете, рядом с ней. Мы не должны допустить, чтобы Бек потерял голову, и пролилась чья-то кровь, или, чтобы он пропустил мимо ушей ее стоп-слово.

Недоверие Лиамы и Рейн заставляли его кипеть от ярости. Они что, оба считали, что он не будет внимательно следить за тем, чтобы в процессе сета Бек не превысил свои полномочия?

— Договорились.

Кивнув, Лиам резко развернулся и зашагал по коридору, в поисках Рейн. Хаммеру оставалось лишь наблюдать за ним. Как, черт возьми, все то, что он имел, так быстро

превратилось в дерьмо? Со вздохом отвращения, он наблюдал за тем, как его друг исчезает в своей спальне с женщиной, забравшей его душу... он надеялся, что Лиам совершит чудо.

Лиам вошел в свою затемненную комнату. И увидел, как Рейн развернулась на кровати и посмотрела на него. Свет из коридора осветил ее большие глаза, обращенные к нему. По ее щекам бежали серебристые дорожки слез, а нос немного покраснел. Да и, в общем, это потерянное выражение на лице малышки, разжигало внутри него желание, подойти к ней, обнять и успокоить.

Но пока, он не мог себе этого позволить. Сейчас она была взволнована и подавлена. Поэтому первое, что он должен был сделать — это успокоить ее, после чего выяснить, о чем она думает.

— С тобой все в порядке? — спросил он, закрывая за собой дверь и зажигая свечку на тумбочке.

— Я уже говорила, что со мной все в порядке. И я сожалею, что мы разбудили Вас. Что случилось с Хаммером? Он злится на Вас? Или на меня? Да, он не на шутку рассердился. Черт. Извините, я очень нервничаю.

Она судорожно вздохнула.

— Я не хотела мямлить. Мне лучше заткнуться. Мне не понадобится много времени на то, чтобы собраться и уйти, честно.

— Останься, Рейн. Я хотел бы поговорить с тобой.

Он добавил командные нотки в свой голос, чтобы склонить ее к послушанию.

— Я хотел бы выслушать тебя и понять, смогу ли я чем-нибудь помочь тебе. Расскажи мне, что случилось.

Ее лицо мгновенно стало непроницаемым, отчего Лиам почувствовал легкое разочарование. Ему нужно было установить контакт с этой девушкой, если он хотел использовать ее, чтобы помочь Хаммеру. Проклятье, Рейн была целым кладезем неудовлетворенных потребностей, и как Доминант, он не мог позволить ей страдать.

— Расскажи мне.

Он подошел поближе, и присел на край кровати рядом с ней. Дождавшись момента, когда она посмотрит на него, он взял ее щеки обеими ладонями. Даже, несмотря на то, что сейчас она страдала и испытывала душевную боль, ее тонкие черты привлекали его.

Она напряглась и сглотнула.

Блять, если Хаммер собирался ревновать, то ему будет за что... потому что Лиам знал, она не боится его прикосновений. Он должен был как можно быстрее исправить их с Хаммером отношения... и забыть, как сильно ему понравилось, касаться ее.

— Все в порядке, — заверил он ее.

— У тебя было тяжелое утро, тебе нужно выговориться.

— Благодарю Вас, но думаю, Вам ни к чему утруждать себя. Утренние события, лишь только в очередной раз, доказали мне, что я должна повзрослеть. Я сожалею. И, наверное, мне стоит извиниться перед Хаммером, вот только отброшу подальше свою гордость. Но говорить об этом бессмысленно. Просто больше мне здесь нет места.

Тяжело вздохнув, она поднялась с кровати.

Его взгляд упал на нежные изгибы ее тела, и только сейчас до Лиамы вдруг дошло, как мало на ней было надето. Наклонившись к нему, она предоставила его взору ложбинку между ее грудей. И повергла в еще больший шок — когда поцеловала его в щеку. Ему

пришлось побороть в себе желание прикоснуться к ней.

— Некоторым сабам очень повезло с Вами. Я должна извиниться, хотя это и не для меня. Но, все равно, спасибо за Ваше предложение.

Он старался сохранять спокойствие, думать и действовать очень осторожно.

— Я пока не отпускал тебя. Сядь и расскажи мне, что случилось.

Он бы говорил с ней в более строгом тоне, но пока не мог себе этого позволить, поэтому сейчас его голос звучал скорее просительно, чем требовательно.

На мгновение, она задумалась, после чего плюхнулась на кровать, выглядя при этом немного смущенной и печальной.

— Я подумала, что прежде, чем серьезно рассмотреть Ваше предложение, я должна была убедиться, есть ли у меня хоть какой-то шанс, что Хаммер сможет...

Она остановилась и вздохнула.

— Но его нет. Я надела сексуальное белье, и прокралась к нему в комнату, пытаюсь соблазнить его. Я даже ласкала ртом его..

Скривив лицо, она отвернулась, а Лиам мысленно представил яркий образ того, что она сделала, чтобы добиться внимания Хаммера.

— Но он, как всегда, отшил меня. Это было больно. Мы ругались. Я потеряла самообладание. Боже, как же это отвратительно.

Она пожала плечами.

— Вот и все.

На его губах появилась улыбка.

— У меня даже нет сомнений в том, что ты испугала его до чертиков. Думаю, что проснуться от мягкого, влажного и жаркого рта женщины, который обхватывает его Джона Томаса, это незабываемо. Я бы сказал, что ты его удивила, и он неадекватно на это отреагировал. Конечно, ты не хотела его пугать.

Она вскочила на ноги.

— Ох, мне следовало догадаться, что Вы будете защищать интересы своего приятеля! Да, я удивила Хаммера, но он возбудился! Он вышвырнул меня из комнаты, словно провинившегося котенка, чтобы потом драть за дверь. У него даже хватило наглости прокричать мое имя, когда он... ну, Вы поняли. Вы, возможно, скажите, что как у Доминанта, у него есть на это право, но я так взбесилась, что все перед глазами поплыло. Я пошла в зал и начала расшвыривать на пол все, что попадалось под руку. Да, это было очень глупо. После этого Хаммер решил, что я заслуживаю порки. И он вставил свои пальцы в мою...

Она покачала головой.

— Он не будет решать, когда и как мне можно испытать оргазм, я прояснила это между нами.

Рейн была похожа на крошечную злую птичку, с сияющими перышками, выплевывая эти слова и жестикулируя руками. Она была великолепна. Он подарил ей искреннюю улыбку, в красках представляя себе то, что она описывала. Она в ответ закатила глаза.

— Вы думаете, это смешно? Ну, тогда, блин, я с Вашего позволения, сваливаю.

Не успела она дойти до двери, как он схватил ее за запястье и прижал спиной к себе. Полностью окружив ее собой, он начал поглаживать ее по спине, чтобы смягчить резкость своего жеста.

— Все уже позади, девочка. Иисусе... держу пари, что тот его оргазм был пустым и

ничего незначащим, по сравнению с тем, который он мог бы получить, находясь между твоих губ.

Она фыркнула.

— Нет. Я ему как сестра, он не хочет меня и никогда не захочет. И я не уверена в том, что найду в себе силы остаться и наблюдать за тем, как он развлекается с такими женщинами как Марли.

Она завозилась у него в руках.

— Вы не могли бы отпустить меня?

Да хрена с два! Если она думала, что Хаммер хочет кого-то еще, кроме нее, то кто-то должен раскрыть ей глаза на правду. Не бессмысленными словами, а действиями... Хаммер в горячке ревности сможет ее убедить в обратном.

— Ты же не можешь по-настоящему хотеть бросить свой дом и все, что ты когда-либо знала? — мягко сказал он.

— Мое предложение все еще в силе. Хаммер провалил свою работу, не натренировав тебя и не заставив почувствовать собственную значимость. Позволь мне заменить его. Разве тебе ни капельки не интересно, что из тебя может получиться?

Она заколебалась, размышляя.

Лиаму хотелось подтолкнуть ее, но он не стал этого делать. Время еще не пришло. Нужно еще немного поупрашивать.

— Ну давай, девочка. Ты готова. Любой ответственный Дом удовлетворяет нужды своей сабы, а тебя давно никто не удовлетворял из-за непрерывного надзора Хаммера.

Рейн уставилась на него, покусывая губу. Он почти слышал работу ее мыслей. Самое время, чтобы слегка надавить на нее.

— Будь смелой, красавица. Возьми то, что я тебе предлагаю. Я буду хорошим Домом, обещаю.

— Звучит здорово и все такое, но Хаммер же Ваш лучший друг. И у Вас заняло пару месяцев понять то, что я в чем-то нуждаюсь... и Вы считаете, что, неважно, что это такое, я живу без этого. Плюс, Вы никогда по-настоящему не говорили мне, что Вы будете с этого иметь. Да, Вы сказали, что я красивая, но я не думаю, что исключительно моя внешность послужила катализатором Вашего желания тренировать меня. И это все, не принимая во внимание то, что Вы буквально пританцовывали вокруг меня, прося рассказать о моем разговоре с Хаммером, несколько минут назад. Поэтому, уж простите, что я немного подозрительна.

Сообразительная девочка. Осторожная. Но он больше не мог позволить этому продолжаться.

— Мне кажется, что ты больше выиграешь, чем потеряешь, если дашь мне шанс. Мне жаль, что Хаммер отказал тебе. Но разве это повод, чтобы покидать свой родной дом? Почему бы вместо того, чтобы сбежать, не попробовать новую возможность? Определить свои границы и вырасти.

Он отступил на шаг, оставляя между ними расстояние, чтобы она не чувствовала себя стесненной и не испугалась.

— Кажется, ты думаешь, что мной движет какой-то скрытый мотив, но я бы соврал, если бы сказал, что меня не влечет твоя потребность в защите, и грамотном обучении. Я искренне верю в то, что ты в этом нуждаешься.

Она послала ему внимательный взгляд.

— Если Вам нечего от меня скрывать, то, тогда расскажите, о чем вы двое разговаривали перед тем, как Вы пришли ко мне?

Он заставил себя легкомысленно пожать плечами.

— Я думал, что это очевидно. Мы обсуждали, как у вас все дошло до такого шума. Вы настолько разгорячились, что на вас, наверное, можно было бы поджарить яичницу. Он мой друг, почему я не должен о нем беспокоиться?

— Да, о нем, само собой. Это имеет смысл. Но я? Я же ничего не значу для Вас.

Как и сказал Хаммер, доверие давалось ей с большим трудом. И заработать его, было делом чести, еще одним вызовом с ее стороны. Но если его план сработает, то Рейн и Хаммер оба будут в выигрыше. В процессе ее тренировки, ему нужно будет абстрагироваться от цели своей уловки и сосредоточиться на ее потребностях. В конечном счете, она поверит в то, что он желает ей счастья.

— Потому что мое беспокойство за Хаммера, распространяется на его обязанности, как Доминанта. И если он по какой-либо причине не способен их выполнять, то я готов встать ему на замену. В таком случае, ты тоже входишь в круг моих забот.

Она в отвращении наморщила носик.

— Я устала являться предметом чьей-то ответственности.

— Ты не просто предмет ответственности для него. Ты не права, если думаешь, что он не любит тебя. Возможно это не то, чего бы ты хотела от него, но он заботится о тебе.

Он вздернул подбородок. Разговор с ней был похож на партию в шахматы. Ему нужно было просчитывать каждый свой шаг.

— Я буду более честным и скажу, что для меня ты будешь не просто предметом ответственности. Ты не прошедшая проверку саба. Это делает тебя лакомым кусочком. Я буду наслаждаться процессом твоего подчинения. Ты станешь прекрасным вызовом для моего эго Доминанта.

Она покраснела.

— И Вас не беспокоит то, что я люблю его?

Тщательно обдумывая слова, Лиам на полшага приблизился к ней, и, взяв ее лицо в свои ладони, пристально взглянул в ее глаза.

— Мне не нужна твоя любовь, девочка, достаточно просто доверия. Я уже говорил, что готов помочь тебе стать сабой, той, который ты хочешь быть. Позволять, или не позволять. Выбор за тобой. Но знай, Рейн: сожаление — слишком тяжелая ноша, чтобы носить ее на своей шее всю жизнь.

Она отвернулась, пытаясь обдумать его предложение. А он продолжал смотреть ей в лицо, практически замечая, как ее мысли ускорили ход и завращались в процессе обдумывания его слов. Очаровательно, и так естественно. Он привык к женщинам, скрывающим свои мысли, особенно к таким, какой была его бывшая жена.

Рейн же, была чистым листом бумаги во многих отношениях. Свежая. Сама мысль о ее формировании под его руководством, восхищала его. Сама идея о том, чтобы прикоснуться к ней, приводила его в восторг... даже больше, чем следовало.

— Я вижу, что ты имеешь в виду, — наконец признала она.

— Но в чем же тогда подвох?

Медленно, но уверенно, он придвинулся к ней.

— Хаммер настаивает на твоём наказании. И я не смогу препятствовать Беку на его территории. Но если ты позволишь мне тренировать тебя, я не позволю ему притронуться к

тебе. В любом случае, я на твоей стороне и поддерживаю тебя всеми доступными средствами.

Она воинственно приподняла подбородок.

— Если я останусь, то справлюсь с Беком. Я не трусиха.

Лиам поборол улыбку. Рейн была такой разной: распутницей, умной девочкой, запертой в теле взрослой женщины, сабой без Доминанта, но он бы никогда не посмел назвать ее трусихой.

— Нет, это не про тебя. Ну же, давай.

Он взял ее за руку.

— Позволь мне дать тебе почувствовать вкус того, в чем как я думаю, ты нуждаешься.

Ты не можешь согласиться на то, чего еще полностью не понимаешь.

Он мягко потянул ее к себе.

В этот раз, она сомневалась всего лишь мгновение, прежде чем подчиниться. Он присел на кровать, притянув ее к себе на колени, и развернул лицом к зеркалу.

Она отвела взгляд.

— Посмотри на нас, — скомандовал он, громкость его голоса едва превышала шепот.

Теперь, ни секунды не сомневаясь, она пристально посмотрела в зеркало, вглядываясь в затемненную комнату, чтобы встретиться с его взглядом.

Как только ее спина прижалась к его груди, он почувствовал, насколько маленькой она была, устроившись у него на коленях.

Она вздрогнула, когда он прошелся губами по раковинке ее ушка.

— Выше всяких похвал, — сказал он ей.

— Тебе требуется дисциплина, и в этом я согласен с Хаммером... тебя нужно выпороть за твою предыдущую выходку.

Когда она уже приоткрыла было рот, чтобы протестовать, он прижал к нему палец и послал ей строгий взгляд.

— Ни слова. Позволь мне закончить.

Когда она осела, обиженно надув губы, он подавил еще одну улыбку. С этой девочкой будет много возни. Но что-то в ней очаровывало его.

Одному Господу известно, что простое разглядывание в зеркале, ее полуприкрытых кусочками ткани, изгибов, забирало ощутимую толику его самоконтроля. Он ощущал острую необходимость, как можно скорее отыскать и вскрыть все ее защитные покровы, чтобы полностью открыть ее душу.

Сама мысль об этом захватывала дух. Ментальный образ того, как она, обнаженная и привязанная, смотрела на него с доверием и жадой... Пошло все к черту, если он не становился от этого твердым. Нет, даже слишком твердым.

— Но что тебе действительно нужно, это не только дисциплина, а еще понимание и чувство привязанности. Когда ты последний разговаривала с кем-нибудь по душам?

Паника мелькнула на ее лице.

— Разве вы не хотите просто связать меня, бросить лицом вниз, отшлепать, и...

О-о, со временем, он именно так и сделает.

— Без доверия, это просто насилие. И поверь мне, я никогда не буду так к тебе относиться.

Она снова завозилась.

— Просто разговаривала?

Боль исказила ее черты, как будто он собирался загонять лезвия под ее крошечные

ноготки.

Он подавил еще одну улыбку. Забавная маленькая стервочка собиралась держать его под каблуком.

— А как, по-твоему, еще можно достичь доверия?

Теперь, Рейн откровенно поморщилась, и он уже не в силах сдерживать улыбку, рассмеялся.

— Точно. Еще посмейтесь надо мной.

Она слегка ткнула его локтем. И в ее колких словах он не услышал раздражения. Она скорее дразнила, чем дерзила ему в этот момент. Едва уловимая тень улыбки на ее лице порадовала его.

— Я уже говорил, что собираюсь раскрыть тебя, как спелый персик, правда?

Он вздернул бровь. Едва появившаяся улыбка, исчезла. Медленно, она кивнула.

— Если ты примешь мое предложение, то быстро научишься понимать, что если я что-то говорю, то твердо намерен это сделать.

Лиам сверлил ее взглядом через зеркало, молчаливо убеждая ее поверить ему. Но он знал, что всему придет свое время.

— И мне нужно, чтобы ты была честна со мной. Сможешь, девочка?

— Я попытаюсь.

Ее голос звучал робко и нерешительно. Любую другую сабу, он бы наказал за это. Но конкретно этой, требовался другой подход. Как и подметил Хаммер, она была слишком хрупкой. Под ее маской нахальности, находилась женщина, которую очень легко можно было сломить. Он не станет так рисковать.

Рейн была мощной смесью ранимой женственности, интеллекта и силы воли, и совсем не похожа на тех, с кем он раньше встречался.

— Ты сделаешь больше, чем просто попытаешься. Если почувствуешь, что не можешь быть честной, ты просто скажешь мне об этом. Но никакой лжи. Согласна?

— Но если я скажу, что не могу быть честной, Вы захотите об этом поговорить.

— Именно.

— Ааагх! — она закатила глаза и вздохнула как подросток, разговаривающий с дотошным родителем.

— Мне не нравится разговаривать.

Как и Хаммеру, и вероятно, именно это и являлось частью их проблемы. Оба болезненно реагировали на откровенность. И обоим придется что-то изменить в себе, если они хотели от жизни чего-то большего, чем имели сейчас.

— Я уже догадался.

Его губы растянулись в улыбке.

— Но это ничего не меняет. Скажи мне, когда ты последний раз получала сексуальное удовольствие, не используя при этом свою руку?

— Ауч! — у нее отпала челюсть.

— Не надо о заболевшем.

— Мы ни черта не добьемся, если я станцую самбу у твоих ног. Ответь мне.

Она нахмурилась и скрестила на груди руки. Прямо перед его глазами выстраивалась стена, и он наблюдал за тем, как она пыталась состряпать легкомысленный ответ.

— О чем бы ты сейчас не думала, прекрати.

Он произнес эти слова резким приказным тоном.

— Честность. Это не то, что ты должна выдумать. Ответь, когда мужчина последний раз доставлял тебе наслаждение?

Рейн долго колебалась, на ее лице проступили признаки волнения. Правда была уже готова сорваться с языка. Ему просто нужно было еще чуть-чуть поднажать, чтобы вырвать ее у нее.

Лиам скользнул ладонью под бретельку ее бюстгалтера и потер большим пальцем ее сосок. Под его прикосновением он затвердел за считанные секунды. Она задержала дыхание, но не оттолкнула его. Ее пульс участился, отчетливо выделяясь под тонкой кожей в основании шеи. Его тело отвечало ей. Зарабатывать ее доверие по миллиметру в минуту, было охренеть каким возбуждающим занятием. Но он не собирался ослаблять свой натиск. Пока он сможет отвлекать ее подобным образом, она будет удерживаться от своих язвительных комментариев.

— Скажи мне, — выдохнул он ей в ухо.

Слегка хныкнув, она, откинула голову назад, совершенно растаяв. Ад и все черти, если это не был самый возбуждающий образ, который он когда-либо видел перед собой.

— Два года назад.

— И где он сейчас?

Он ущипнул ее за сосок, тут же нежно приласкав его. Она вздохнула.

— Уехал.

— Что случилось?

Он поднял вторую руку к другому соску, в равной степени одаряя и его своим вниманием. Рейн выгнулась, еще сильнее вжимаясь сочной грудью в его ладони. Боже, как Хаммер продержался вдали от нее так долго? Лиам уже был на грани того, чтобы трахнуть ее. Но, твою мать, она нуждалась в его руководящих прикосновениях гораздо больше, чем в сексе.

— Хаммер всегда отслеживал мужчин, которые были со мной, и отправлял их подальше.

То есть, Хаммер охранял ее. Да, он начал с элементарной защиты, но... дорога в ад всегда выстлана благими намерениями.

Как только ее маленькая попка поерзала у него на коленях, Лиам понял, что ему бы тоже лучше не выпускать из виду сей факт. Она ни за что не перепутает его пульсирующий член, с мимолетно проявленным интересом к ней.

Она повернулась, чтобы посмотреть на него, но... он, блять, не смог вовремя остановиться. Лиам взял ее лицо в ладони, и прижался к ее губам. Она нерешительно раздвинула губы, но ему было достаточно и этого, чтобы скользнуть языком между ее губ, и слиться с ней в одурманивающем поцелуе.

В Рейн проснулась дикость, она повернулась полностью к нему, обернув руки вокруг его шеи и седлая его, крепко прижимаясь к его телу. Девочке действительно катастрофически не хватало прикосновений. Из его груди вырвался рык, когда он ответил ей порочным прикосновением своего рта и губ. У нее перехватило дыхание и она начала тереться об него своей киской. Она горела.

Согласно правилам, она еще не заработала право на оргазм. Так как еще не была наказана за свой вызов. Но Хаммер поранил Рейн своим отказом гораздо сильнее, чем, если бы прошелся кнутом по ее коже. Сейчас ей отчаянно нужна была причина, чтобы остаться. А Лиаму — способ, которым он мог бы привязать ее к себе и удержать здесь.

При нем был полный арсенал его оружия: доброта, привязанность, наслаждение. Он будет доводить ее до оргазма, пока она не оставит все попытки и мысли об уходе. Когда она немного обучится, он позволит Хаммеру увидеть получаемое ей наслаждение, и сойти с ума от ревности, после чего, тот затребует права на любимую женщину... что ж, в этом случае, Лиам сочтет свою работу безупречно выполненной.

Рейн цеплялась за Лиам, хныкая и все теснее прижимаясь к его толстому стальному члену. Каждый поцелуй разжигал в ней все больший фейерверк эмоций. Боже, он ощущался таким невероятным. Горячий, мускулистый, стимулирующий, решительный. Он божественно целовался. А своим соблазнительным шепотом, он мог вывести ее из равновесия. Одно прикосновение, и она уже слышала, как трещит по швам ее защита. Эти губы могли захватить ее душу.

Да, она все еще была влюблена в Хаммера, но... Лиам заставлял ее пылать. Почему? Почему ее тело не подчинялось разуму? Она отодвинулась и посмотрела в темные глаза Лиам.

Почему то, что Хаммер не хотел ее, должно что-то значить в ее жизни? Лиам дал ей целую кучу причин, по которым она могла принять его предложение. Возможно, ей так и следовало поступить.

— Это было такое "да" моему предложению?

Он сверлил ее взглядом в ожидании ответа. Рейн могла не сомневаться в его ответном желании, она чувствовала его в каждом прикосновении, в том, как он прижимался к ней, как мощная океанская волна, накатывающая на берег, большой, сильный, уверенный. Но что, если он устанет от нее через каких-нибудь несколько дней? Что, если он просто трахнет ее разок-другой, и выбросит из своей жизни? Что, если она снова окажется в одиночестве?

Лиам провел кончиками пальцев по ее волосам на виске, положил ладонь на шею... молчаливо напоминая о том, что он все еще ждет ответа.

В ней точно есть все, что требуется, чтобы быть сабой? Достаточно ли она доверяет ему? Может быть... Но абсолютно точно, она хотела бы. Хотя есть большой шанс того, что у нее не получится... ей нужно было спасти их обоих от проблем. Но с другой стороны, что если она скажет "да"? В этом случае, Рейн подозревала, что окажется на спине и без одежды, меньше, чем за минуту. Будет ли это так плохо?

Будучи дьявольски сексуальным, Лиам, ко всему прочему, еще и заставлял ее почувствовать себя богиней. Она так отчаянно нуждалась в этом сейчас. Он выглядел настоящим джентльменом. Возможно, он даст ей время научиться и приспособиться... привыкнуть к нему.

Рейн судорожно вздохнула.

— Вы слышали мою ссору с Хаммером. Я не думаю, что подхожу на роль сабы. Когда я теряю контроль, то совершенно не слежу за тем, что говорю. Я имею в виду, что, чтобы быть хорошей... Я думаю, я обречена на провал, я разочарую Вас...

Неизвестно по какой причине, но от одной лишь мысли об этом, она чуть не заплакала. Горло сжалось. Она не могла издать ни звука.

— Из-за своих эгоистичных побуждений я бы хотела сказать "да". Но Вы были таким честным со мной, что я не могу не отплатить тем же... правда в том, что я, возможно, не оправдаю ваших ожиданий.

Он мягко улыбнулся.

— Мы никогда не узнаем, если не попробуем. У меня есть желание и терпение, чтобы помочь тебе. Что ты теряешь, девочка?

Хаммер был уже потерян для нее.

— Ничего, я думаю.

— Совершенно верно. У нас будет приятная война интересов, только между мной и тобой. Я обещаю, тебе не придется скучать.

Дрожь охватила все ее тело, когда он окружил ее талию своими широкими ладонями. С этим мужчиной ей явно не придется скучать, потому как, лишь от одного его прикосновения, каждая клеточка ее тела вспыхивает, словно спичка.

— Рискни, Рейн, — уговаривал он.

— Разве из этих прекрасных глаз, не было пролито уже достаточно слез? Ты сможешь справиться с таким испорченным и большим ублюдком, как я.

Он усмехнулся, явно стараясь, поднять ей настроение.

— Я буду стараться изо всех сил, чтобы нам было хорошо вместе.

И с каждым сказанным им словом, она становилась все более соблазненной — и смущенной. Ведь он говорил о правильных вещах. Он озвучивал столько чувственных слов, которые она так долго желала услышать от Хаммера.

Рейн подумала, что может, ей стоит ущипнуть себя.... или дождаться последней произнесенной им фразы. Но не стоило отрицать, что Лиам предлагал замечательные перспективы. Мысль о том, чтобы дать ему шанс, имела смысл, хоть это и пугало ее.

— Я слышу, но не знаю, как все это принять. Вы говорите, что это реально, но я постоянно возвращаюсь к одному и тому же вопросу: "почему именно я"? Вам нужна профессиональная саба, а я... Послушайте, если Вы просто хотите секса, то это не проблема, я "за". Для этого Вам не обязательно брать на себя ответственность за меня, можно просто провести вместе одну ночь.

Рейн не могла упустить такой замечательный шанс, и не получить удовольствие, которое ей мог дать Лиам. Она потянулась к краю своей крошечной маечки, приготовившись снять ее через голову. Не похоже на то, чтобы Хаммеру было до этого дело.

— Пожалуй, сейчас, мы остановимся на этом месте.

Он сжал ее запястье, и покачал головой. Она замерла. Стыд охватил ее. Вот дерьмо, она снова это сделала, захотела отдаться мужчине, который не собирался отвечать на ее глупое, импульсивное предложение. И ей в очередной раз указали на ее место. Хоть Лиам и сделал это по-другому, не как Хаммер, но результат был один и тот же. Отвергнутая. Смущенная. Неуверенная. А она-то думала, что Лиам хотел ее, но...

— Я-я сожалею. О-о, Боже.

Ей стало не хорошо.

— Я н-не хотела, я думала... пожалуй, я пойду.

Когда она попыталась встать на ноги, он дернул ее на себя, и прижался к ее спине.

— Остановись. Я хочу тебя, девочка, очень сильно хочу. Но если бы я хотел просто потрахаться, думаешь, я стал бы разговаривать с тобой сейчас?

Он приподнял бровь.

— Зачем мне искать обезумевшую женщину для секса, когда я могу найти послушную сабу?

Его голос звучал так певуче и соблазнительно.

— О чем Вы говорите?

— Давай пойдём по правильному пути, хорошо? Лиам поднял ее со своих колен.

— Раздевайся и становись на колени, вот сюда, на пол, у моих ног.

Рейн колебалась.

— Н-но я ведь хотела раздеться.

— Небрежно и без единственной мысли о подчинении в твоей голове. А это не допустимо. Все должно происходить не так. Теперь, продолжай. Я хочу видеть тебя красивой и голой.

Дрожащими пальцами, и, не отрывая от него своего пристального взгляда, она стянула через голову топ. Затем, она спустила вниз по бедрам юбку. С бешено бьющимся сердцем и, абсолютно обнаженная, она опустилась перед ним на колени. Ее груди покачнулись, когда она широко развела ноги.

Лиам тихо похвалил ее, и провел своей мягкой рукой по ее волосам. Она практически могла ощущать на себе, его, опаляющий жаром, взгляд.

— Ты прекрасна. Какое твое стоп-слово?

Она едва успела погреться в лучах его похвалы, как заданный им вопрос сбил ее с толку. Она моргнула.

— Оно мне сейчас нужно? Вы собираетесь... причинить мне боль?

— Оно необходимо всегда, независимо от обстоятельств. Скажи мне.

Она пораженно замерла. Раньше оно ей было не нужно... но, работая в "Темнице" она слышала, как многие пользуются ими. Ей необходимо придумать что-то простое, но не то, что можно выкрикнуть в горячке страсти... или боли.

— Париж?

Он приподнял бровь.

— Красивый город... ты поэтому его выбрала?

— Я никогда там не была, но когда-нибудь мне бы хотелось... Оно просто случайно пришло мне в голову.

Она пожала плечами.

— Значит, Париж.

На его губах играла легкая улыбка.

— А теперь скажи мне, какого черта ты думаешь, что ты всего лишь какой-то "проект"? Ты женщина, красивая и вздорная. Но ты ведь не замечаешь в себе этих качеств, я прав?

Она слегка усмехнулась.

— Это Ваш вежливый способ сказать, что я хорошенькая, но плохо воспитанная... Сэр?

— Возможно, крошка.

Его богатый и глубокий смех ласкал ее слух... но затем он снова стал серьезным.

— Рейн, ты должна знать, что я смогу взять ровно столько, сколько ты способна мне дать. Подчинение означает власть. Всегда. Как сейчас. Встань и повернись. Посмотри на себя в зеркало. Что ты видишь?

Его голос стал глубже, собранней.

Найти в себе смелость, чтобы посмотреть в зеркало, оказалось задачей не из легких. Она не могла заставить себя взглянуть на свое отражение. Рейн опустила голову, боясь вызвать его недовольство и раздражение. Что-то внутри съежилось, при одной только мысли о возможном исходе.

Он пересек комнату, и, щелкнув выключателем, включил над ее головой яркий свет. Она не знала что сказать, чтобы прервать затянувшееся ужасающее молчание. Почувствовав

его молчаливую команду, она повиновалась его приказу и подняла голову. Нахмурившись, она начала рассматривать дорожки слез на своем лице.

— О Боже, какой кошмар.

Рейн больше не могла смотреть и секунды на свое отражение: лицо с пятнами от слез, опухшие глаза и растрепанные волосы, выглядели просто ужасающе под таким ярким светом. Она отвела взгляд.

— Нет, девочка. Ты красавица. Не обращай внимания на слезы. Что ты видишь?

— Я не знаю, — пробормотала она, стараясь не вздрогнуть, снова взглянув на свое отражение.

— Кто-то потерялся... кто-то задержался там, где не должен был. Каждый в этом клубе, возможно, подумал бы, что это довольно трогательно.

Лиам обхватил обеими ладонями ее лицо, приподнимая подбородок. Их лица отражались бок о бок.

— Я вижу кусочек души, который потерялся... но ты больше не напуганный ребенок, которым была когда-то. Ты взрослая женщина и тебе нужно больше того, что мог позволить Хаммер. Ты еще не нашла Доминанта, готового дать тебе то, в чем ты нуждаешься...

Он обнял ее.

— До настоящего момента.

Возможно, Лиам мог дать ей даже больше. Хаммер заботился о ней, помогал и защищал лучше ее собственной семьи, но он не удовлетворял ее натуру сабмиссива.

Лиам взял в ладони ее тяжелые груди. Она судорожно втянула воздух, когда его пальцы легко прошли по ее соскам. Она заметила жар в его глазах, плавясь под его прикосновениями.

— Правильно, моя красавица. Просто немного доверия... подари мне его, и я сделаю тебе еще лучше.

Или хуже. За считанные секунды он заставил ее тело изнывать от желания.

— Лиам, — всхлипнула она, выгибая спину и беспокойно переступая с ноги на ногу, безмолвно умоляя о большем.

— Сейчас, девочка... доверься мне. Я знаю, что тебе нужно, и намерен освободить твое долго томившееся желание. Но ты должна быть неподвижной.

Проклятье, его голос снова стал глубже, заводя ее еще больше. Она скорчилась, когда он ущипнул ее соски. Ее бедра беспокойно дергались, киска потекла. Она хотела закрыть глаза и смаковать каждое ощущение, но взгляд Лиама оставлял ее прикованной к нему. Внезапно, его руки, мягко и осторожно опустились на изгиб ее талии.

— Я знаю, что ты страдаешь. Но если ты хочешь, чтобы я помог тебе, ты должна быть неподвижна и отдать себя в мои руки.

Это было нелегко, но Рейн заставила себя расслабиться, замереть и посмотреть на них в зеркало. И тут она встретила глазами с его улыбкой, которая послала жар по всему ее телу.

— Отлично. Своими стараниями, ты заслужила небольшое вознаграждение.

Он опустил одну руку, стремясь очутиться ей, между ее бедер. Его ласки и поглаживания внизу ее живота были мучительно медленными, но ей были понятны его намерения. Другая его рука продолжала мучить ее сосок, а теплое дыхание слегка касалось ее шеи.

— Пожалуйста, Лиам, — прошептала она, изо всех сил стараясь оставаться неподвижной под его медленными и дразнящими касаниями.

Его рука лениво поглаживала ее, а пальцы буквально изводили ее своей неспешностью.

— Я чувствую тепло твоей киски, Рейн. И я также чувствую твой запах, сладкий и спелый.

Она не могла говорить, только смотреть в его глаза, умоляя утолить ее голод. Ее бедра непроизвольно дернулись по направлению к его руке. И как только его пальцы задели ее обнаженный жар, он моментально отодвинул руку.

— Что я говорил тебе?

— Оставаться неподвижной.

Она прикусила губу. Он накажет ее?

— Клянусь, я пытаюсь.

— Значит, старайся лучше. У тебя сильная воля. Будь смелой, чтобы подчинить свой контроль. Если у тебя получится, то ты получишь то, в чем так нуждаешься.

Она знала, что он был прав. Она была довольно частым наблюдателем подобных сетов, и знала, как это работает. Поэтому закрыв глаза, она постаралась сфокусироваться не на том, что он делал с ее телом, а на его голосе, отдающим приказы. Оставаясь неподвижной. У нее ушла на это ровно секунда. Потребность прильнуть ближе к его завораживающим прикосновениям была сильной, но она старалась быть сильнее, чтобы побороть ее.

Глубоко вздохнув, она вскинула подбородок, открыла глаза. И не сдвинулась с места.

— Вот теперь то, что надо. Я знал, что в тебе есть это, девочка. Ты так меня порадовала... позволь показать насколько.

Его пальцы погрузились в ее припухшие влажные складочки, от чего она прогнулась и вскрикнула, когда ее киска крепко обхватила их.

— Хорошая девочка. Ты одно из самых прекрасных созданий, на которые когда-либо падал мой взгляд. Почувствуй то, что я с тобой делаю. Сконцентрируйся на этом прикосновении. Отдайся мне... не спеши, Рейн. Я возьму все и захочу большего. Ты достаточно сильная, чтобы выдержать мою жажду? Хочешь еще?

Казалось, будто он видит ее душу насквозь и знает все, что она хочет услышать. Нежная власть Лиама заставляла ее почувствовать себя живой. Свободной. Если все сабы ощущали это... то, Боже, неудивительно, что женщины буквально слетаются в этот клуб. И тем более неудивительно, что многие из них хотели Лиама.

— Господи, да.

Горя в огне, и чувствуя себя такой желанной женщиной, она проговорила эти слова, даже не успев их, как следует обдумать. Он разрушал ее своим голосом и ловкими прикосновениями. Ее тело реагировало настолько бурно, что, будто бы это не пальцы, а его член сейчас находился глубоко внутри нее. Ее защита дала трещину.

Она не смогла сдержать поток обжигающего удовольствия, когда его большой палец, закружил вокруг маленькой горошины ее клитора. Добавляя еще больше, возносящих на гребень волны, ощущений, он прижался губами к ее шее.

— Почувствуй меня, мое тепло и искренность... Чувствуй сердцем, а не разумом. Дааа... — простонал он.

— Ты обтягиваешь мои пальцы, как шелковая перчатка. Кончи для меня, Рейн. Покажи, как покорная женщина освобождается от своего желания. Сотрясаясь, корчись, кончи сильнее!

Внутри нее накатывали и отступали волны экстаза. Она не могла ничего сделать, кроме того, чтобы дать своему наслаждению вырваться наружу. Здесь, в этот самый момент, она

чувствовала себя защищенной и обласканной так, как никогда раньше. Ее разум и тело распадались, крошась на кусочки перед ним. У нее вырвался крик радости, даже блеснула надежда на то, что он никогда не позволит ей упасть. Он крепко держал ее руками, пока она сотрясалась последней дрожью, нежно поглаживая ее волосы и нашепывая на ушко слова своего восхищения.

Он тепло улыбнулся ей, когда она медленно сфокусировалась на их отражении в зеркале.

— Прекрасно, девочка. Твоя способность подчиняться, выше всяких похвал. Я больше не смогу прикоснуться ни к одной женщине в клубе, кроме тебя. Если ты позволишь, я буду поклоняться и лелеять твою покорность. Подними голову повыше для меня.

Она вздернула подбородок.

— Да, так. А теперь вытри слезы и будь смелой. Перестань беспокоиться о том, что, как тебе кажется мне необходимо. Просто дай мне все, что ты можешь отдать, чтобы стать цельной.

Без сомнения, она была большим вызовом, чем он ожидал... но это не заставило его отступить. Это только убедило его еще сильнее, подчинить ее себе.

Она не имела ни малейшего представления о том, почему он обратил на нее свое внимание, если не ради секса, то может быть, он, таким образом, хотел уязвить Хаммера. А может просто ему нравится лечить раненых голубей. Что угодно. Она устала выискивать везде подвох.

Обхватив руками под грудью, он крепко прижал к ее себе. Тепло его тела обещало защиту. Его твердый и толстый член упирался ей в поясницу, но он не сделал, ни единого движения, чтобы как-то облегчить свое напряжение. Она закрыла глаза и смаковала его прикосновения, прикосновения мужчины, который, казалось, одновременно и хотел, и ценил ее. Никто раньше так не поступал, по отношению к ней. Она даже не смела надеяться на такое.

— Спасибо.

Рейн не знала, что еще сказать, чтобы выразить всю свою благодарность, что так долго томилась в ее сердце. Но она точно знала, что стоять на коленях перед этим мужчиной, будет легко и непринужденно.

— Ты доверишься мне?

Что бы ни случилось дальше, Лиам уже подарил ей драгоценный подарок: надежду. Ей нужно было прекратить чувствовать себя такой разбитой. И встретить, наконец, жизнь. До этого момента, она всегда делала именно так. И если Хаммер не хотел ее, то она больше не собиралась позволять этому сукиному сыну ломать ее.

— Мне нужно немного времени, чтобы быть полностью уверенной в своем решении. Сейчас я не в лучшем настроении, чтобы о чем-то думать. День или два... я слишком многого прошу?

— Нет, ты поступаешь мудро. Подумай пару дней, после чего дай мне ответ. А прямо сейчас, иди сюда. Полежи со мной, и дай мне обнять тебя. Постарайся немного поспать.

Он отступил на шаг, забирая с собой тепло своего тела. Слегка вздрогнув, она тут же заскучала по его уверенному присутствию и теплу. Посмотрев на то, как он протягивает ей руку... Она повернулась и вложила свою ручку в его ладонь, позволяя ему отвести себя к постели.

— Просто поспать?

Он устроился на простынях, притянул ее ближе и взглянул в глаза.

— Тебе нужно поспать. Но я, тем не менее, мужчина, и хочу тебя обнаженной подомной. А пока отдыхай. Мы разберемся со всем позже.

За час до начала сета, Лиам бродил по бару в поисках Бека. Целый день, Хаммер избегал встречи с ним, зная, что Лиам будет делать все возможное, чтобы отговорить его от этого публичного унижения. Действие предназначалось для того, чтобы Рейн поумерила свою гордость. И Лиам понимал это. Но унижение девочки, не привело бы к ее исправлению. И если его друг не хотел его слушать, то может быть, Лиаму удастся убедить Бека поступить благоразумно.

Рейн безусловно не заслуживала того, что мог с ней вытворить этот садист с позволения Хаммера. Если даже Лиам старался обходить его стороной, то Рейн точно следовало его бояться. Все утро он старался убедить ее в том, что ей совсем не обязательно терпеть боль. И качая ее в колыбели своих рук, соприкасаясь своим телом с ее нежной кожей, он с каждой минутой хотел ее все больше и больше.

Бек сидел за длинной, и отполированной до блеска, стойкой бара, и медленно попивал виски. С его бедра свисал, скрученный в кольцо, кнут.

У Лиамы тут же промелькнуло в голове видение Рейн, с дорожками крови на спине, которые собирались в лужицы во впадинах под коленями... как у той мазохистки, которую Бек обработал на прошлой неделе до потери сознания. Его защитный инстинкт буквально рвался с цепи, при виде подобного зверства.

Даже если навык Бека в подобном деле и позволял ему не оставлять следов на коже у саб, Лиам не мог допустить даже мысли о том, что ее молочная кожа может быть рассечена, тем более с особой жестокостью, на наличии которой Рейн почему-то настаивала.

Бек обернулся, встречая его появление приветливой улыбкой. Постепенно, стоило тому лишь встретиться взглядом с Лиамом, на лице садиста появилось озадаченное выражение. Почти теряя контроль над собой, он зарычал на Бека, не дав тому сказать и слова.

— Даже, блять, не думай оставить на Рейн отметины. Я буду там, чтобы следить за тобой, как ястреб. Если из-за тебя у нее пойдет кровь, я схвачу твой гребанный кнут и сам отхлестаю тебя им по заднице!

Сверкнув глазами, Бек вздернул бровь.

— Кто щелкнул твой сучий переключатель? Во-первых, Хаммер мне уже популярно объяснил, что мне можно, а что нельзя применить по отношению к принцессе. А во-вторых, не суйся не в свое дело. Она была под защитой Хаммера годами. Его выбор, его наказание. Отвали.

Лиам наклонился вперед, тыча пальцем прямо в лицо своего оппонента.

— Я все сказал, Бек. Не смей оставлять на ней метки... или будешь отвечать передо мной.

Наконец-то, выпустив пар, Лиам сел за барную стойку. Бармен поставил перед ним стопку виски, которую Лиам тут же с готовностью опрокинул, пытаясь успокоить расшатавшиеся нервы. Он пытался придумать другой способ того, как избавить Рейн от экзекуции, но его возможности были ограничены. Он не мог оказать ей помощь, пока она сама не попросит об этом.

Бек выхватил свой кнут, и щелкнул им над головой с резким свистом, рассекая воздух. Оглянувшись через плечо, он ухмыльнулся Лиаму.

— Не беспокойся. Следы после этой прелести быстро проходят. Она справится.

Возможно, ей даже понравится. Ну, а если нет..., - он безразлично пожал плечами.

— Наказание и не должно нравиться.

Лиам сверлил Бека взглядом, в его крови закипала ярость.

— Если она сломается в твоих руках, как чертов ноготь, я расхреначу твою мерзкую рожу.

Выражение на лице Бека говорило о том, что он одновременно был раздражен и откровенно забавлялся.

— Окей, игры с кнутом отметаются в сторону. Но что насчет замечательного, прочного кожаного паддла? Кожа не прорвется, но синяки останутся... Хмм, дааа.

Его улыбка превратилась в ухмылку.

— Поверь, от этого глубокого оттенка фиолетового на ее лилейно-белой попке, твой член встанет мгновенно.

Лиам знал сотни способов испытать кайф, но избиение до синяков хорошенькой сабы не было в их числе.

— Слушай сюда. Ни твой кнут. Ни гребаный паддл и все твоё режущее, оставляющее синяки и причиняющее сильную боль дерьмо, будь то даже флоггер с острыми узлами, не прикоснется к ее коже. Мне, блять, положить на то, что вы там между собой с Хаммером обсудили. Я говорю тебе сейчас. Ты не отметишь ее, мразь.

— То есть, ты предлагаешь мне во время сета пойти отдохнуть и сделать маникюр?

Бек взмахнул руками.

— Наверное, мне следует выпороть ее ватными шариками. Нет, подожди! Черт возьми, ты, наверное, думаешь, что даже это будет слишком жестоко.

Садист лукаво улыбнулся.

— О-о подожди, я думаю, что я мог бы отхлестать ее своим языком.

Лиам пришел в бешенство.

Неожиданно, к нему пришло осознание того, что Рейн могла бы вязать из него узлы, если бы только захотела... как из Хаммера. Но такой расклад лишь сильнее распалял его защитный инстинкт.

— Свой язык, лучше всего, держи при себе, так же, как и свой член, если хочешь, чтобы они и дальше пребывали в рабочем состоянии. Я тебя предупредил.

Бек зевнул.

— Иди, гавкай на Хаммера. Поверь, я бы хотел как можно скорее покончить с этим, и найти себе действительно настоящую сабу, которая будет -

— Да пошел ты, Бек. Рейн — настоящая саба.

— Да? И когда же она подчинялась чему-нибудь или кому-нибудь?

Этим утром, и это было восхитительно. Ее нежные и тихие вздохи. Ее робкое, трепещущее доверие. Долбаный ад, его член затвердел, а он всего лишь подумал об этом. Он шел по опасной дорожке с девушкой Хаммера...

Бек преднамеренно насмехался над ним. Ведь, забота о Рейн не входила в его обязанности и это оскорбительное противостояние ни к чему не приведет. А разозлить садиста прямо перед самым началом сета, точно не являлось хорошей попыткой спасти девочку.

— Просто помни о том, что я сказал.

Оттолкнувшись от барной стойки, он направился к лестнице, и тут же, за своей спиной, услышал смех Бека.

— Иисусе, как прикольно! А принцесса то, не промах! Вы оба у нее на поводке.

Блять, этот мудака был абсолютно прав.

Заскрежетав зубами, Лиам проигнорировал слова Бека, и потопал обратно в комнату Рейн. Если бы она только согласилась на его обучение, тогда она была бы под его защитой. Но она попросила, дать ей немного времени, чтобы принять решение. Возможно, она понимала, что не должна принимать его предложение за чистую монету. А может быть, она просто боялась открыть свою душу мужчине.

Ведь Хаммер предупреждал его об этом. И это раздражало. Но, с другой стороны, он был счастлив от того, что она взвешивала все "за" и "против", чтобы прийти к разумному решению. Но при попустительстве Хаммера, Бек мог быстро выйти из-под контроля, а Лиам исчерпал все возможные варианты, кроме последнего: попытаться переубедить ее еще раз.

Когда он постучал, она предложила ему войти.

Лиам обнаружил ее, в нервном ожидании, сидящей на постели в кукольной ночной рубашке. Два верхних треугольничка плотно обтягивали ее тяжелую грудь, ткань была полностью прозрачной, и сквозь нее просвечивались ее тугие соски. Сразу под грудью материал переходил в непрозрачный шелк, таинственно мерцая, распахиваясь и открывая взгляду ее пупок. Под всем этим, Лиам заметил крошечный кусочек черных шелковых трусиков.

Она соблазнительно покружилась на шпильках, которые так и кричали "трахни меня". Несмотря на природный маленький рост, эта обувь делала ее ножки невероятно длинными.

Лиам с трудом втянул воздух в легкие. Что за бес в нее вселился и заставил надеть все это?

Она была великолепна и сексуально привлекательна, и абсолютно не готова к тому, что приготовил для нее Бек. Боже! Без сомнения, она оделась таким образом, чтобы пощеголять перед Хаммером.

На удивление Рейн выглядела послушной, даже спокойной, но, все же, он смог различить взволнованное неровное дыхание, которое выдавало ее беспокойство.

Лиам выругался.

Сев обратно, она прижала колени к груди, прикрываясь... он был неприятно удивлен тем, что она готова была показать Хаммеру все, а его стеснялась.

Потому что любила эту грубую скотину. И это беспокоило его больше, чем следует.

— Вы нашли Бека?

Она прикусила губу. Должно быть, что-то в его лице выдало эмоции, потому что она внезапно застонала.

— Ничего не говорите, позвольте я угадаю. Он не захотел слышать и слова, из того, что Вы хотели ему сказать.

— Точно, девочка. Извини.

— В этом весь Бек.

Она улыбнулась.

— Это конечно мило, что Вы решили попробовать, но мы должны идти. Не хочу опаздывать.

— Постой.

Он схватил ее за руку, крепко стискивая ладонь.

— Все могло бы быть не так. Я смогу защитить тебя, если ты наденешь ошейник, означающий твою принадлежность мне. Согласись, и вся эта дурацкая затея прекратится

здесь и сейчас. Тебя все равно придется наказать, но это сделаю я.

Она промолчала, опустил глаза, затем одарила его нежным взглядом.

— Это по-своему очень привлекательное предложение. Но... если я решусь сказать "да", то хочу, чтобы причиной этому было не то, что Бек напугал меня до полусмерти и заставил искать защиты за Вашей спиной. Мне не следует заботиться о том, что может подумать по этому поводу Хаммер, но... шесть лет привычки, не так-то легко перебороть. Если я приду в ошейнике принадлежности, он сразу поймет, зачем я это сделала. Я не хочу, чтобы он обвинял меня в трусости.

— В тебе и близко нет такой черты, как трусость. И, лично от себя скажу, что видеть твое лицо, покрываемое румянцем, а совершенную попку, обнаженной, будет удовольствием для меня. Но я хочу сделать это сам. Своими руками.

Внезапно, она опустила ноги, снова обнажая свою грудь, и он мгновенно забыл о том, что хотел сказать. Он пялился на ее прелести, и представлял, как полностью входит своим членом в ее уютную маленькую киску. Эрекция, с которой он боролся весь день, стала еще тверже. Да что б его, мать твою! Трахать ее, не входило в его планы. Он ведь затеял все это, чтобы помочь Хаммеру... но сейчас, он мог думать лишь о том, как самому приручить Рейн. Ему лучше задвинуть эти мысли подальше и устремиться к изначальной цели.

— Но если ты только взглянешь на Хаммера..., - Лиам приподнял ее подбородок вверх.

— Давай покончим с этим.

Кивнув, она последовала за ним по коридору, поворачивая за угол и входя в зону общественного пользования "Темницы".

Очевидно, новость о наказании, быстро разошлась по клубу, потому как собралась целая толпа зевак, и когда они оказались в зоне их видимости, ему показалось, что каждый мужчина, находящийся здесь, повернулся, чтобы взглянуть на грудь Рейн.

Бек сидел напротив скамейки, предназначенной для порки, и смотрел на нее хищным и злобным взглядом, отчего Лиаму тут же захотелось съездить по морде этого озабоченного садиста.

Хаммер стоял рядом с ним. Его тело было напряжено, а выражение на лице, явно говорило о паршивом настроении. Его пристальный взгляд, которым он сверлил Рейн, метался между ее большими глазами и торчащими сосками. Тупой ублюдок должно быть соблазнился ей. Но по-другому и быть не могло, потому что, нужно быть мертвым, чтобы не обратить на нее внимание.

Рейн приняла вызывающую позу, в которой не было ни тени покорности, а на лице промелькнуло выражение, говорившее "а не пошел бы ты!".

Лиам бы улыбнулся, если бы не заметил, как она, скрестив руки поверх своей груди, крепко сжимала пальцами предплечья. Под своим бахвальством, она прятала маленькую, напуганную девочку.

Приблизившись к Рейн, Хаммер предупреждающе прищурился.

Она оглянулась назад.

Лиам наблюдал за происходящим с чувством того, как его внутренности завязываются в узел, а потребность защитить ее превышает все допустимые ограничения.

— Заканчивай строить из себя куколку и показывать нам свой гонор, дорогая. Ты здесь не для этого, — с подчеркнутой медлительностью произнес Хаммер.

— Позволь мне увидеть ее наказание, — спокойно сказал Лиам.

— Бек выглядит так, будто собирается превысить свои полномочия.

Хаммер посмотрел на него уничтожающим взглядом.

— Бек знает, что я хочу.

Чего добивался Хаммер? Он все равно не возьмет девочку себе, но и не отпустит, а с расстояния будет продолжать контролировать каждый ее шаг.

Грязно усмехнувшись, Бек кивнул, на его щеках темнела щетина.

— О-о, да. Я точно знаю, что делать.

Это вывело Лиам из себя. Он схватил Хаммера за руку и потащил к дальней стене "Темницы".

— Прекрати это! Ты наказываешь ее не за проступок, а за то, что она заставляет тебя испытывать болезненное желание, но ты типа слишком "лапочка", чтобы подойти и взять то, что хочешь!

— Значит, такое твое мнение? — прошипел Хаммер.

— А она, случайно, не забыла рассказать тебе, как пришла ко мне, пока я спал, и взяла мой член себе в рот?

— Нет, не забыла.

Хаммер сжал челюсти.

— И когда я шлепал ее за нарушение границ, она сопротивлялась. Я сказал, что ей отказано в оргазме на три дня, а она мастурбировала на моей постели, причем кончила как раз в момент моего появления.

Лиам не знал об этом.

— Ты поранил ее чувства, приятель. Нет ничего удивительного в том, что она ответила тебе тем же.

— Вместо того, чтобы просто поговорить со мной об этом, она устроила жуткий беспорядок на полу в холле, который, между прочим, кому-то пришлось потом убирать. Я даже был готов смягчить ей наказание, при условии, что она извинится. Но эта девчонка слишком упряма. Я не в ответе перед тобой, приятель, поэтому убери от меня свои руки.

Эта конфронтация ни к чему не привела, только оттолкнула Хаммера еще дальше.

Лиам разжал пальцы и отступил, направляясь к Рейн через расступающуюся перед ним толпу. Она выглядела настолько хрупкой и напряженной, что он удивился тому, как она еще не трясется от страха.

— Мы ведь справимся?

— Да.

Бек встал, отвязывая и разматывая кнут, его татуированные бицепсы сокращались при каждом движении.

— С болтовней покончено?

Лиам открыл, было, рот, чтобы осадить Бека, но Хаммер его опередил.

— Безусловно. Начинай.

Он пристально посмотрел на Рейн.

— Раздевайся, девочка. Сейчас же! Твое стоп-слово на сегодня "урок".

— О, весьма остроумно.

Она закатила глаза.

— Попридержи свой дерзкий язык, иначе получишь дополнительное наказание.

Сжав челюсти, Хаммер отошел и уселся в стоящее неподалеку кресло.

В зале стояла полная тишина.

Лиам повернулся к Рейн и прошептал ей на ушко.

— Я здесь, девочка. Я не оставлю тебя.

Дождавшись ее напряженного кивка, он потянул за ленточку, завязывающую ее ночную рубашку, и спустил ее по плечам. Боже, одного взгляда на ее обнаженную кожу и прекрасные соски хватило, чтобы его колени затряслись. Не обращая внимания на собственную дрожь, она перевела глаза на свое отражение в зеркалах, окружающих скамью для порки.

Такая красивая и смелая... и упрямая.

Он взял ее за плечи и, повернув лицом вперед, придвинул к Беку, который подбирался все ближе. Его глаза горели, обещая боль. Он выглядел чересчур счастливым, при своих ограниченных возможностях.

Отпустив ее, Лиам проследил взглядом изящную линию ее спины, плавно переходящей в привлекательную попку... и в удивлении отшатнулся. Под сорочку она не надела ничего, кроме крошечных черных трусиков-шортиков, посередине которых, жирным шрифтом было написано: "Пошел ты нахрен"

— Ад и все черти!

Она что, пыталась спровоцировать Хаммера спустить Бека с цепи? Теперь Лиам понял, что имел в виду его приятель, когда говорил, что в страхе Рейн способна выпустить коготки.

Рейн оглянулась на него через плечо и послала ему обеспокоенный взгляд из-под своих темных ресниц.

— Эм, это не для Вас. Прошу прощения, Лиам.

В обычном своем состоянии он не приветствовал открытого проявления неуважения, но так как он понимал ситуацию, то был согласен с ней. Хаммер заслужил это.

Он повернул Рейн к себе лицом, чтобы друг как следует, рассмотрел ее нахальное послание. Тотчас же, Бек усмехнулся. Половина зрителей в толпе, ахнули.

Эта выходка привела Хаммера в еще большее бешенство. И издав низкое рычание, хозяин подземелья прищурился.

— Этим, ты лишь продлила свое наказание, дорогая. Бек, сорви эти проклятые трусики и начинай.

— С удовольствием. Я позабочусь, чтобы она поплатилась за это.

Садист улыбался во весь рот, большими шагами, сокращая расстояние между ними. Затем он с громким треском порвал на ней трусики, обхватил своей большущей ладонью ее руку и одним рывком оттащил от Лиама.

— На скамейку, соплячка. Теперь моя очередь веселиться.

Рейн сглотнула и взглянула на Хаммера последний раз. С высоко поднятой головой, смотря прямо в зеркало, она заняла требуемую позицию, расположив свое стройное тело на перекладине и приподняв повыше нежную белую попку. Не будь он настолько раздражен, Лиам определенно оценил бы открывшийся вид.

Обойдя вокруг нее, Бек осмотрел ее своим оценивающим и придирчивым взглядом. Испытывая явное удовлетворение от происходящего, он рассмеялся, и, просунув свою руку между ее ног, раздвинул их. Рейн взвизгнула, но Бек не обратил на нее ни малейшего внимания, равнодушно заковав ее лодыжки наручниками.

— Помни, что я сказал тебе, — прорычал Лиам в лицо Бека, когда мужчина неторопливо прошел мимо него и связал ее запястья.

Бек фыркнул, и снял с себя майку, открывая на всеобщее обозрение свою широкую и

мускулистую грудь. Одна лишь мысль о том, что он выместит все свое напряжение на крошечной Рейн, превращала Лиаму в безумца.

Он был согласен с Хаммером в необходимости наказания как такового, но она не заслуживала быть избитой Беком.

Садист с издевкой поднял бровь.

— Прежде чем я начну... ты не хочешь проверить наручники на надежность? Вдруг она сможет вырваться и прикрыться? Мы же не хотим, чтобы ее заднице досталось еще больше ударов.

Блядский онанист! Его руки были связаны, до тех пор, пока она не произнесет стоп-слово или не согласится на его предложение.

Принимая во внимание ее воинственный настрой, он ни секунды не сомневался в том, что она не выучит свой "урок". Она скорее отдаст на отсечение свою голову, чем выполнит это. Хотя, с тем же успехом она не выглядела способной на то, чтобы передать ему контроль над собой.

Лиам едва слышно ругнулся. Сейчас в его силах было только проверить, не жмут ли ей оковы.

Бек схватил свой проклятый кнут и резко щелкнул им в воздухе.

Рейн открыла рот от изумления и замерла. Ее большие голубые глаза широко раскрылись от страха.

Хренов садист оскалился, и Лиаму пришлось сдерживать себя от порыва, подойти и хорошенько дать Беку под зад. Но Рейн сейчас нуждалась в его поддержке, а не в его желании выпустить злость.

— Не волнуйся, — прошептал он ей на ухо.

— Я не позволю ему, обидеть тебя.

С благодарным выражением на лице, она неуверенно кивнула ему. Всем остальным она показывала свое неповиновение. Но не ему. На каком-то уровне она доверяла ему... позволяла видеть свою уязвимость. По крайней мере, пыталась. Но пока, ему и этого было достаточно.

— Продолжай, — огрызнулся Хаммер на Бека, сверля Лиаму холодным и жестким взглядом.

— Я уже говорил тебе, что делать. Начинай немедленно, черт возьми!

— Принято.

Бек опустил хлыст, и тот заскользил по полу. Лиам не успел даже расслабиться, когда мускулистая рука Бека взмыла в воздух, в то время как он сам угрожающе зашептал Рейн на ухо:

— Считай, принцесса. Я хочу слышать тебя, громко и отчетливо.

Едва с его губ успели сорваться эти слова, как рука опустилась. Очевидно, Бек решил пропустить разминку. И вместо этого, нанес жестокий и безжалостный удар по ее левой ягодице.

Голова Рейн дернулась вверх, когда она вздрогнула и с шипением втянула воздух. После чего, через зеркало, она бросила взгляд на Хаммера. Ее упрямая гордость удерживала ее от публичного признания того, что удары Бека причиняли просто адскую боль, но плотно сжатые губы и негодующий взгляд выдавали ее с головой.

— Я сказал тебе считать, — зарычал Бек.

Обернувшись, она посмотрела на садиста и нахмурилась.

— Ты что, слишком занят, подрабатывая сучкой Хаммера, чтобы вспомнить какой номер следует за единицей?

— Ты заплатишь за это, дрянь, — прогремел Бек, заноса руку для еще одного, уже более грубого удара, на этот раз, нацеленного на правую ягодицу.

Лиам наблюдал за тем, как она закусывает губу, в попытке сдержать плач. Она настолько сильно вонзила зубы в губу, что он не был удивлен, когда та начала кровоточить.

Метнувшись к Беку, Лиам схватил его запястье.

— Никогда нельзя прикасаться к сабе, испытывая гнев или раздражение.

Мужчина, сделав движение своим широким плечом, освободил руку.

— Думаешь, мне об этом неизвестно?

— Ну, так докажи обратное.

Лиам подошел к Рейн и наклонился к ее ушку.

— Достаточно. Все уже в курсе твоего недовольства. Не дразни медведя еще больше. Просто прими наказание и все закончится. Я знаю, ты безумно злишься на Хаммера, но вспомни... он все еще тот самый человек, который оберегал тебя все эти годы. Если ты...

— Саба находится под моей защитой. Я руковожу наказанием. Отойди, блять, назад, — прорычал Хаммер, выскакивая из своего кресла и пересекая широкими шагами комнату.

Подойдя к Рейн, он схватил ее за подбородок и дернул вверх, заставляя посмотреть на себя.

— Девочка, прими наказание без единого язвительного замечания или я клянусь, что вышвырну отсюда Лиаму и позволю сделать Беку с твоей задницей все, что только взбредет ему в голову. Игры кончены. Мое терпение тоже на исходе. Ты меня поняла?

— Да, Сэр.

Ее тон был скорее дерзким, чем послушным. Ситуация слишком быстро вышла из-под контроля. Лиаму оставалось либо наблюдать за продолжением экзекуции, либо переключиться на план Б. Потому как, Хаммер не собирался останавливаться.

И самому тупому ежу было понятно, что подчинение через боль, с Рейн не пройдет. Да, ей нужны ограничения, чтобы ощутить себя в безопасности. Но без привязанности она не сможет расцвести. Хаммеру следовало понимать это, как никому другому. Если его друг не хотел слышать правды, то у него оставался только один выход: идти на хер. Очередной разговор с Хаммером вряд ли будет иметь положительный результат, но Лиам должен попытаться еще раз.

— Мы оба знаем, что она ничего не уяснит от этого наказания, а будет лишь ненавидеть тебя, — прошептал он на ухо Хаммеру.

— Ты провел столько лет, сдувая с нее пылинки, а теперь собираешься напугать ее до чертиков? Я уверен, что ты понимаешь, ей нужен другой подход. А еще я знаю, что ты мечтаешь о том, чтобы я заткнулся, но потребности сабы являются первостепенными. Подумай о ней.

В глазах Хаммера плескался расплавленный металл. Его лицо вспыхнуло яростью.

— Если ты еще раз, спросишь меня об этом наказании, я наложу на тебя запрет на посещение клуба.

Он дал Беку отмашку.

— Продолжай.

Лиам постарался подавить стойкий скептицизм, пока Хаммер возвращался к своему импровизированному трону.

Гнев не заставил себя ждать. Он, конечно, ожидал, что Хаммер не оценит его вмешательства, но... они все же были друзьями. Человек, у которого было все, который делился с ним последним в свое время, сейчас угрожал выкинуть его на улицу, как паршивого пса. Лиам бы не удивился, если бы понял, что совсем не знает этого человека.

Отметая в сторону свое замешательство, он сконцентрировался на Рейн. Подначивание эзекутора и Хозяина "Темницы" никоим образом ей не поможет. Задышав глубже, он постарался вернуть себе немного спокойствия.

Да что за херня! Видеть Рейн такой напуганной было мучением для него, натура Доминанта буквально выла от потребности защитить ее. Ему нужно начать, наконец, думать головой, иначе он рискует оставить ее беззащитной.

Девочка цеплялась за свою упрямую гордость. Потому как, Хаммер не оставлял ей больше ничего, кроме этого помятого достоинства, поэтому она не уступит без борьбы.

Заработать ее доверие и научить ее сдерживаться займет много времени и сил. Прямо, как настоящая работа на полную ставку. И, Боже, помоги Беку, если он не перестанет вести себя как спятивший мудака. Садист определенно наслаждался своей властью в этих жестоких играх. Неважно с кем.

Лиаму было непонятно, как Хаммер допустил этого придурка в клуб, особенно принимая во внимание тот факт, что тот ему лично не нравился. Неизвестно по какой причине, но Бек выглядел скучающим. Как и Хаммер.

Под его привычной маской холодного контроля проглядывало... что? Отчаяние? Чувство вины? Тоска? Возможно даже мощный коктейль из этих трех компонентов... но Хаммер в жизни в этом не признается.

Бек самодовольно улыбнулся, и Лиам приложил все усилия, чтобы не разозлиться еще больше. Вместо этого он сосредоточил все свое внимание на, окружавшей их, звенящей тишине.

Сейчас, в темнице не хватало привычных звуков паддла, кнута, вздохов и стонов. Даже музыка, казалась приглушенной. И у него было такое чувство, словно время остановилось, и все смотрели на них. Толпа, затаив дыхание и не отрывая глаз, наблюдала за разыгрывающейся драмой.

Скрестив руки на груди, Лиам заставил себя спокойно встать и смотреть... не обращая внимания ни на что, во имя Рейн.

Краем глаза, он увидел, как Бек подошел к своей сумке с игрушками, и вытащил из нее что-то продолговатое и красное, напоминающее яркий паддл. Лиам двинулся к Рейн, но был не достаточно быстр. Потому как, Бек уже занес руку, и с резким свистом отвесил смачный удар тыльной стороной ладони.

Кто-то в толпе ахнул.

Ножки стула Хаммера громко скрипнули, когда он вскочил на ноги и заорал на Бека. Отзвук от удара прорезиненным предметом обрушился на него.

А потом, на ее лице вспыхнула агония, словно Бек расколол ее плоть и отделил от кости. Ее крошечное тело подбросило, в ней напрягся каждый мускул, и она пронзительно закричала. И завизжала. И продолжала кричать даже тогда, когда в ее легких не осталось воздуха, и ее рот был просто широко открыт, не издавая ни единого звука. Ее лицо выглядело потрясенным и уязвленным, а в широко открытых глазах плескались страдание и боль.

В ярости, Лиам повернулся к Беку. Выражение на лице мужчины выдавало его искреннее удовлетворение, даже гордость. Его самодовольная ухмылка стала еще шире,

когда Рейн опустила голову и всхлипнула, по ее щекам потекли слезы.

— Что, черт возьми, ты делаешь? пылающий от ярости Хаммер прорычал в лицо Бека.

Лиам тоже хотел бы это знать. Он уже сжал руку в кулак и нацелился на Бека.

Внезапно, все внимание Хаммера переключилось на Лиаму, выражение угрюмого предупреждения исказило его лицо. Блять, если он что-нибудь сделает Беку, Хаммер может действительно выпшвырнуть его из клуба. Разве его чертов друг не видел, что Бек жестоко обращался с девушкой?

Бросаясь обратно к Рейн, Лиам схватился за ее лицо. Выражение ужаса в ее голубых, широко раскрытых глазах, заставило сжаться его внутренности. Молчаливо, с дорожками слез на щеках, она умоляла о помощи. Ему тут же захотелось заключить ее в свои объятия.

— У тебя есть стоп-слово. Используй его, — потребовал он.

— Я не могу позволить им победить.

Она сжала зубы, держась только благодаря своей невероятной силе воли.

По комнате пронесся свист, когда Бек снова поднял паддл. Рейн ахнула и схватилась за стол, очевидно готовясь к еще одному жесткому удару.

Лиам недоверчиво взглянул на Хаммера. Казалось, даже сам воздух замер в ожидании. Он бы уже не удивился, если бы Хаммер позволил этому продолжиться. Того Хаммера, которого он когда-то знал, больше не существовало. А этот, стоящий перед ним, был жалок и измучен. Лиам понятия не имел, что творится в голове у этого человека.

— Тогда скажи мне "да".

Он наклонился к Рейн и пристально посмотрел ей в глаза, приказывая ей услышать и принять его.

— Скажи "да" и все тут же закончится.

— Что? — гаркнул Бек.

— Единственную вещь, которую может произнести принцесса, это: "Спасибо, Сэр. Могу я получить еще удар?" И у меня для нее припасено их еще бесчисленное количество.

Взгляд Рейн метался от Бека к Лиаму, ловя их отражение в зеркале. Она содрогнулась и выдохнула, — Да. Облегчение и головокружительный трепет наполнили Лиаму.

— Опустит гребаный паддл, сейчас же, — пролаял Хаммер Беку.

— Резина? Ты в своем, блять, уме? Она не рабыня боли.

— Не будь слабаком, — глумился Бек, проводя пальцем по поверхности паддла, очевидно готовясь совершить еще один удар по нежной коже Рейн.

— Несколько хороших шлепков еще никому не повредили, они лишь выбьют из нее эту сучью дурь, она станет мягче котенка.

Неудовольствию Лиаму не было предела, никто из мужчин, казалось, не слышал ее слов.

— Если ты ударишь ее этим снова, я сам, лично, прикую тебя к кресту и отхожу им твою задницу, — припугнул Хаммер.

— Громче, — потребовал Лиам.

— Пусть все услышат.

— Да!

Рейн с трудом простонала это слово, но, в конце концов, цель была достигнута.

Внезапно, Хаммер резко перевел взгляд на нее, сузив глаза, он посмотрел на стоящего позади Лиаму.

— Чему она только что сказала "да"?

В этот самый момент, Лиам уже не должен был ему ни единого гребаного объяснения, даже если бы его внимание не было полностью посвящено Рейн. Или у него было бы на это время. Только Рейн сейчас имела значение.

Пропустив мимо ушей вопрос Хаммера, он опустился рядом с ней на колени, освобождая по одному ее запястья, после чего перешел к оковам на лодыжках. Бросив взгляд на заднюю часть ее бедер, он заметил, что на месте удара Бека уже наливался отвратительный синяк. Беспокойство и ярость одновременно обожгли его, но он подавил их, Рейн важнее. Расстегнув все, удерживающие ее оковы, он притянул ее к себе в объятия. И стал убаюкивать ее у себя на груди... прихрамывающую, плачущую.

— Какого хрена ты делаешь? Отдай ее мне.

Хаммер выступил вперед, намереваясь забрать Рейн.

— Я решаю, когда этот сет закончится.

— Больше нет, — прорычал он.

— Рейн только что приняла меня, как своего Доминанта. Теперь она у меня в подчинении. Поэтому я решаю, когда этот чертов фарс, должен подойти к концу.

Он кивнул в сторону Бека.

— Проваливай. Немедленно!

Недоверие было написано на лице Хаммера. Но оно быстро обернулось в холодную ярость, оттеняющую его глаза, в которых плескался колотый лед. Лиам никогда раньше не видел своего бывшего друга таким злым.

— Ты все это спланировал, сукин сын!

— Я лишь сделал то, что от меня требовалось, чтобы ты не смог больше обидеть ее.

Внезапно Хаммер перевел свой взгляд на Рейн. Выражение абсолютной боли исказило его черты.

— Прелесть...

Отчаяние в голосе, которым он звал Рейн, будет преследовать Хаммера еще долго, но сейчас он запретил себе об этом думать. Что было бы, если Хаммер смог просто выслушать ее раньше. Что бы тогда произошло... могло бы произойти... то, чему следовало произойти... Пустая трата блядского времени...

Как догадывался Лиам, единственным человеком, который подталкивал его друга к краю пропасти, был он сам... последним шагом было то, что он позволил этому ублюдку Беку приблизиться к своей любимой женщине.

Рейн подняла голову, пристально посмотрев на Хаммера. Боль предательства плескалась в ее глазах... спустя мгновение, она спряталась от своего бывшего ментора на груди у Лиам. Он начал медленно и нежно укачивать ее.

— Она была настолько ценной для тебя, что ты позволил этому больному мудаку, с наклонностями садиста, унижить ее, — хмуро усмехнулся Лиам.

— Но больше этого не повторится.

Он никогда не думал, что ему придется делать подобный выбор... между лучшим другом, который казался теперь незнакомцем, и девочкой, которая так отчаянно в нем сейчас нуждалась. Женщина, рядом с которой, он вновь почувствовал себя живым.

Он обнял Рейн руками, плотно прижав к своей груди, и отвернулся от своего старого приятеля.

Увидев Хаммера в зеркале, он заметил, как на его лице растекается шок и отрицание. Затем тот схватил Бека за руку и с диким рыком вышвырнул огромного татуированного

садиста из помещения.

— Я же сказал тебе, ты, тупой ублюдок, чтобы ты не пугал ее и не причинял ей боли. Иди, и подожди меня в моем кабинете.

В голове Лиам пронеслось миллион мыслей.

Даже если Бек самовольно зашел за пределы, регламентированными Хаммером, допустимых действий, его друг все равно виноват в том, что позволил этой сволочи находиться в одной и той же комнате с обнаженной Рейн. Она подверглась страшному удару — и не только в физическом плане.

Снова возвращая все свое внимание Рейн, Лиам начал успокаивать ее, вытирать слезы и баюкать, своим ласковым голосом и прикосновениями.

— Вот так, девочка. Твое наказание закончено, но мне нужно, чтобы ты проявила еще немного своей невероятной смелости. Я намерен заявить на тебя свои права, как это должен сделать Доминант. И я хочу сделать все правильно, здесь и сейчас. Чтобы ни у кого не было никаких сомнений.

Она перевела испуганный взгляд на его лицо, после чего посмотрела на толпу.

— Ты меня понимаешь?

Это не было настолько уж необходимой мерой, но он больше не мог доверять Хаммеру в вопросах, касающихся Рейн. Даже, если он сейчас сделает Рейн своей, у него больше не осталось веры в Макена после сегодняшнего представления. Хотя, скорее всего, Хаммер уже догадался о его чувствах по отношению к девочке.

Да, он все еще хотел трахнуть ее... и это наполняло его чувством острой вины. Но зато Хаммер вдоволь насладится живой картинкой новой реальности: Рейн больше не подвластна ему.

Она выглядела смущенной, обеспокоенной и неуверенной. Он дал ей минутку, чтобы она успела переварить информацию. И терпеливо наблюдал за тем, как в ее глазах зажглась искра понимания. Наконец, она кивнула.

От нее исходили волны исключительной силы воли. Блять, ее решимость восхищала его. Она даже не взглянула на Хаммера, когда тот вернулся в комнату, сжимая и разжимая кулаки.

Лиам помог ей твердо встать на ноги, убедившись, что она в состоянии это сделать самостоятельно. И не отпускал ее до тех пор, пока она с уверенностью не кивнула.

— Я в порядке, Сэр.

Он послал ей едва заметную улыбку. Вообще то, он не был таким уж ярым приверженцем протокола, но, безусловно, оценил ее попытку, особенно на публике.

— Тогда, ложись обратно на скамью.

Повинуясь словам, она приняла его помощь, повторно забираясь на эту сложную конструкцию. Получив от него мягкий толчок между лопаток, она изогнулась над скамьей.

Его согрело проявление ее доверия. И он решительно был намерен сделать для нее все, как можно лучше.

Грубые красные полосы на ее бедрах медленно превращались в фиолетовые пятна, что лишь заставило его почувствовать убийственную ярость. Но сейчас не время.

Присев позади нее, он аккуратно раздвинул ее ноги и снова приковал лодыжки. Она сжалась в комочек, и для него стало очевидным, насколько беспомощной она была перед гневом Бека.

— Шшш. Доверься мне. Я сделаю так, чтобы тебе понравилось.

Затем он нежно поцеловал следы, оставшиеся на каждой ягодице от жестоких ударов, и полностью проигнорировал взгляд Хаммера, сверлящий его затылок. Он старался не замечать его, и даже испытывал дикое желание врезать кулаком по лицу этого ублюдка и заорать, что тот сам во всем виноват и заслуживает в полной мере ощутить мучения от последствий своих поступков.

Ее мягкий голос достиг его уха, когда он потянулся к ее запястьям.

— Вы знаете, сколько времени прошло с тех пор...

Он понял, что она имела в виду по ее обеспокоенному взгляду.

— И я никогда....

Она судорожно вздохнула.

— Будет больно?

Он был первым Доминантом, претендующим на нее, и от этого он преисполнялся гордостью. Понимание данного факта, еще больше разжигало его мощное желание. Твою мать, как же это приятно! Лиам был очень рад, что она не позволила другим, потенциально неумелым "жеребцам" поиметь эту часть ее тела.

— Нет. Я тебя уверяю. Закрой глаза. Представь себе, что мы здесь вдвоем, только ты и я. Сделай глубокий вдох и позволь мне позаботиться о тебе. Ты сделаешь это для меня?

Он нежно погладил ее по волосам.

— Да, вот так. Ты все правильно делаешь. Теперь откройся мне, Рейн. Поверь, к тому моменту, когда мой член окажется в твоей заднице, ты уже будешь не способна чувствовать ничего, кроме наслаждения. Я пробужу твою покорность, и подарю тебе ощущения, которых ты еще никогда не испытывала.

Лиам снял рубашку и сконцентрировался на том, что ему предстояло сделать. Он будет трахать не только ее тело, но и ее душу. И она должна будет полностью отдать себя ему, перед всеми этими людьми.

Снова оказавшись позади нее, он одной рукой нежно погладил ее по бедрам. А другой, подал знак, наблюдающему за происходящим, рабу, принести лед и полотенце.

В течение следующих нескольких секунд, он прижал махровую ткань к ее коже. Конечно, это не остановит распространение синяка, а лишь заморозит пораженную область, после чего он сможет забрать ее тело и душу подальше отсюда. Нелегкая задача, но у него было желание и достаточно терпения. Ее первый сет с ним в качестве Доминанта, не должен оставить неприятных воспоминаний.

Минутой позже, Лиам убрал полотенце. Рейн непроизвольно сжалась.

— Шшш, девочка. Дыши: вдох, выдох. Вот так, да, — тихо уговаривал он ее.

— Расслабься для меня.

Напряжение постепенно покидало ее тело, пока она прислушивалась к его словам. Лиам начал медленно поглаживать ее кожу кончиками пальцев, сопровождая прикосновения своим теплым дыханием.

Он прошелся ласковыми касаниями вверх по ее бедрам, спине, напряженным плечам и шее, до тех пор, пока она, наконец, не согрелась. Он восхищался ее телом, теряясь в его мягкости и выразительном женственном аромате. Ее совершенством.

К тому времени, как он снова вернулся к ее бедрам, она уже задыхалась от желания. Он медленно провел пальцами вдоль ее обнаженной киски. Такая мокрая. Запах ее возбуждения ударил с равной силой ему в голову и пустил разряд тока по члену. Скользя одним пальцем внутрь, Лиам зарычал от того, как ее припухшая, шелковистая киска обхватила его.

Блять, она будет такой маленькой и тесной, туго сжимая его член. Он еле сдерживался.

Но все по порядку.

Лиам наклонился, и игриво лизнул языком маленькую девственную розочку, между ее ягодиц. Она резко вздохнула, пытаясь отодвинуться от него. Совершенно ясно, что она не была приучена к тому, чтобы кто-то прикасался к этой части ее. И он не мог побороть улыбку, при мысли о том, что он уж точно заставит ее привыкнуть, и даже полюбить это. Покрывая поцелуями ее сочную плоть, он приподнялся, чтобы прошептать ей на ушко.

— Не забудь расслабиться для меня. Позволь себе чувствовать. Погрузись в ощущения. Они будут новыми, но я обещаю, что ты будешь страстно желать их приближения.

Дождавшись ее судорожного кивка, он скользнул обратно, к ее нетронутому анусу, пробуя аккуратно его приоткрыть. Он кружил языком вокруг ее чувствительной плоти, до тех пор, пока у нее не перехватило дыхание, тело не напряглось и она не вцепилась руками в столешницу, на этот раз не в ожидании неминуемой боли, а окутанная удовольствием. Затем, он мягко скользнул пальцами к напряженному комочку нервов, вверху ее текущей киски.

С нежным тихим всхлипом, от которого его член стал еще тверже, Рейн погрузилась в медленный настойчивый ритм, заданный им. Она была почти готова принять все то, что он намеревался дать ей.

И тогда, эта бледная, шелковистая кожа будет принадлежать... ЕМУ. Эта девственная задница будет... ЕГО. Все ее желания, страсть и потребности будут... ЕГО.

Пристально наблюдая за ней, он рукой полез в сумку Бека, стоящую под скамьей, и нашел новый тюбик со смазкой. Выдавлив небольшое количество на пальцы, он начал легко массажировать, слегка надавливая на ее анус.

Она снова сжалась. Но Лиам успокоил ее, делясь с ней своим спокойствием ровно настолько, чтобы она сдалась и позволила ему взять над собой верх. Хотя страх, все еще не стерся с ее лица. Он уже видел предвкушение, растущее в ее глазах. Кроме того, в них было возбуждение и облегчение, когда он погладил ее розочку. Ее щеки пылали.

Тихий стон, который она издала, подсказал ему, что она была готова. Никакое другое проникновение, не могло лучше научить покорности, и подчинить личность. И он хотел быть тем, кто подарит ей этот опыт.

Лиам жестко смотрел на нее, держась за свой самоконтроль, стараясь не спешить, пока она медленно отдавала ему власть над собой.

Он намеревался развить и укрепить новые связи между ними, и начать он хотел здесь и сейчас. Он сделает все от него зависящее, чтобы она доверилась ему, чтобы за удовлетворением своих потребностей она всегда шла только к нему. Он ждал от нее этого. Все эти годы, никакая другая женщина, не заводила его до такой степени, как это делала она. Поэтому, он был решительно настроен, заставить ее, желать близости с ним.

Каким-то образом, она стала многое значить для него — подобно теплу, воде и воздуху. Лиам не понимал, что с ним происходит, да ему и не хотелось искать этому разумное объяснение. Единственное, чего он не мог сейчас отрицать, так это свое желание глубоко войти в нее. Даже если ее ответное желание к нему, было только физического плана... ничего, начинать нужно с малого.

Когда она снова застонала, Лиам понял, что время, чтобы заявить на нее свои права, пришло. Это был его шанс показать ей себя, намекнуть на то, что между ними могло бы быть. И он не собирался его упускать.

Он скользнул внутрь одним пальцем, дожидаясь пока она не вытолкнет его обратно. Всего лишь пробная попытка. Затем, когда она немного расслабилась, он подразнил ее еще несколькими легкими скольжениями. Застонав, она не прекращая, смотрела на него в зеркало своими глубокими голубыми глазами. Он смотрел на нее в ответ, слушая ее неровное дыхание и ожидая, когда она снова расслабится вокруг его пальцев.

Наконец, это произошло... она сделала ему волшебный подарок — доверилась ему.

Его член, истекая смазкой, жаждал занять место его пальцев в ее узком проходе. Его изводила неистовая потребность оказаться внутри нее. Он с трудом вдохнул и заставил себя быть нежным.

— Дыши. Хорошо, девочка. Поверь, я не обижу тебя. Я чувствую твою растущую жажду, отдай ее мне. Обещаю, я утолю ее... чтобы потом разжечь снова.

С закрытыми глазами она задыхалась, мяукала, ее кожа сияла под светом ламп. Сама чувственность...

Вытащив пальцы, он добавил еще больше смазки, щедро увлажняя ее, уже чуть расслабленный анус.

— Еще чуть-чуть. Ты почти готова.

Снова вводя пальцы, он раздвинул их пошире, и начал скользить ими вперед и назад, через плотное кольцо ее мышц. Внимательно прислушиваясь к каждому ее мягкому всхлипу, и наблюдая за тем, как ее глаза вспыхивают и закрываются в отчаянной попытке сконцентрироваться на том, что он с ней делает, Лиам беспощадно испытывал собственное терпение.

Он с трепетом следил за каждым проявлением наслаждения на ее лице. Очень скоро, он заполнит собой ее миниатюрное, сочное тело и доведет до ошеломляющего оргазма, заставив кончить по его приказу.

— Вот так. Ты держишь меня на грани, я так отчаянно хочу быть в тебе, — прошептал он ей, одновременно услышав, как она выдохнула от наслаждения и непроизвольно, слегка, сжала мышцы вокруг его пальцев.

— А теперь... будь со мной, Рейн. Мы сделаем это вместе. Позволь мне помочь тебе дотянуться до звезд.

Вытащив из кармана презерватив, он расстегнул ширинку и спустил брюки. Вскрыв зубами упаковку, он со стоном раскатал его по своему набухшему члену. Налив еще смазки, он распределил ее по всей длине, обтянутой латексом.

— Смотри на меня. Только на меня. Не отворачивайся, я хочу видеть твои глаза, пока буду заполнять тебя. Я намерен наблюдать за тем, как ты будешь кончать для меня.

Ее глаза, сказочно голубого цвета, расширились в ответ на его слова. Вытащив пальцы, он обхватил свой пульсирующий член ладонью и направил головку к ее подготовленному анусу.

Такая маленькая и хрупкая... повсюду.

Пытаясь побороть дикое желание войти сразу и как можно глубже, он тяжело вздохнул и, раздвинув пошире ее ягодицы, скользнул головкой внутрь насколько позволило колечко ее тугих мышц. Внезапно, у нее перехватило дыхание. Страх промелькнул в ее взгляде, когда она встретила с ним глазами в зеркале. Но этот страх был перемешан с желанием.

— Шшш... все хорошо. Не сопротивляйся, красавица. Сделай глубокий вдох, и на выдохе, качнись назад и впусти меня. Позволь мне доставить тебе удовольствие, которое ты еще никогда не испытывала. Сможешь сделать это для меня?

В ожидании ответа, Лиам приостановился. Наклонившись к ней, он снова погладил ее клитор. Момент был напряженным. Он боролся с желанием надавить и войти в ее влекущую мягкость, чтобы быть сожженным заживо. Но наблюдая за ней в зеркало, он отказывал себе в этом.

Какое-то движение привлекло его внимание. Хаммер. Его горящий, суровый взгляд обещал возмездие. Но всему свое время, и эта проблема может подождать. Сейчас Рейн нуждалась в нем.

Снова опустив к ней взгляд, он еще раз ласково погладил ее по клитору и погрузился чуть глубже. Наконец, она расслабилась, качнув бедрами ему навстречу. Протиснувшись через тугое кольцо ее мышц, он начал входить в нее глубже.

Блять! Жар, сжатие, совершенство ее плоти... Лиам не смог сдержать стона, медленно погружаясь в нее. В конце концов, заполнив ее. Соединяясь с ней, и не останавливаясь до тех пор, пока его яйца не прижались к ее текущей киске, а член не заполнил каждый дюйм ее прекрасной задницы.

Ее шипение превратилось в томный вздох, когда он полностью вошел в нее. Дав ей несколько секунд, чтобы придти в себя и привыкнуть к нему, он начал толкаться в нее в медленном ритме, неглубокими ударами. Этот сладкий жар, вскоре заставил его член дрожать, и вопить об освобождении.

Проглотив проклятье и справившись с диким желанием, сжигающим его яйца, он сжал зубы и сконцентрировался на Рейн. Она приветствовала каждый его удар, снова и снова, в попытке слить с ним свою душу. Она оживилась, стала дикой. С ощущением каждого погружения, она таяла под ним и отдавала все больше контроля над собой.

Он почувствовал хрупкую связь с ее великолепной душой. Переполненный трепетом, он прижался к ее спине, целуя изгиб ее шеи и проводя пальцами по ее влажным складочкам и напряженному клитору.

— Теперь ты моя, девочка. Почувствуй, как мой член растягивает и наполняет тебя. Этот член будет доставлять тебе удовольствие, — хрипло прорычал он ей на ухо.

— Почувствуй на себе мои руки. Эти руки будут формировать тебя, гладить и управлять, сопровождая в путешествии о котором ты так долго мечтала.

Рейн не ответила словами. Она запрокинула назад голову и громко застонала.

Превосходно. Великолепно. Но добавить еще немного образов, чтобы разжечь ее страсть, не повредит.

— Ты такая тугая и тесная, красавица. Я мог бы провести в тебе вечность, но, боюсь, мне и этого будет недостаточно.

Со стоном она качнула бедрами назад, желая большего. Его заводили ее сладкие всхлипы.

— Да, вот так. Это место по праву принадлежит мне. А теперь, раз ты позволила мне войти, давай проведем это время с пользой. Позволь ощущениям воспламенить тебя. Прими все, что я могу тебе дать.

Наблюдая за тем, как он растягивал ее еще больше с каждым ударом, рыча от удовольствия, он почувствовал, что не сможет держаться долго, поэтому толкнулся еще глубже, заполняя ее узкий проход.

Он зажал ее клитор между пальцами, отчего она выкрикнула, — Лиам! Отчаянная мольба, жажда в ее голосе, взывали к его душе Доминанта.

Она выкрикивала его имя. ЕГО! Хаммера и близко не было в ее мыслях, в данный

момент. Ему захотелось прижать ее ближе, защитить от всех невзгод. Находясь настолько глубоко в ней, он все еще не имел права спрашивать у нее о некоторых тайнах. Но это его не остановит. Подчинившись, она отдала ему власть над собой, и он собирался использовать это в своих целях. Страсть между ними угрожала сжечь их обоих. И в данный момент, она была подвластна его воле, его владению.

— Скажи мне, что ты чувствуешь.

— Острую боль, жжение, я чувствую себя растянутой до предела.

Зашипев, она прогнула спину, подставляя Лиаму бедра для еще более глубокого проникновения, что он с готовностью и сделал, вырвав из ее груди стон.

— Да! Это... я...

Она так сильно ухватилась руками за стол, что побелели костяшки пальцев. Он увидел ее душу, встретившись взглядом с ее умоляющими глазами, наполненными страхом ожидания приближающегося оргазма

— Лиам? Пожалуйста.

Каждое сокращение и сжатие, дрожь, проходящая по его члену, были чистой агонией. Она отпустила свой контроль, отдавая ему право на полное владение собой. И он уже был готов взорваться.

— Я знал, что ты будешь именно такой, девочка. Такой тесной. Блять, идеальной. Вкус твоей покорности еще прекрасней, чем я себе представлял, — прошептал он ей на ухо.

— Расправь крылья и лети, Рейн. Кончай! Сейчас!

Она взорвалась, казалось, он все рассчитал до секунды.

Ее задыхающиеся негромкие всхлипы заполнили комнату, пока ее тело начинало сокращаться и дергаться. Лиам впитывал ее силу, когда она с громким криком вознеслась к небесам.

Он задышался, пытаясь нащупать ниточку самоконтроля, пока она содрогалась вокруг него, но оргазм наехал на него, словно грузовой поезд. Он напрягся, сжав зубы, и отчаянно старался оттянуть этот момент, хоть на секунду.

Он гордился каждым сокращением ее тела, был очарован каждым вскриком, слетавшим с ее губ. И не мог оторвать от нее взгляд, наблюдая за тем, как она расцветает под ним, открывается ему, как цветок распускается навстречу солнцу.

При этой мысли, он рухнул в бездну ощущений, силу которых еще никогда не испытывал. Потрясение от того, что она снова начала содрогаться, сжимать его член в блестящей власти удовольствия, практически заставило его упасть на колени.

Вонзив ногти в поверхность стола, Рейн снова закричала. Рыча и с силой врываясь в нее, он буквально оседлал волны ее безумия, подводя ее к еще одному блаженному, ослепительному завершению.

Все вокруг, отошли на второй план. Осталась только Рейн и он, изливающийся в нее, и сожалеющий о том, что не может отметить ее своим семенем из-за латексной преграды между ними.

Медленно возвращаясь в реальность, он увидел как Рейн, вздохнув, моргнула... затем закрыла глаза и слегка улыбнулась. Поцеловав ее в плечо, он крепче обхватил ее руками. МОЯ!

Взгляд Хаммера через зеркало опалил его. Лиам поднял голову и напрягся. Он не позволит Рейн одной нести ношу ярости или вины Хаммера на себе.

— Глаза на меня, — грубо прошептал он, выходя из ее тела и расстегивая наручники.

— Ты великолепна. Мне было очень приятно. Теперь ты моя...

Она соскользнула со скамьи.

Лиам откровенно игнорируя Хаммера, снял презерватив, выбросил его в ближайшую урну и застегнул брюки. После чего, подобрав сорочку и накинув ее Рейн на плечи, он снова прижал ее к себе.

Толпа растворилась где-то вдалеке, когда он притянул ее, удовлетворенную, к своей груди, и она спрятала лицо у него на шее.

— Все кончено, красавица. Позволь мне проводить тебя ко мне в комнату, где я смогу позаботиться о тебе.

Испытывая триумф, он улыбнулся, когда она устало кивнула, и поцеловала его в губы. Она уже доверила ему заботу о себе, ища у него утешения. Он знал, что она раскроется, если обретет привязанность к кому-то.

Затем, он ощутил, как в воздухе повисла волна ярости и боли, исходившая от человека, который в течение десяти лет, назывался его другом. Зародившись глубоко в груди, она вырывалась на свободу.

Глубоко вздохнув, Лиам приложил все усилия, чтобы проигнорировать это. Хаммер сделал свой выбор. Лиам с большей охотой спасет девочку, чем потеряет их обоих. И сейчас он удивлялся тому, в какой же момент успел потерять свое сердце.

Он рассматривал Рейн, как раз выходящую из комнаты, его взгляд смягчился, при виде ее исключительной красоты. Она принадлежала ему... по крайней мере, сейчас. Но она уже предупредила его, что ее сердце отдано другому.

Когда он составлял план по использованию ее в процессе спасения Хаммера, этот факт ничего не значил. А теперь?

Он скривился. Рейн была похожа на дым, казалась такой реальной, пойманной в его руках, иссушающей легкие. Она украла его способность дышать. Но в ней все еще оставалось что-то неуловимое. Только время покажет, чем все обернется, но прямо сейчас он не готов ее отпустить. И он не отдаст ее без борьбы.

Да вы, блять, издеваетесь!

Хаммер не мог поверить, что его лучший друг — нет, теперь уже его бывший лучший друг — обманул его и поймел Рейн, сказав при этом, что будет обучать ее. Еще, он был в бешенстве и от того, что на его глазах, Лиам заявил права на ее девственную задницу, прямо посередине этой проклятой темницы. Бессердечный подонок.

Даже не признаваясь в своих чувствах к девушке вслух, он был уверен, что Лиам знал о них. Тем не менее, вопреки этому обстоятельству, ирландский придурок увел ее у него. Этот удар в спину, оставил глубокую рану, которая еще долго будет кровоточить, и напоминать о себе.

Даже просто наблюдая за тем, как глубоко Лиам погружается в задницу Рейн, Хаммер чувствовал, как кровь приливает к его члену. Блять, она выглядела такой красивой, в своей покорности... во всем, о чем он мог лишь мечтать, когда она однажды научится доверять. Ведь в его фантазиях, именно он был тем, под чьими руками она сходила с ума. А сегодня вечером, ему пришлось столкнуться с реальностью, и она была такова — Рейн отдала себя и всю власть над собой, Лиаму.

И как только, черт возьми, этому придурку удалось так быстро уговорить ее? Наверняка, он сделал это так же, как и всегда — затрахал ей мозги. И теперь, Хаммер не мог больше ругать или наказывать, хвалить или прикасаться к красивой девушке, не спросив разрешения у ее Доминанта. Вязкая и едкая, как черная смола, ревность, затопила его вены.

Он отвернулся от скамьи, на которой еще совсем недавно Рейн расцветала от сексуального удовольствия.

Не имело значения, кто ей его доставил. Он, так или иначе, смотрел только на нее. Эхо ее стонов, до сих пор звучало у Хаммера в ушах. Яркие воспоминания произошедшего, пронзили его. Боже, сможет ли он снова смотреть на эту часть темницы, не желая при этом убить этого проклятого ублюдка О'Нейла?

Даже хуже, Хаммер не мог отрицать того, что пока Лиам доставлял удовольствие Рейн, у него самого промелькнула мыслишка о том, как замечательно будет войти глубоко членом в ее маленькую киску, пока Лиам будет продолжать трахать ее тугую задницу. Для них это было не впервой. Но нет. Это невозможно. Риск навредить Рейн, и потерять ее навсегда, был слишком высок. Достаточно и одного раза. Он не сможет вовремя остановиться, если начнет погружаться в нее. Поэтому, не собиравшись повторять печальную историю с Джульеттой.

Оглянувшись назад, он увидел, как Лиам заключает Рейн в объятия и ведет в свою комнату. Мстительная его часть хотела выбросить этого сукиного сына, и запретить ему появляться в "Темнице"... но что, если он убедит Рейн пойти с ним? Что, если Лиам возьмет ее с собой, или вдруг решит вернуться в Нью-Йорк? Наиграется с ней и бросит, тогда что, она останется одна? Что, если она будет нуждаться в нем, а его не окажется рядом... Хаммер сглотнул. Он не мог так рисковать. Он будет видеть их вместе каждый гребаный день, хоть одна лишь мысль об этом, уже выворачивала его наизнанку, но он потерпит, только бы она была рядом и в безопасности.

Пусть ему будет охренительно плохо, но он должен добавить еще один кирпичик в стену между ними. И он сделает это. Твою мать, он терпеть не мог, когда не оставалось более приемлемых вариантов. Но выхода не было. Его вены наполнились горечью. Он повернулся

и пошел к Лиаму. Он должен отпустить ее. Он должен... но не мог.

Хаммер схватил Лиаму за руку, отказываясь смотреть вниз, на свернувшуюся в его объятиях Рейн.

— Ты ублюдок. Надеюсь, ты счастлив. Но знай, что останешься в дураках от пары больших голубых глаз и восхитительной женской груди.

Он улыбнулся во все тридцать два зуба, хоть ему было и не до смеха.

— В течение трех дней, ты поймешь, что она играла с тобой, чтобы отомстить мне. Она схватит тебя за яйца. И когда ты захочешь облегчить свое возбуждение, и затолкать свой член в ее сладкую киску, то не обманывай себя, а просто знай, что в этот момент она будет думать обо мне.

Лиам, сузив глаза, не успел ответить, Хаммер уже удалялся, не чувствуя совершенно никакого облегчения. На самом деле, он чувствовал себя еще хуже. Что, если Рейн вообще не думала о нем? Что, если она не любила его так же сильно, как он любил ее? Боже, это было каким-то недоразумением.

И снова... а что, если произошедшее сегодня вечером, было лишь уловкой? Возможно, Лиам все это подстроил, чтобы спровоцировать Хаммера выйти из своего подвешенного состояния и начать действовать? Что, если Лиам и Рейн все заранее спланировали и плели интриги вокруг него, чтобы надломить твердую оболочку, которой он отгородился от окружающих? И что если прямо сейчас, они продумывали свой следующий шаг?

Он промчался по темнице, мимо любопытных и сочувствующих взглядов, не встречаясь ни с кем из присутствующих глазами. Переполненный яростью, он добрался до комнаты охраны. Дверь открылась, как только Хаммер, ударив кулаком по клавишам с кодом, с такой силой толкнул ее, что сотрудник, наблюдавший за многочисленными рядами мониторов, подскочил на месте, после чего тот стрельнул в него нервным пристальным взглядом.

— Вон! приказал он.

Не говоря ни слова, компьютерный умник выбежал из комнаты. Дверь за его спиной захлопнулась. И Хаммер сделав глубокий вдох, сел за пульт управления.

Набрав код нужной камеры, он переместился в комнату Лиаму. Увеличив изображение на камере слежения, и прибавив громкости, он мог видеть и слышать разговор Лиаму и Рейн, словно находился с ними в одном помещении.

Подавшись вперед в своем кресле, Хаммер приклеился взглядом к экрану, и начал наблюдать за тем, как Лиам, молча, и с нежностью в каждом движении, помогал Рейн. Пока она лежала поперек его кровати, он успокаивающими движениями вытирал салфеткой ее анус, и целовал ей спину и плечи, от чего Рейн довольно постанывала.

Хаммер заставил себя не отводить взгляда, надежда все еще теплилась в его груди... но она не могла перебороть затаившийся внутри страх. Мысли продолжали крутиться в его голове. А что, если...? Что если...? Что...?

— Ты была прекрасна, девочка.

Похвалил ее Лиам.

— То, как ты перестала сдерживаться... я знаю, это было трудно, и что испытать удовольствие, после того, как Бек причинил тебе боль, было тоже нелегко. Но ты доверилась мне, и я горжусь этим.

— Я это сделала.

Она перекатилась на спину, и, прищурившись, посмотрела на Лиаму своими большими глазами, от взгляда которых Хаммер всегда сходил с ума. Его внутренности сжались в один

тугой комок.

— Я буду и дальше делать все возможное.

— Теперь ты моя, и только моя. Поняла? Лиам нежно сжал ее подбородок.

Хаммер затаил дыхание.

— Да.

Она облизнула свои губы.

— Сэр.

Лиам с нежностью, улыбнулся ей.

Сердце Хаммера готово было вырваться из груди. Слишком много доказательств, чтобы его надежда на заранее продуманную уловку могла оправдаться. Прямо сейчас... они так смотрели друг на друга, что его с тем же успехом вообще могло бы и не существовать.

Его старый друг может быть и хренов ублюдок, но про себя Хаммер знал, что и сам был не лучше. Ведь он сам позволил Рейн проскользнуть через его пальцы. И теперь, ему лишь оставалось смотреть на зарождающееся поклонение в ее глазах, и слышать, как в адрес кого-то другого она обращается со словом "Сэр"... это было слишком больно.

Прежде чем он успел выключить все камеры слежения, Лиам потребовал, чтобы Рейн оставалась лежать на спине. Она обвила руками его шею, и этот проклятый ирландец положил на нее свои руки. Рейн посмотрела на Лиам настолько внимательно и сосредоточенно, словно он был не кто иной, как сам чертов Бог.

Желудок Хаммера сжался.

Блять, сейчас он должен встать и уйти. Ведь только мазохист может добровольно смотреть на своего бывшего лучшего друга...на то, как тот ласкает нежную и мягкую кожу Рейн. Черт, теперь Лиам нежно поцеловал ее мягкие губы и медленно гладил по ее соску, взад и вперед, через ту самую чертовски сексуальную ночную сорочку. Он увидел, как Рейн послала Лиаму застенчивую, почти скрытую улыбку.

— Спасибо, что сделали сегодняшний вечер невероятным. Сначала я испугалась, но потом поняла, что Вы были рядом. Я знала, что Вы не позволите случиться чему-то плохому, поэтому сделала так, как Вы сказали. Расслабилась, и позволила этому случиться.

Она вздохнула.

— И это было все, чего я хотела.

Хаммер сжал приборную стойку с такой силой, что у него побелели и онемели костяшки пальцев.

Лиам снова погладил ее грудь, и словно снисходительный любовник, посмотрел в ее глаза.

— Это было красиво.

Блять, на его месте должен быть он. Это с ним она должна быть сейчас. Но он просто не мог, и Хаммер знал все чертовы причины. Он все еще не мог поверить в то, что Лиам ворвался в его жизнь и своими уговорами украл Рейн за каких-то жалких два дня. Хренов умник. Но и сам Хаммер понимал, что он не даст ей того, в чем она нуждается, на это способен только Лиам.

Это было как горькая пилюля, которую придется проглотить, несмотря на то, что она застревает в горле.

— Нам будет очень хорошо вместе, девочка, только ты и я. Просто продолжай давать мне все, что сможешь.

Она серьезно кивнула.

— Обязательно. Я хочу этого. Было восхитительно впервые подчиниться по-настоящему. Я столько раз представляла, как это будет... но реальность превзошла все мои ожидания, я заскользила и отправилась в полет. Даже не знаю, как правильно объяснить.

— Ты молодец. Поговори со мной. Расскажи, как ты чувствовала себя, зная, что на тебя смотрит целая толпа?

— Я никого не замечала. И сосредоточила все свое внимание на Вас, как Вы и сказали. Все остальное просто отошло на второй план.

— И ты действительно, прекрасно справилась с этим. А что насчет Хаммера?

Он увидел, как ее тело замерло от заданного вопроса, и как она отвела свой взгляд от Лиамы. Хаммер добавил больше громкости и снова наклонился к монитору.

— Я... разрываюсь, — она судорожно вздохнула.

— Вы хотите, чтобы я честно ответила, ведь так?

Когда Лиам кивнул, она нахмурилась.

— Я так зла на него. В том числе и из-за Бека. Ведь Хаммер ничего не сделал, чтобы остановить его. Я не понимаю. Я думала, что он хоть немного позаботится обо мне во время сета, потому что старательно делал это в течение многих лет. Но сегодня вечером... он походил на незнакомца. И знаете что, даже, несмотря на то, что мои чувства не переключатель, и я не могу их просто выключить, я буду стараться забыть Хаммера и все, что к нему чувствую.

Боже, от ее слов он забыл, как дышать. Она хотела выбросить его из своего сердца. Да, так будет лучше. И да, он хотел, чтобы она была счастлива. Но тогда он снова останется один, так же, как и последние восемь долгих гребанных лет.

Хаммер потянулся вверх, в сторону экрана, и провел пальцами по изображению Рейн, погладил по ее щекам и губам. И задержавшись пальцем на ее глазах, он быстро заморгал, стараясь сдержать недостойные, для мужчины слезы.

— Мне так жаль. Если бы я только знал, что задумал сделать Бек... Он заплатит за это. Поверь мне. Но ты должна идти вперед и будет гораздо лучше, если ты будешь ненавидеть меня, прелесть.

Сожаление можно сравнить с дыркой в заднице, у всех есть по одной. Хаммер мог снова и снова мечтать о том, чтобы быть таким, каким нужно для Рейн... но если даже он просто попробует, то сломает ее.

Лиам снял с ее тела кукольную ночную сорочку, после чего сорвал с себя брюки, и, потянувшись к тумбочке, достал презерватив. Судя по тому, с какой нежностью Лиам накрыл ее собой, Хаммер понял к чему все идет, но у него было недостаточно силы духа, чтобы сидеть и смотреть на то, как его бывший лучший друг занимается любовью с женщиной, ставшей всем в его жизни.

Сделав звук потише, он удалил видео с камеры слежения, установленной в комнате Лиамы. И закрыв глаза, он еще раз глубоко вздохнул, после чего заорал что есть силы, словно раненный зверь.

Он наконец-то понял, что все его действия имели последствия, и теперь эти последствия безжалостно ударили по нему. Но он ничего не мог с этим поделать. Смирившийся и взбешенный, он вышел из комнаты, чтобы найти Бека.

Бросившись назад через темницу, Хаммер смотрел прямо перед собой, игнорируя всех на своем пути. Но он чувствовал на себе каждый сверлящий взгляд, и молчаливое удивление потере его самообладания во время сета. Он смотрел сквозь них, давая понять, что ему

наплевать на их мнение.

Спустившись по коридору в личные комнаты, он открыл одну дверь, ожидая увидеть за ней Бека. Вместо этого, он обнаружил, что в комнате никого не было. Его давление резко подскочило. Черт побери!

И снова вышагивая по коридору длинными, тяжелыми шагами, Хаммер услышал глубокий баритон этого болвана, который приказывал сабе раздеться.

Он не стал стучаться в дверь, просто открыл ее и ворвался в комнату без приглашения. Бек резко развернулся, и взгляд Хаммера остановился на удивленной сабе, сидевшей на коленях у ног садиста.

— Ты! Забирай свою одежду и выметайся, — прорычал он испуганной женщине.

Затем он повернулся к Беку.

— Ты. Стой, где стоишь.

Взгляд хрупкой блондинки метался между двумя мужчинами. Вздохнув, Бек жестом указал ей на дверь, и она, собрав свою, беспорядочно разбросанную одежду, ушла прочь.

— У тебя проблема, Хаммер? Что бы это ни было, это не может подождать более подходящего момента? Мой член хотел бы немного позабавиться.

— То, как развлечь свой член, должно быть последним в списке твоих необходимых дел на сегодня, сукин ты сын! Что случилось с нашей договоренностью? Ты должен был быть на моей стороне. Какого хрена ты этого не сделал? Только не говори мне, что ты ни слова не понял, когда я просил тебя не калечить Рейн. Ты прятал этот пэддл за своим телом, я не мог его видеть, пока не стало слишком поздно. За семь лет я узнал много твоих секретов. И мне известно, что ты не тупой. Поэтому спрашиваю еще раз, что ты, блять, натворил?

Бек пожал плечами. А ухмылка на его губах разозлила Хаммера еще больше.

— Упс!

Черт возьми, это что и было ответом?

Метнувшись в сторону Бека, Хаммер обхватил своей рукой мускулистое горло Доминанта и сжал его.

— Ты думаешь, это смешно? Я совсем не считаю, это забавным, ублюдок. Ты сделал именно то, что я говорил тебе не делать. Так вот теперь, ты будешь иметь дело со мной!

— Не нужно вымещать на мне свое разочарование. Ты прекрасно знаешь, что тебе самому нужно было позаботиться о принцессе. Это было твоим наказанием, а ты зачем-то втянул в него меня. Но еще больше меня интересует вопрос: почему ты сам не спас ее от меня, а позволил это сделать ирландскому придурку? Я предоставил тебе каждую возможность стать для нее героем, а ты отдал ее О'Нейлу. Что с тобой не так, мать твою?

Хаммер совершенно не должен был что-либо отвечать Беку.

— Прямо сейчас, единственная вещь, которая со мной не так, это ты.

— Рейн всего лишь саба, мужик. Она ничем не отличается от других, я прав?

В ответ на молчание Хаммера, уголки губ Бека поползли вверх.

— Эй, ну, давай! Признайся уже, что она особенная для тебя. Ты безумец, если думаешь, что никто не догадывается о твоих чувствах к ней. Ты обращаешься с ней так, будто у нее влагалище сделано из золо...

Беку не представилось возможности закончить свое предложение. Потому как, Хаммер сжал руку в кулак, и заехал ему в челюсть. После, на подбородок Бека приземлился еще один удар.

— У тебя нет абсолютно никакого права, говорить о какой-либо части ее тела, ублюдок!

Мощный правый хук Бека, застал его врасплох, но Хаммер приветствовал боль. Увидев, как Рейн и Лиам занимались любовью... он почувствовал себя опустошенным, будто жизнь покинула его тело. Лишь красно-жаркий костер, опаляющий его челюсть, был доказательством того, что он был еще не совсем мертв.

Своей рукой, он по-прежнему держал Бека за горло, и, въехав коленом по его яйцам, он толкнул ублюдка к стене. К его глубокому удовольствию, воздух покинул легкие Бека.

После, Хаммер начал наносить удары по его рту, носу и челюсти. Наконец, с сердитым рычанием, Бек оттолкнул Хаммера назад и бросился на него, пачкая его одежду кровью, фонтанирующую из его ноздрей.

Не собираясь сдаваться, Хаммер ударил мужчину кулаком в живот.

— Черт побери! сделав глубокий вдох, Бек закашлялся.

— Не думаю, что видел тебя раньше настолько злым. Я всего лишь слегка выпорол ее. Подумаешь! Она заслужила это.

Бек опустил еще один удар на челюсть Хаммера, выражая тем самым свою грубую заботу.

— Она пугает тебя настолько, что ты даже не можешь хлопнуть ее по заднице, чтобы держать под контролем? Боишься дотронуться до нее, не так ли?

— Ни слова больше. Я попросил тебя оказать мне небольшую услугу, а ты умудрился все провалить. Ты напугал ее настолько, что она согласилась подчиниться Лиаму, и это я теперь в ее глазах монстр, который жаждет безжалостно избить ее, наплевав на болевой порог.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Он снова заехал Беку в челюсть, после чего встряхнул костяшками пальцев.

— Большое спасибо, приятель.

Бек сделал шаг назад и, прищурившись, посмотрел на Хаммера.

— Ты, конечно, можешь избивать меня своей дамской сумочкой всю ночь, но я никому не прислуживаю, Хаммер!

Его снисходительная усмешка разозлила Хаммера еще больше.

— Пошел ты! Ты причинил ей боль, просто потому, что у тебя была для этого физическая возможность. Но в клубе такое недопустимо.

Он ударил Бека кулаком по почкам. После чего огромный Доминант навалился на него, и они вместе упали на пол. Почувствовав, что ответная ярость Бека стала равна его собственной, он понял, что тот решительно настроен на драку.

Мужчины катались по бетону, уворачиваясь, толкаясь, ловя удары и сдерживая их приближение, до тех пор, пока Хаммер не обнаружил, что прижат к полу мощными ногами Бека. Садист наклонился вперед... с его лица капал пот, перемешанный с кровью из разбитой брови. Со злой усмешкой, он подмигнул.

— Ты, тупая скотина. Лиам увел ее у тебя, потому что ты слабак. Желаю удачи в попытках заснуть сегодня. Держу пари, ты будешь представлять его, трахающего твою маленькую принцессу. Сомневаюсь, что найдется достаточно глубокая бутылка, в которой ты сможешь утопить свое горе.

Хаммер отпихнул Бека и вскочил на ноги. В его глазах плескалась расплавленная лава ярости, как у вулкана, готового к извержению.

— На неделю, я ставлю тебе запрет на посещение клуба.

— Опять?

Бек усмехнулся, затем поднялся и схватил бутылку Jack Daniels стоящую на журнальном столике, возле стены. Отвинтив крышку и швырнув ее на пол, он сделал длинный глоток и зашипел, ощутив жжение на разбитой губе. Затем протянул бутылку Хаммеру.

— Да. Опять, подстилка, — прорычал Хаммер, и, взяв бутылку, сделал большой глоток.

— Неделя? Это должно сработать. В любом случае, мне нужен перерыв. А знаешь, ты дерешься как девчонка!

— Ага, именно поэтому у тебя кровоточит губа и почти заплыл глаз, — проворчал Хаммер.

— Ты обидел ее. Я могу простить многое, мужик, но чтобы простить это... мне нужно время.

— Тебе реально надо разобраться со всем твоим дерьмом, связанным с ней. Она значит что-то для тебя. Признай это, или однажды, проснувшись, ты не узнаешь человека, смотрящего на тебя из зеркала.

Скрестив руки на груди, Хаммер ошетинился.

— Это твой профессиональный диагноз?

— Тебе уже давно следовало переспать со своей принцессой и выбросить ее из головы.

— Этого никогда не произойдет.

Выскочив из комнаты, Хаммер направился к бару. Схватив бутылку Patrjn, он пошел обратно в свой кабинет и захлопнул за собой дверь. Сорвав с себя пиджак и галстук, и бросив их на кровать, он пошел в ванную.

Смывая кровь с лица, он поднял голову и поймал свое отражение в зеркале над раковиной. Кровь сочилась из его рассеченной брови, но больше всего его поразила свой загнанный взгляд. Ополоснув холодной водой лицо, Хаммер наблюдал за тем, как по водостоку бегут струйки воды, окрашенные в темно-красный цвет. Он выключил кран.

Потянувшись за полотенцем, он услышал красноречивые звуки, означающие, что за стеной явно занимаются сексом. Нежные страстные стоны Рейн, сливались с мягким и таким знакомым ирландским акцентом Лиамы.

Застыв, словно статуя, он стоял и прислушивался к звукам их занятия любовью. Его внутренности завязались в тугой узел. И подавляя крик, рвущийся из его груди, Хаммер вышел из ванной.

Откупорив текилу, он присосался к бутылке, жадно глотая алкоголь, словно воду. Но даже это не заставило затихнуть, прожигающие до мозга, стоны в его голове. Бек был прав: чтобы избавиться от этой боли, бутылки здесь будет явно недостаточно.

Усевшись в изножье кровати, он думал, что этого расстояния хватит, чтобы заглушить Лиамы и Рейн, но сквозь стены все еще просачивались ее томные вскрики. Закрыв ладонями уши, он был готов на все, чтобы уйти от реальности, от того, что другой доставляет Рейн удовольствие. Тот, на чьем месте, так жаждал оказаться он сам.

Казалось, что все четыре стены сжались вокруг него, пот выступил на лбу. Он глотнул еще алкоголя, и склонил голову. Весь день был чертовой греческой трагедией. А все потому, что он спал с Марли. Подозревала ли Рейн, что он был готов переспать с каждой женщиной в клубе, лишь бы удержаться подальше от нее и не разрушить ее жизнь? Конечно, нет. Он же никогда не был честен с ней.

Черт возьми, а это оказывается трудно — быть честным с самим собой. И в настоящий момент, слышать, как Рейн содрогалась и выкрикивала имя ирландского придурка, было невыносимой реальностью для него, той реальностью, которую он не мог принять.

Пот капал с его лица и тек по спине. Хаммер поднялся и снял с себя рубашку, швырнув ее на пол. Он прошел в спальню, примыкающую к офису, чертовски надеясь на то, что большее количество разделяющих их стен, обеспечит хоть немного гребаной тишины.

Сев за столик и обхватив кружку для кофе своим крупными пальцами, он заглянул внутрь. Чистая, как лист бумаги. Несмотря на все дерьмо, слезы и разыгравшуюся драму, Рейн продолжала следить за тем, чтобы его чашка оставалась чистой.

С ужасающим ревом, он запустил кружку в стену, слушая, как осколки рассыпаются по полу, после чего схватил бутылку Patrjn и вновь жадно приложился к ней.

Наконец, оторвавшись от горлышка, он тяжело повалился на кожаную кушетку, прижав бутылку к колену. Изучая мирно плескавшуюся внутри жидкость, он надеялся, что опьянение сможет приглушить жестокую боль, разрывающую его... хотя, не стал бы делать ставку на успех.

Блять, Бек был прав.

Лиам лежал рядом с Рейн, и тихо посапывал ей на ушко. Прижимая ее к своей груди, он обхватывал ее рукой за талию, согревая своим теплом, окружая и защищая ее.

Она закрыла глаза.

Он так все облегчил для нее. Этот нежный голос... Его, ласковые глаза... Он все еще был незнакомцем для нее — что она знала о его прошлом, его целях, да и, в общем, о его жизни — ничего — но с ним ей было комфортно и спокойно. Она доверяла ему. Это кружило голову... и чертовски пугало.

Удивляясь такому быстрому повороту в их отношениях, она прижалась к нему. Сегодня вечером, он продемонстрировал ей, что всегда будет рядом, как и обещал. Что он будет беречь и защищать ее. Ради этого, он даже поставил под удар свою давнюю дружбу с Хаммером, чтобы поддерживать ее, ту, которую едва знал.

Почему? Рейн не знала, и этот вопрос сбивал ее с толку.

Лиам заклеил ее собой сегодня... в присутствии других, выражая свою мягкость и нежное доминирование. Потом он привел ее в свою спальню и... что? Трахнул ее — и не один раз. Каждый его взгляд и прикосновение что-то значили. Хотя Рейн еще никогда по-настоящему не занималась любовью с мужчиной, она воображала, что все происходит и чувствуется так, как это делает Лиам. Тщательно. Нежно. Всеобъемлюще. Если он хотел пробраться глубоко в нее, то у него это явно получилось. Он разрушил ее защитные стены и полностью обнажил ее душу. После всего, она обнаружила, что ей сложно снова закрыться от него.

Будучи таким сексуальным и заботливым, Лиам, кроме всего прочего, делал для нее то, на что очень мало кто был способен. Почему? Она не знала.

Проклятье, этот день обрушился на нее, как лавина, она еще не совсем оправилась от всего произошедшего. Она так долго ждала появления сильного защитника в своей жизни. Но с тем же рвением она жаждала и сурового Господина.

Хаммер формировал ее последние шесть лет, временами, уж чересчур, настойчиво ограждая ее. И она понимала, что он может оказаться первым и последним ее возлюбленным, если сам того пожелает.

Но она не сможет заставить его полюбить себя, хоть на каком-то уровне, он уже ее любил. Это могло бы объяснить, почему он старался удержать ее от ухода из "Темницы", когда они спорили. Может быть, в нем говорило чувство вины. Или, возможно, это была еще

одна его игра, чтобы контролировать ее.

Но сейчас, это уже действительно не имело значение. Ведь вместо того, чтобы самому наказать ее, он отдал ее Беку. А если он хотел верить, что они с Лиамом все придумали, чтобы одурачить его... то не пошел бы он лесом! С нее достаточно. Теперь она принадлежит Лиаму.

Рейн отбросила от себя воспоминания о растерянном лице Хаммера в тот момент, когда Лиам уводил ее из комнаты. Ее сердце сжалось. Несмотря ни на что, она по-прежнему любила его. И, к сожалению, этого уже не изменить. Но что насчет Лиама?

Если он был тем, каким до сих пор казался, то он, безусловно, заслуживал женщины, способной полностью подчиниться ему, открыть свое сердце и душу.

Боже, она могла думать об этом всю ночь напролет. Рейн повернулась и посмотрела на часы. 3:30 утра.

Знал ли Хаммер, где она сейчас? И имело ли это для него хоть какое-то значение?

Где-то наверху, в баре, раздался звук разбитого стекла. Она села на кровати, ее сердце тревожно забилося. Клуб был закрыт, и все гости должны были давно разойтись. Так что же, черт побери, это был за звук?

Пока она это обдумывала, что-то загремело по полу и стремительно пронеслось, где-то в том же направлении. Она повернулась к Лиаму, и уже протягивала руку, чтобы разбудить его, как увидела, что под его глазами залегли тени. Сегодня вечером, он был выжат как лимон, поэтому она не стала беспокоить его.

Вероятнее всего, шум наверху поднял один из членов клуба, перебравший сегодня вечером, или может быть, один из сотрудников убирался и что-то уронил на пол. Но что бы это, ни было, ей стоит разобраться с этим.

Рейн поднялась и накинула поверх своего обнаженного тела шелковый халат Лиама. Вероятно, ей следует разбудить Хаммера. Интересно, он слышал этот шум?

Но когда Рейн, неслышными шагами прошла по коридору и добралась до его спальни, то обнаружила ее пустой. Ей пришлось побороть сначала удивление, а затем гнев. В конечном счете, победила горечь.

Вероятно, он был с Марли. А точнее, внутри Марли, загоняя себя глубоко в нее — Нет, черт побери, она не собиралась заканчивать эту мысль. Она не могла влиять на Хаммера в его предпочтениях и решать, кого ему трахать. Если он не хотел ее, то ей нужно избавиться от мыслей о нем.

Она замерла на минутку, пытаясь определить, что же делать. Но снова наступила тишина, что бы там наверху ни происходило, оно уже закончилось. А возможно ничего и не было... Рейн уже собиралась вернуться к Лиаму, когда заметила свет, льющийся из приоткрытой двери Бека.

Прищурившись, она спустилась в холл. После сегодняшнего, у нее было, что сказать этому гаду.

Заглянув в его комнату, она обнаружила, что все лампы включены. Он залпом допил оставшуюся пятую часть бутылки Джека Дэниелса и продолжил собирать вещи в спортивную сумку. Заметив ее краем глаза, он повернулся, держа в руках флоггер и пару наручников. Не принимая в расчет тот факт, что у него был синяк под глазом, неизвестного, кстати, происхождения, у него еще хватило наглости ей подмигнуть.

Потеряв терпение и перестав сдерживать накопившиеся эмоции, Рейн не выдержала, у нее не было совершенно никакого желания выслушивать произошедшую историю, с его

точки зрения. Ворвавшись в комнату, она подошла прямо к нему и врезала ему по лицу.

— Скотина!

— Смотрите, кто пришел! Принцесса.

Когда он потерял свою щеку, она увидела еще один синяк в дополнение к разбитой губе. Но меньшего, он и не заслуживал.

Гнев и предупреждение отразились на его лице.

— Я стерплю это. Но только один раз. Признаю, заслужил.

В смысле...?

— Ты сделал со мной то, о чем тебя попросил Хаммер?

— Неа.

Он снова глотнул виски, поморщившись, когда алкоголь обжег его рассеченную губу.

— Да твою ж мать, больно.

— Так же как и моим бедрам, — парировала она.

— Почему ты использовал резиновый паддл, если Хаммер запретил это?

Он послал ей сосредоточенный взгляд, затем ухмылка медленно расплзлась по его лицу.

— Ну, имеется пара причин. Хаммер предупреждал меня на твой счет еще много лет назад, но... эй, я же всего лишь мужчина. Ты моя ожившая эротическая фантазия, поэтому я захотел проверить, вдруг у тебя есть скрытая потребность в боли, которую я могу тебе дать... и тогда, возможно, мы бы прожили счастливую жизнь, ну, и там все такое.

Как он мог вообще такое вообразить хоть на минуту?

— Я думаю, мы остановимся где-то между "нет" и "ни за что в жизни". Это охренеть как больно. Без разминки или разогрева?

— Не в твоём вкусе. Понял. Но я не собирался тебя калечить.

— А как бы ты узнал, когда нужно остановиться?

В темных глазах блеснула усмешка.

— Если ты никогда не назовешь меня Сэр, то... для тебя я Доктор Бек.

Доктор...?

— Серьезно? Доктор медицинских наук?

Он кивнул, улыбаясь и откровенно наслаждаясь крайней степенью ее удивления.

— Доктор Кеннет Бекмэн, заслуженный сосудистый хирург, к Вашим услугам. Я точно знаю, что происходит сейчас в твоих венах, принцесса. Поверь мне. Я не слишком сильно тебя поранил.

Охренеть. Ее шок было невозможно описать словами. Садист Бек это добрый доктор Кенни, специалист по сердечно-сосудистой системе? Спасаящий жизни?

Рейн моргнула. Дважды.

Она всегда знала, что он умен. В свои тридцать лет с хвостиком, он уже должен был получить образование и обзавестись рабочим стажем. Но, у нее никак не укладывалось в голове то, что местный Джек Потрошитель, заставляющий течь всех любительниц боли, имел медицинскую степень и даже практиковал.

— Но тебе следует держать свой язычок за зубами, принцесса. Не хочу, чтобы моим ванильным пациентам стало известно, что их любимый доктор любит причинять боль. Кстати, если тебе интересно, Хаммер знает об этом. Он один из немногих посвященных. Он выбрал меня для твоего наказания, потому что знал, что я не только напугаю тебя до чертиков, но и в случае, если что-то пойдет не так, у него под рукой будет доктор.

То есть Хаммер все еще присматривал за ней... по-своему. Но она все равно не стыдилась своего отсутствия доверия к нему, после его вспышки гнева.

— Спасибо, — она растеряла весь свой боевой настрой.

— Мне нужно было это услышать.

Бек пожал своими массивными плечами.

— Тебе также нужно услышать, почему я угрожал ударить тебя снова.

— Еще бы! Ты же садист.

Он заржал.

— Ну, кроме этого. После первого шлепка я понял, что ты не из моей команды. Просто захотел провести небольшой тест.

Ярость начала просачиваться сквозь нее.

— Чтобы посмотреть, сколько твоего дерьма я смогу выдержать?

— Не слишком ли ты обо мне плохого мнения? — протянул он.

— Нет, Хаммер немного рассказал мне о твоём прошлом. Помнишь, как тебе пришлось провериться у кучи специалистов, как только ты приехала?

Да. Господь Всемогуший, их было около дюжины. Терапевт, дантист, гинеколог, и пластический хирург, чтобы устранить рубцы на ее спине, которые оставил ей ее отец. Даже психиатр. Не то, чтобы она думала об этом, но оказывается, Бек хорошо изучил ее.

— Ты обращался к ним?

— К каждому. Поэтому, я знаю, что ты не такая, как другие. Я видел, какую боль причиняют проституткам....

Он пожал плечами.

— Большинству не приходилось также тяжело как тебе. Они приходят ко мне за освобождением, которое им дарует боль. Но твоя потребность бессознательна... догадываюсь, что ты нуждаешься в боли, чтобы стать более решительной и уже ни за что не спасовать ни перед кем.

Возможно Бек, прочитал ее мысли.

— Точно.

— Ты выжила и стала такой чертовски яркой и живой, что привлекаешь на свой свет всех вокруг. Я хорошо знаю Хаммера. Ты нужна ему. Я угрожал ударить тебя снова, чтобы заставить его вступить за тебя и затащить, наконец, в постель. Он умирает от желания трахнуть тебя.

— Вовсе нет.

Бек впал бы в ступор, если бы только узнал, как много усилий она приложила, чтобы склонить Хаммера к этому... и получить отказ.

— А я говорю, да. Все в его жизни было временным, но не ты. Он заботится о тебе. Присматривает. Направляет. Он любит тебя. Не позволяй всему этому дерьму убедить себя в обратном. Но, честно говоря, я хорошо понимаю Лиаму О'Нейла. У этого чувака серьезный стояк на тебя.

Да. Большую часть ночи, она уже ощутила это на себе. Рейн покраснела.

— Хотел бы я посмотреть, как Хаммер спасает тебя от меня.

Он усмехнулся.

— Но что-то мне подсказывает, что наблюдать за тем, как он будет бороться за тебя с Лиамом, будет куда забавнее.

Рейн открыла, было, рот, чтобы ответить, но ей помешал пронзительный крик.

Сердитый. Уязвленный.

Безошибочно, это был Хаммер. И снова, что-то деревянное, с грохотом, упало на пол.

— Принцесса, почему бы тебе не пойти, и не посмотреть, что он там делает? предложил Бек.

— Уверен, он не будет рад снова увидеть меня.

Не потрудившись ответить ему, она развернулась и выбежала в коридор, направляясь к лестнице.

Бек предполагал, что Хаммеру нужна ее помощь?

Метнувшись наверх, Рейн бежала изо всех сил к нему, пока он не перебудил каждого в клубе или не сделал что-нибудь безумное... например, шарахнул кулаком по стеклу в окне.

Ввалившись в бар, она обнаружила там Хаммера, без рубашки, поднимающего над головой внушительный деревянный барный табурет. Мускулы его спины и рук, напряглись и изогнулись, когда он, с громким рычанием, швырнул его в стену. Тот, с громким стуком врезавшись в нее, рухнул на пол. Он выругался, настолько грубо, что она даже поморщилась.

Что, черт возьми, с ним происходит?

Она все еще пребывала в замешательстве, когда он зашел за стойку и схватил бутылку. Скрутив крышку, он запустил маленький пластиковый диск с такой дикой яростью, что у Рейн от удивления раскрылись глаза. Хаммер сделал большой глоток и нетерпеливо прошелся по комнате.

Лунный свет, льющийся из окна, избородил его лицо серебряными полосами. Воспаленный порез пересекал его бровь, еще один намечался под глазом. На его левой щеке и на правой стороне его челюсти, уже образовывался синяк. Его нижняя губа казалась немного припухшей. Он с кем-то подрался. С Беком?

— Макен, что, черт возьми, с тобой случилось?

Пристальный взгляд Хаммера тут же метнулся к ней. Он ничего не сказал, просто продолжал тяжело дышать, сверля ее взглядом, обещающим нечто... на что бы она точно не смогла решиться.

Поборов в себе желание, сделать шаг назад, она не сдвинулась с места.

— Рейн.

Его голос прогремел в комнате, когда он с такой силой швырнул бутылку на стойку, что ее содержимое выплеснулось фонтаном из горлышка. В три длинных шага, он преодолел расстояние между ними, и, рыча, крепко сжал ее руки. Она почувствовала запах текилы.

— Ты ведь не всерьез думала, что я позволил бы ему зайти с тобой слишком далеко, да? Гребаный ублюдок!

Рейн попыталась подавить вспышку желания, пробежавшую по ее телу от близости Хаммера и его хватки. Какого гребаного ублюдка он имел в виду?

— Бек?

— Да, Бек. Хотя, черт возьми, мне бы очень хотелось, чтобы на его месте был Лиам. Но он был слишком занят, трахая тебя. Да, я слышал, как ты выкрикивала его имя.

Его осуждающий тон заставил ее побледнеть... не то, что бы от стыда. Просто от смущения. В нем слышалась... почти ревность. Но Рейн решила придержать это наблюдение при себе. Что они могли сказать такого, чего между ними еще не было сказано?

— Не хочешь ли объяснить мне, почему ты устроил здесь погром и пытаешься тем самым всех разбудить?

— Оставь меня и иди в постель. Позволь Лиаму еще разок трахнуть твою маленькую

киску. Уверен, он еще не насытился тобой. Будь я на его месте, то мне бы точно было недостаточно, — прорычал он.

— У меня было шесть лет воздержания, проведенных в попытках выбросить мысли о тебе из моей головы, я не смогу тобой насытиться за одну проклятую ночь. Я бы привязал тебя к кровати и поглощал неделями. Месяцами. Пока бы тебе не стало больно. Пока ты не будешь настолько изможденной, что тебе останется только умолять меня не трахать тебя. Но даже это меня не остановит.

И это говорил мужчина, который выбросил ее из своей комнаты за то, что она пыталась соблазнить его?

Рейн с непониманием уставилась на Хаммера, будто он говорил с ней на иностранном языке. Каждое произнесенное им слово разжигало в ней желание. Внизу живота появилась приятная истома, опаляющая ее киску. Она просто не могла позволить себе поддаться искушению. А такое дерьмо очень легко могло произойти, особенно, если один из собеседников под завязку накачался текилой.

— Что за чушь собачья. Ты пьян. Я собираюсь вернуться в постель.

Рейн понимала, что ей следует покинуть комнату и не слушать его. Поэтому, положив свои руки на бедра, она повернулась к нему спиной.

— Как только я начинаю думать, что в тебе осталось что-то человеческое, то узнаю, что оказывается Бек — гребаный доктор! И он бы все равно не причинил мне вреда, но ты снова начинаешь вешать мне лапшу на уши, не предупреждая об этом. А когда я пришла в твою комнату и предоставила тебе каждую чертову возможность, чтобы утолить свой голод по мне, ты отказался. Да потому что ты просто не голоден! И если это такая попытка сохранить мое эго или еще что... то просто прекрати. Я знаю, ты никогда не собирался и не собираешься привязывать меня к своей кровати.

Она не хотела, чтобы Хаммер подтверждал ее слова, поэтому, потуже запахнув на себе халат Лиамы и распрямив плечи, снова повернулась по направлению к лестнице.

— Черт возьми, не отворачивайся от меня. Посмотри на меня. Сейчас же!

Властность в его голосе заставила ее пораженно обернуться через плечо. Откуда эта долбанная ярость?

— Я пьян? Блять, да. Из-за тебя! Не думай, что я делаю все это, чтобы спасти твое эго, прелесть. Я лишь спасаю твою чертову жизнь.

Она повернулась к нему спиной, и, фыркнув, скрестила руки на своей груди.

— Лаааадно... я прекрасно осведомлена о твоей репутации, Хаммер. Ты пытаешься предостеречь меня от своей большой и злой натуры Дома, потому что беспокоишься о том, что привяжешь меня к кровати... и что? Затрахаешь до смерти?

Она закатила свои глаза.

— Пожалуйста... В тебе столько дерьма. Я, не понимая твоей игры, уже в нее наигралась. Закрой бутылку и ложись спать. И постарайся больше не кидаться барными стульями.

Он бросился к ней, пристально сверля ее своим пылающим взглядом, и притянул ее к своей широкой, твердой груди. Его стальная эрекция пульсировала рядом с ней, толкаясь в нее прямо через ткань брюк.

— Ты думаешь, что я бы не привязал тебя к кровати, прелесть? Поверь, будь у меня шанс, я бы претворил в жизнь каждую свою грязную фантазию, которые мне приходилось скрывать за прошедшие шесть лет. Я бы сделал тебя своей маленькой грязной шлюшкой, и

ты бы умоляла меня использовать тебя такими способами, от которых покраснел бы сам дьявол.

Глаза Рейн широко раскрылись. У нее практически не было времени, чтобы переварить его слова, когда он схватил ее за волосы и потянул, заставляя встретиться с ним взглядом. Его глаза погружались, клеймили, приказывали. Правда ошарашила ее. Она с трудом сглотнула. О Боже...

— Ты это серьезно. Все эти годы, ты хотел...

Она уставилась на него, пытаясь воспринять то, что было написано у него на лице, то, что заряжало воздух между ними.

— Меня?

— Каждый гребаный час каждого чертова дня. Ты хоть представляешь, каким безумным я был, когда узнал, что ты потеряла девственность с куском дерьма, по имени Зак? Он не вернется. Никогда. Я позаботился об этом.

Что-то опасное и убийственное промелькнуло в его глазах. Кусочки головоломки начали складываться воедино.

— Я знаю, это ты заставил исчезнуть всех, кто когда-либо ко мне прикасался.

— Точно. Всегда так буду делать. Я захотел тебя почти с того самого момента, как подобрал в тот жаркий августовский день, шесть лет назад. Тебе тогда не было и восемнадцати, и я вызубрил все книжные слова, которыми мог себя обозвать: извращенец, педофил, тупая скотина. И ни одно из них не охладило моего желания к тебе.

Боже, она не понимала этого запутавшегося мужчину.

— Все это время я была здесь. Я больше не подросток.

— Я заметил. Когда ты выросла у меня на глазах и превратилась в цветущую женщину, как сейчас...

Он остановился и провел своим большим пальцем по ее нижней губе. Рейн было трудно дышать. Она едва могла переварить такое количество информации, которую он обрушил на нее. Пытаться уложить это в голове, было все равно, что внезапно услышать, что у неба вообще-то не голубой цвет.

Он. Хочет. Ее.

Шок от услышанного, продолжал будоражить ее. Но почему он в течение многих лет, так тщательно скрывал свои чувства и только сейчас признался в них? Неужели потому, что сейчас, будучи достаточно пьяным, он, наконец, смог стать честным?

То, как он поглаживал большим пальцем ее губу и прожигал взглядом ее рот, заставляло ее внутренности подпрыгнуть, а складочки внизу увлажниться.

— Подожди. Ты всегда относился ко мне, как к ребенку.

Вспомнив все обиды и гнев, она вырвалась из его объятий.

— Как к своей сестре. Что изменилось? Ты увидел, как Лиам трахнул мою задницу и внезапно решил, что я выросла, и по этой причине решил играть по правилам?

— В моих глазах ты повзрослела, когда тебя исполнилось восемнадцать, в некотором роде даже еще раньше. А что касается Лиамы...

Он снисходительно усмехнулся.

— Он не справится с тобой. Ты перешагнешь его, дорогая. Тебе нужен сильный Доминант, который сможет прижать тебя к ногтю и держать твою задницу в узде. Я единственный, кто может это сделать. Не обманывай себя. Он будет забавной игрушкой, но на этом все. Ты всегда будешь нуждаться во мне... в моей суровой жестокости и

способности расширить твои горизонты.

О, теперь-то она поняла. Та же песня, на другой мотив.

— Раньше ты говорил мне, что я не достаточно взрослая, не достаточно любезная и не достаточно выносливая. А сейчас ты раскачиваешь передо мной своим членом, потому что я принадлежу другому, знаешь ли, у меня для тебя плохая новость. Теперь, я не с тобой. И какой смысл в этой ошеломляющей истине? спросила она с пренебрежением.

— Ты никогда не прикасался ко мне. Думаю, тебе доставляет удовольствие порочить репутацию Лиама, но ты должен знать, он нежный и замечательный, и имеет мужество рассматривать меня, как женщину.

Она гордо прошествовала к бару, взяла бутылку, и жадно глотнула из нее. Текила обожгла ее горло, но она была рада этому огню, и, хлопнув бутылкой по столу, она снова перевела на него взгляд. Ее темперамент ликовал. Тело вибрировало, и она ни за что на свете не признается, что причиной этому был он.

— И ты никогда не будешь моим. Поэтому возьми свои слова о горизонтах обратно, подними задницу и выметайся.

Прежде чем она смогла вдохнуть, он настиг ее, и крепко прижал к своему горячему телу. Его обнаженная грудь тяжело поднималась и опускалась, а губы были сжаты в упрямую линию. Он посмотрел вниз, в ее глаза.

— Я никогда такого не говорил. Ты, единственная, кто обесценивает все причины, не я. Если бы я хотел потрясти членом у тебя перед лицом, то будь, блять, уверена, что это было бы в одном случае, если бы я учил тебя сосать его. Поверь мне, это не мои горизонты и задница требуют расширения.

Потираясь о нее своим возбуждением, он, закрыв глаза, застонал, заставляя ее задрожать всем телом. Когда он снова открыл их, то увидел дикий голод, сверкающий в ее взгляде.

— Хаммер, я...

— Больше ни единого гребаного слова, Рейн.

Он склонился над ее ртом, и его губы захватили ее, требуя, ставя свое клеймо, забирая все, что она могла дать. У Рейн закружилась голова. Сердце бешено стучало, киска потекла. Она открылась ему, не смогла ничего с собой поделаться, и ответила на поцелуй.

Зажав в свои большие кулаки края халата Лиама, он притянул ее ближе. Она не знала, как такое возможно, но каждый ее дюйм был накрыт им.

Он грубо распахнул шелк, заставляя ее чувствовать своей киской ткань его брюк. Он вдыхал ее, пронзая ее рот, заявляя на нее свои права. И Рейн плавилась в его объятиях, ее голова кружилась, приводя ее в смятение. Она застонала и раскрылась шире для него, молчаливо умоляя о большем... как всегда...

Как долго это продлится, прежде, чем он возьмет себя в руки и отстранится? Прерывая поцелуй и вырываясь из его рук, она, задыхаясь, попятилась назад, пока не уперлась в барную стойку.

— Остановись. Я больше не играю в эту игру. Я теперь с Лиамом.

Но он даже не смотрел на ее лицо. Его горячий взгляд был зафиксирован ниже, на одной из обнаженных грудей, выглядывающих из безжалостно раскрытого им халата. В лунном свете, бледная сфера выглядела тяжелой, увенчанная тугой вершинкой.

Она потянулась к краям материи, чтобы прикрыться, но Хаммер уже настиг ее, на его

лице играли желваки.

— Никакой игры, прелесть. Сегодня вечером, ты моя!

И захватив ртом ее сосок, он глубоко всосал его. Зубы погрузились в ее мягкую плоть, пока кончик языка порхал над твердой горошиной, вовлекая ее в сверкающий водоворот удовольствия и боли. Он взял в свои большие ладони ее груди, дразня припухшие соски зубами, губами и языком. Ощущения моментально затопили ее.

Прикасающийся к ней Макен был всем и даже больше, о чем она могла только мечтать. Удовольствие тащило ее во тьму... прекрасное место.

Запрокинув голову назад, она сжимала и разжимала кулачки. Это было ее единственной защитой, чтобы не схватить его за волосы и не притянуть к себе. Но этого надолго не хватило. Внезапно, у нее вырвался стон, и Рейн спрятала лицо, когда он приласкал языком ее сосок.

Она почувствовала разряд, дошедший прямо до ее клитора. Прогнув спину, она обхватила ногой его бедро. Боже, да она буквально терлась о него всем телом.

Но ее до сих пор мучил вопрос, почему он хотел ее именно сейчас. Или он просто был настолько пьян, что совершенно не думал о завтрашнем дне? Что ж... она-то как раз думала.

Рейн извернулась, прерывая его ласку.

— Если бы ты признался мне вчера, то все было бы замечательно. Но сегодня... Лиам...

Она покачала головой.

— Я сказала ему "да". Я дала обещание.

Покусывая сосок зубами и дождавшись пока она не вскрикнет, он, наконец, отпустил его.

— На хрен Лиам. Он заставил тебя поверить в то, что именно он спас тебя от Бека. Это все его игры разума, он заставляет тебя думать, что он единственный герой в этой пьесе. Но я охранял тебя в течение шести лет, Рейн. И я всегда буду рядом с тобой, чтобы помочь. Всегда.

Она задрожала от этой неистовой клятвы.

Без слов, он провел ладонями по ее плечам, окончательно сбрасывая с ее тела халат. Обнаженную и максимально выставленную напоказ, Макен обхватил ладонями ее тонкую талию и посадил на барную стойку. Его взгляд не отрывался от нее, дотягиваясь до самой души. Ноздри раздувались, и даже она могла чувствовать запах собственного возбуждения.

— Ложись на спину. Я хочу запомнить твой вкус на своем языке, на всю оставшуюся жизнь.

Она должна остановить его. Но лишь дурачила себя мыслью, что способна на это. Патрул начисто снес его образ мирного защитника всех времен и народов. То, как она хотела Макена до этого, не шло ни в какое сравнение с вновь пробудившимся желанием, когда он по-настоящему поцеловал ее.

Возможно более умная женщина, закрыла бы свои чувства после публичного наказания. Но она не была такой женщиной. Правильно или неправильно, она все еще хотела его, потому как он, до сих пор, занимал большую часть ее сердца. Выбор был за ней; и она знала это. Но разве был здесь какой-нибудь вопрос, требующий выбора ответа?

Мужчина, которого она всегда хотела, наконец-то воплощал ее фантазии в реальность. Ей всего лишь нужно лечь на спину и позволить ему сделать все, что он и она хотели.

Но Лиам... разве он действительно трахал ей мозги? Или специально повернул ситуацию в свою пользу, чтобы переспать с ней? И ударить Хаммера ножом в спину? Не важно, какова была причина, ведь он даже не знал о ее существовании еще два года назад и, конечно, не любил ее. Как и она его.

Завтра Хаммер протрезвеет, и скорее всего, будет сожалеть о случившемся. Поэтому она не может упустить возможность оказаться под ним, иначе будет ненавидеть себя всю оставшуюся жизнь. Да, она была расчетлива. Но все взывало к ее уверенности в том, что, не познав его прикосновений хотя бы однажды, она никогда не будет цельной.

— Да, Сэр.

Откинувшись на спину, она застенчиво, совсем немного, раздвинула ноги, ожидая его одобрения.

— Иисусе, — тяжело выдохнул он.

— Шире. Я хочу, чтобы твоя сладкая киска раскрылась для меня, чтобы я мог дышать тобой и попробовать каждую каплю.

У нее перехватило дыхание от этих слов. Как долго она грезилась о том, чтобы он приказывал ей?

Раздвинув ноги максимально широко и подставив ему каждую скользкую складочку, она судорожно вздохнула, когда его теплые губы начали порхать над ее припухшей киской.

— Да... моя. Посмотри на себя, такая сногшибательная. Я представлял тебя именно такой, но сейчас ты здесь, а не в мечтах... Блять, прелесть, ты умопомрачительна, — восхитился он.

— Не кончай без моего разрешения. Не разочаровывай меня.

Он строго вздернул бровь.

— Постарайся?

Разочаровать его? Она даже и помыслить не могла о таком. Находиться с ним в одной комнате, уже было возбуждающе для нее, не говоря уже о том, чтобы чувствовать его лицо и дыхание между своих ног. Она уже была опасно близка к оргазму.

Вздвигнув, она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, подхватила себя под колени и раскрылась еще шире, удерживая себя для него.

— Я постараюсь. Для Вас. Всегда буду стараться.

Овевая своим дыханием ее ноющую киску, он провел кончиками пальцев по внутренней стороне ее бедер.

— О, прелесть, ты сделаешь чертовски больше, чем просто попытаешься. Ты выполнишь все, что я тебе прикажу. Ты найдешь для этого силы. Желание подчиняться ярко пылает в тебе, и я решительно намерен заставить его вспыхнуть еще жарче для меня.

Склонив голову, он провел своим скользким языком по ее складочкам, добираясь до клитора. Не в силах остановиться, она вскинула бедра навстречу его языку, захватившему и посасывающему ее набухший клитор. Она закричала.

Медленно, неторопливыми скольжениями, его язык ласкал и играл с ней, вознося все выше и быстрее, она еще никогда не испытывала подобного. Она таяла, от того, как он поклонялся ее киске. И то, как хорошо он знал ее душу, разрушало ее еще больше.

Боже, как же сильно, она хотела сделать ему приятно, как никому в жизни.

Ощущение его языка, порхающего над ее чувствительной плотью, прослеживающего длинные, соблазнительные дорожки к ее клитору, заставляло ее почти плакать. Она начала задыхаться, когда он сделал так снова. Приподнимаясь к нему, она выгнулась еще сильнее. Остро чувствуя свою потребность.

— Пожалуйста, Хаммер. Пожалуйста... Боже, да. Я хочу доставить Вам удовольствие, но я не знаю, сколько еще смогу бороться с наслаждением. Никто еще...

Она застонала, неспособная больше формулировать осмысленные фразы, когда его большой палец закружил вокруг ее клитора, а язык пронзил ее трепещущую сердцевину. Затем, отклонившись назад, он скользнул сразу двумя пальцами в ее лоно.

— Моя сладкая девочка. Я так хотел быть первым для тебя, хоть в чем-то. Блять, да. Я умираю от желания подарить тебе этот экстаз. Посмотри на меня, Рейн. Посмотри мне в глаза.

Заставив себя разомкнуть тяжелые веки, она заморгала, стараясь сфокусироваться.

— Вот так, — похвалил он.

— Не отворачивайся и не закрывай глаза. Я хочу видеть, как ты будешь сдерживать оргазм для меня. Трудно, не правда ли? Да. Но твое отчаяние будет таким сладким на вкус.

Медленная улыбка расплылась по его лицу, прежде чем он снова задвигал большим пальцем и сконцентрировал свой искусный язык на ее клиторе. Его взгляд проникал также как и пальцы, входящие и выходящие из ее влажной киски неторопливыми, рассчитанными ударами, скручиваясь и проводя по чувствительным тканям глубоко внутри.

Все ощущения смешались и слились воедино, причиняя по-настоящему сильную боль. Она изо всех сил пыталась справиться с ней. Потому как, сдерживаться уже было просто невозможно. Его немигающий пристальный взгляд продолжал удерживать ее в плену, как бы говоря ей без слов, как он наслаждается ее чувственными страданиями.

Она все еще не могла до конца поверить в то, что Хаммер посчитал ее достойной женщиной для удовлетворения своего желания, и то, что он смотрел на нее голодным взглядом, обещающим опустошить и полностью поглотить ее. Чувства смешались, напрочь лишая ее сдержанности. Чтобы сосредоточиться, она старалась глубоко дышать, но неумолимое удовольствие не отпускало ее. Она не знала, как долго еще сможет продержаться.

— Хаммер..., - всхлипнула она.

— Пожалуйста, я прошу тебя. Это настолько сильно. Еще немного и это разорвет меня на части. Я не могу -

— Ты можешь. И ты сделаешь так, как я сказал. Потерпи еще немного.

Его слова прошли вибрацией по ее клитору, пуская сверкающие разряды по спине. От

невыносимо сильной, чувственной жажды, она снова закричала. Он отстранил свой рот от ее киски, но, его глаза, по-прежнему, продолжали удерживать ее.

— Скажи мне, как сильно ты сгораешь.

— Помоги мне. Я цепляюсь за край. Ощущения становятся все более настойчивыми и горячими. Пожалуйста. Пожалуйста... дай мне кончить.

— Совсем скоро, прелесть. Я наслаждаюсь тем, как ты просишь меня. От этого мой член становится еще крепче.

Она задышалась, ее тело напряглось, пытаясь сдержать накатывающий оргазм. У нее закружилась голова, перед лицом такой всепоглощающей потребности, ее желание бороться за свои права против его господства рассыпалось на кусочки.

— Хаммер, я правда пытаюсь. Но, я прошу тебя. Пожалуйста, я буду хорошей. Я дам тебе все, что ты хочешь.

— Ты дашь мне все и даже больше. Смотри на меня, даже если от экстаза, мое изображение будет расплываться в твоих глазах.

Неровно кивнув, она захныкала, цепляясь за его слова, как за спасательный круг, не дающий утонуть в пучине удовольствия.

— Блять, Рейн, вот теперь, я хочу чувствовать это. Кончай!

Хаммер продолжил воспалять своими губами ее клитор, и скользнул еще одним пальцем в ее, изнемогающую от жара, киску. Растягивая и возбуждая ее еще больше. Продолжая настойчиво требовать ее оргазма.

Прижавшись к ее клитору зубами и языком, он интенсивно сосал его, толкая ее все дальше за грань. Ощущения захлестнули ее.

Рейн хлопнула ладонями по барной стойке, и выгнула свое тело навстречу его требовательному рту. Он прокрался в ее киску, прощупывая каждый нерв, и толкаясь языком, дарил ей такое сногшибательное удовольствие, что она, не сдержавшись, простонала его имя.

Ощущения достигли вершины и угрожали затопить ее. Но она не отводила от него своего взгляда. Ее глаза умоляли его, в то время как блеск в его глазах, обещал ей потрясающую изощренную пытку. Он мучил и жадно поглощал ее, растягивая каждую секунду в бесконечность, и стимулируя каждый ее нерв, пока ее тело не затряслось.

Она изогнулась, чтобы избежать сумасшествия. Но он не собирался, так легко, отпускать ее от себя. Мертвой хваткой, он продолжал удерживать ее за бедра, вынуждая и дальше принимать удары его языка, и лишь крепче прижимая ее к себе, он пил ее сущность. Его безумный голодный взгляд подсказал ей, что как только он будет готов отпустить ее, он сам об этом скажет. После мучительного удара его языка по ее сердцевине, на его губах появилась снисходительная улыбка.

— Это было восхитительной закуской. Но сейчас, я нуждаюсь еще в одном маленьком кусочке.

Она даже не успела разобрать его слов, когда он снова набросился на нее своими пальцами и ртом. Больше не было медлительности. Сейчас он возносил ее к вершине с рассчитанной точностью. Пальцами. Языком. Зубами. Он вкушал ее с целенаправленной решимостью.

На этот раз, было слишком много ощущений. Чересчур требовательные. Ни с чем не сравнимые, захватывающие дух.

Она попыталась отодвинуться от него. Но добила лишь того, что он схватил ее

запястья и прижал их к столешнице, снова продолжив ненасытно пировать ей, поднимая выше и выше, не давая даже опомниться. И она очень быстро взобралась на требуемую высоту, где желание жгло сильнее всего, но ее тело и разум не могли поймать нужный момент, пик наслаждения был для нее недостижим.

— Остановись. Я не могу, — всхлипнула она.

— Я не могу.

Хаммер еще крепче сжал свой захват.

Должно быть, он видел слезы, застывшие в ее глазах. Но его властный пристальный взгляд продолжал требовать большего, и он прикусил зубами ее клитор.

— Я знаю, ты можешь, Рейн. Останься со мной. И я покажу тебе.

Его голос был похож на тихое мурлыканье, но властность его тона пронзила ее.

— Приблизься к краю, и жди моей команды.

В попытке побороть наслаждение, у Рейн выступили слезы в уголках глаз. Он хотел ее. И она, отчаянно — хотела его. Ее тело все еще балансировало над бездной. Закрыв глаза, она беспомощно позволила своим бедрам всколыхнуться от растущего огня внутри.

— Открой глаза, прелесть.

Встрепенувшись, ее веки распахнулись. Их пристальные взгляды встретились, и она поняла, что даже все слезы мира, не помешают ему сделать все то, что он хотел — это было его время, и ему решать, какой ход будет следующим.

Шлепнув ладонью по киске, он в следующую секунду ввел в нее пальцы, подводя их прямо к изнывающей точке внутри, способной довести ее до еще одного пика. И внезапно, его уже было невозможно превозмочь.

— Хаммер!

Резко вскинув голову, он вполголоса произнес, — Я знаю, прелесть. Ты уже близко, но ты такая красивая. Потерпи еще чуть-чуть, я хочу еще немного насладиться моментом твоей отчаянной борьбы.

— Но мне нужно это.

Из ее горла вырвался жалобный вопль, и он поднялся и сгреб ее в свои объятия. Машинально, она обвила его талию своими ногами, отчаянно потерявшись о его толстый ствол.

Успокаивающим жестом, он подхватил ее под бедра, и понес вниз по широкой лестнице.

— Ты думаешь, что больше не можешь терпеть? Оу, прелесть моя, ты даже еще не начала по-настоящему желать меня.

Его губы заявляли на нее свои права, когда он мчался вниз по длинному коридору, в свой кабинет. Он пнул дверь ногой, и она закрылась за ними, после чего бросился в спальню и распластал Рейн в центре своей кровати.

— Глаза на меня. Скажи, чего ты хочешь.

Она, прищурившись, посмотрела на него. Ее сердце бешено забилося, а звук, от хлопка его двери, все еще продолжал звенеть в ее ушах.

Она знала чего хочет от него, еще с того самого момента, когда он нашел ее, когда заботился о ней, слушал ее рассказы и обещал своим строгим голосом, что с ним она будет в безопасности. Уже тогда, она была немного влюблена в него. И спустя шесть лет, ее чувства к нему лишь окрепли. Она всегда хотела его, и всегда ждала этого момента.

— Пожалуйста, Макен. Трахни меня.

Никогда раньше эти слова не врезались с такой силой ему в лицо. Они прожгли его мозг, отсеивая все рациональные мысли. Потому что были произнесены Рейн.

Срывая брюки, он дернул молнию, освобождая свой толстый и набухший член, было ощущение, что он готов взорваться. Туманные голубые глаза Рейн расширились при виде его головки, истекающей смазкой... из-за нее. Он взял его в руку, медленно поглаживая и с удовольствием наблюдая за тем, как ее взгляд следит за его движениями, а ее ротик приоткрылся, будто в ожидании.

— О, детка, я собираюсь жестко оттрахать тебя. Глубоко. И настолько основательно, что ты больше никогда не будешь сомневаться в силе моего желания оказаться в тебе.

Возвышаясь над Рейн, он снова почувствовал ее неповторимый запах. Иисусе. Он не сможет проникнуть в нее достаточно быстро. И никогда не сможет войти в нее достаточно глубоко, чтобы утонуть в ней. Но он, блять, приложит все гребаные усилия, чтобы попытаться.

— Раздвинь широко ноги, Рейн, — скомандовал он.

— Я не могу больше ждать ни секунды.

Он никогда еще не чувствовал себя настолько несдержанным. Потому как, эта соблазнительная лисица, по которой он сходил с ума все эти годы, теперь была его. Расставленные ноги, казалось, приглашали воплотить в реальность все непристойные фантазии, преследовавшие его всю проклятую жизнь.

Он медленно забрался на кровать, подкрадываясь к ней, как животное, преследующее свою добычу, и устроился между ее бедер, опаяя ее своим взглядом.

— Я собираюсь трахать тебя всю ночь напролет.

— Да, — всхлипнула она.

Хаммер накрыл ее тело своим. И ему хотелось завывать от восхитительного ощущения ее горячей, шелковой плоти под ним. Цветочный запах ее волос, смешался с пряным ароматом ее киски, образуя волшебную смесь, от которой его желание стало просто невозможным. Наклонившись над ее губами, он принял все, что она могла ему предложить. Он упивался ей, прижимаясь членом к ее голым, припухшим складочкам. Она ощущалась такой бархатной и влажной. И такой охренительно горячей.

Схватив ее за бедра, он прижался к ее губам, разводя их широко своим языком, и начал медленно входить в нее. Блять, она еще не отошла от предыдущего оргазма, а ее припухшая киска жаждала еще одного.

Она поежилась и напряглась от его вторжения.

— Подожди Макен. Я — ауч. Всего секундочку. Я -

Да твою ж мать! Он заставил себя сделать успокаивающий вдох. До сегодняшнего вечера, в жизни Рейн было не так много секса. Его член был просто каменным, а от отчаянного желания оказаться внутри нее, помутилось зрение.

— Расслабься, прелесть. Позволь мне позаботиться об этом.

Он попытался войти немного глубже, но был снова остановлен ее тугой киской. Гребанный ад, даже те несколько несчастных дюймов, с трудом уместившиеся в Рейн, дарили ему непередаваемое чувство того, как она окутывает его собой. Его глаза практически вылезли из орбит.

Она была одновременно раем и адом, и он не собирался терять с ней в пустую ни секунды. С силой сжав зубы, он заставил себя немного отступить.

— Если ты хочешь, чтобы я тебя трахнул, детка, то тебе придется сначала впустить меня. Сделай глубокий вдох. Просто расслабься и позволь этому произойти. Да...

Медленно, она начала дышать, небольшими вдохами, стараясь унять нервную дрожь. Но ее тело по-прежнему было напряжено и не оставляло ему ни единой возможности проникнуть в ее лоно.

Мысли проносились в его голове со скоростью света. Сможет ли он вообще войти в нее? Неужели она была настолько неопытной, что ее маленькая киска все еще не могла приспособиться к его члену? Нет. Он найдет способ растянуть ее до нужного размера.

Наклонившись к ее грудям, он приласкал твердые вершинки ее сосков, и, опустив руку между их телами, начал описывать пальцем круги вокруг ее клитора. В следующую секунду головка его ствола увлажнилась ее соками, и, чтобы использовать их в качестве смазки, он качнул бедрами назад. Из его груди вырвался стон. Ее тело немного расслабилось, и, втягивая в рот ее сосок, он толкнулся в нее снова. На этот раз головка прошла немного глубже сквозь скользкие складки, но она все равно сжалась.

— Тише.

У нее перехватило дыхание, когда он проник еще немного дальше. И остановившись, он позволил ей привыкнуть к его объему. Но это было чертовски мучительно.

Рейн царапнула его спину ногтями, приподнимая бедра.

— Еще...

— Я знаю. Скоро. Вдохни поглубже. Я не хочу разорвать тебя, Рейн, но я собираюсь, как следует тебя использовать. Я попытаюсь быть нежным, но... Боже, я так долго этого ждал.

— Я тоже, — простонала она ему в ухо.

Но слова не помогут быстрее раскрыться ее киске. Ему придется быть безжалостным с ней, иначе он просто сойдет с ума.

Он прижался губами к нежному местечку между плечом и шеей, сильно посасывая его, и, в конце концов, укусил ее. У нее вырвался резкий вздох. И, сосредоточив все свое внимание, на его укусе, она перестала сжиматься в ответ на его вторжение в ее лоно. Воспользовавшись моментом, он скользнул внутрь до упора.

Гребанный ад! Она, будто ожившая фантазия, была такой же тесной, как он себе и представлял, особенно, когда сжалась вокруг него снова. Он издал долгий низкий стон.

После бесконечных шести лет, Рейн наконец-то окутывала его, окружала собой. Ее пряный запах заполнял его ноздри, а негромкие вскрики отдавались в ушах. Она даже вонзила ноготки в его плечи.

Она была лучше всяких фантазий, за гранью реальности.

— Тебе больно, детка?

— Нет, — простонала она, и ее взгляд наконец-то зацепился на нем.

— Ты внутри... невероятно.

Он смог лишь неровно кивнуть.

— Ты уничтожаешь мой контроль.

Удерживая свой вес на локтях, он наблюдал, не собираясь пропустить ни секунды происходящего. Отступив, он снова глубоко вонзился в ее киску. Ее глаза широко раскрылись, а пухлые губы образовали маленькую сексуальную букву "о". Она вздрогнула всем телом, что заставило ее груди подпрыгнуть.

Продолжая свои толчки в нее, он снова сосредоточился на ее сосках, втягивая их в рот. И, черт возьми, да... она снова сжалась вокруг него. Иисусе... каждое ощущение было

настолько насыщенным. Она буквально сжигала его член. И тут, он понял, что не надел презерватив, когда в очередной раз вышел из нее.

— Ты на таблетках, прелесть? — проговорил он с придыханием.

Он опасался, что уже заранее знал ответ на этот вопрос.

— Нет, — на секунду, она напряглась.

Тупоголовый придурок. Хотя позже он будет сожалеть об этом, но Хаммер не собирался переставать трахать ее. Он лучше сгорит в аду, чем позволит чему-то между ними послужить преградой.

Как только он скользнул в нее снова, Рейн, полуприкрыв глаза, придвинулась к нему. Она прильнула к нему в этом чувственном танце, от чего его член еще сильнее затвердел.

— Тебе нужно начать их принимать. Ты должна быть защищена. Сегодня же.

Не ответив, она всхлипнула, когда он резко и глубоко вонзился в нее, прикладывая свой вес, что заставило ее даже слегка подпрыгнуть на кровати.

— Ты слышишь меня, Рейн? — настаивал он.

— Я отвезу тебя, мы позаботимся об этом.

Он не знал, будет ли у него еще хоть когда-нибудь возможность оттрахать ее без защиты.

— Да.

Обхватив его бедра ногами, она вскрикнула.

— Я так и сделаю.

Она была так близка... но все еще пыталась сдерживаться. Ее трепещущее лоно и рваные вздохи были всеми необходимыми ему знаками. В этом вся Рейн. И лишь образ того, как Рейн получит разрядку благодаря ему, заставлял его отбросить к черту самоконтроль и излиться внутри нее.

Сжав зубы, он старался не замечать ни шелковистости ее пульсирующей киски, ни ее задыхающихся, все возрастающих вскриков. Он просто был сосредоточен на том, чтобы подарить ей все удовольствия, на которое был только способен.

— Кончи для меня, детка, — прорычал он ей на ушко.

— Отдайся мне полностью.

Зажав ее клитор между пальцами, он проник еще глубже, когда она прогнулась от его прикосновения.

— Макеннннн.

Блять! Он вечность ждал, чтобы услышать, как распластанная под ним, она выкрикивает его имя.

— Да! — он врывался в нее, умирая от желания при каждом следующем толчке.

Но сам он сдерживался, пока она все еще продолжала кричать. И с трепетом посмотрев, как Рейн вцепилась в него ногтями, он наблюдал за тем, как она отчаянно двигалась вместе с ним, таяла и металась, неспособная сдержать крик. Получая невероятной силы оргазм, она схватилась за него, будто он был центром Вселенной. И это стало для него последней каплей.

— Да! Блять, да! Рейн!

МОЯ Рейн. Она запечатлела себя на нем. Ведь часть его души всегда будет принадлежать ей, и, вместо того, чтобы напугать, эта мысль еще больше воодушевила его.

Его член дернулся, и он кончил, заполняя ее шелковистое и тугое лоно своим семенем. Зарывав от накрывшего оргазма, Хаммер часто и тяжело задышал, в то время как она,

продолжала метаться и дрожать рядом с ним. Кончить в нее было так чертовски приятно.

Его тело гудело от мучительного наслаждения, казалось, будто миллион иголок втыкалось в его кожу, заставляя кровоточить удовольствием. Часть его удовлетворения приходилась на тот факт, что он отметил Рейн не единожды. И на ее бедрах, скорее всего, останутся синяки от его грубых пальцев. На шее дорожки от его укусов. А его семя в ее лоне может оставить более длительные последствия...

Боже, он затеял с Рейн опасную игру, но теперь он хотя бы имел представление о том, какой она будет под ним, такой раскрытой и незащищенной, выполняющей его приказы, покоряющие ее тело. И душу.

Ее глаза были закрыты, а дыхание тяжелым, на щеках разливался румянец. Такая умиротворенная.

Он испытывал потребность взять ее еще раз, чувствуя, как прижимаются к нему ее груди, и как она все еще удерживает его своими ногами. Ему не пришлось прикладывать для этого усилий. С Рейн эта жажда была похожа на потребность в дыхании.

Выйдя из нее, он поднялся на ноги и обошел кровать с другой стороны, останавливаясь рядом с ее головой. Пропустив пальцы сквозь пряди ее волос, он постарался нежно подтянуть ее к себе. Ее голубые глаза широко раскрылись, сфокусировавшись на нем, в немом ожидании. Даже ее пораженный вздох возбудил его. И будь у него хоть малейший шанс, он бы удивлял ее каждую гребаную минуту.

— Приподнимись и наклони голову над кроватью.

Моргнув, Рейн откинулась назад на локти.

— Вот так, — промурлыкал он.

— Открой ротик, прелесть. И соси мой член. Воспоминания об этом преследуют меня с той самой ночи, когда я проснулся, чувствуя, как ты заглатываешь его.

Он застонал, когда она послушно выполнила его указания.

— Боже, да.

Необходимость взять ее всеми возможными способами, накрыла Хаммера, и, не смотря на то, что он старался сдерживаться, эта потребность была всепоглощающей. Дерьмо, ему нужно взять себя в руки. Но в тот момент, когда она облизала свою пухлую нижнюю губу, и он скользнул членом в ее горячий, шелковистый рот, он знал, что, ни о каком контроле речи больше быть не может. Кровь прилила к низу его живота с такой силой, что своим твердым членом, он, наверное, мог долбить дыры в бетоне. Как будто это не он кончил, каких-то несколько минут назад.

Он наслаждался тем, как растягиваются вокруг него ее губы, принимая его внутрь. Но ему нужно было решить, продолжать заполнять до отказа ее глотку или отступить и исполнить очередную свою фантазию с Рейн.

Скрипнув зубами, он отстранился и отошел к дальней стороне кровати.

— Опускайся вниз, прелесть. Вставай на колени, и обопрись руками.

Сделав, как он велел, она выставила на его обозрение свой сочный белый зад, и тут он увидел ужасные синяки на тыльной стороне ее бедер, появившиеся на ее теле от рук Бека. С сожалением, он мягко прикоснулся к ним, после чего медленно поцеловал.

— Мне так жаль, — пробормотал он.

— Клянусь, он не должен был делать этого с тобой.

— Бек уже сказал мне.

Хаммер прижался своими губами к ее узкой спине, и потянулся к своей тумбочке,

схватив тубик со смазкой. Выдавлив ее на пальцы, он обильно распределил смазку вокруг ее ануса, и умирая от желания вновь заявить на нее свои права, погрузил в ее задницу два пальца.

— Здесь болит?

— Немного.

Рейн с трудом задышала и начала извиваться. Нет, она не попыталась отодвинуться, он отчетливо понял, что она переборола это инстинктивное желание. Одна только мысль о том, что она могла бы дистанцироваться от него, сделала его неумолимым.

— Я сожалею, прелесть. Я сделаю все возможное, чтобы быть нежным. Выгни спину и толкнись на меня. Умираю от желания взять твою задницу.

Сжав одной рукой ее бедро, он распределил скользкий гель по своему стволу и направил головку к ее крошечному сжатому колечку. Прорываться сквозь туго стиснутый анус, было непередаваемым ощущением.

Наблюдая за тем, как вершина его члена погрузилась в ее узкий проход, было сродни ощущению молнии, проходящей по его спине. Иисусе! Он не мог врезаться в нее так, как ему хотелось... иначе рискует порвать ее нежную ткань.

Стараясь унять свою яростную страсть, он начал поглаживать ее клитор, все глубже входя своим пульсирующим членом в ее задницу. Шелковое сжатие ее жаркой мягкости почти заставило его немедленно разрядиться.

— Почувствуй меня, прелесть. Ощути каждый толстый и твердый дюйм.

Он начал наращивать темп своих толчков.

— В себе.

Захныкав, Рейн прижалась плечами к матрасу, копна ее черных волос рассыпалась по простыне, так ярко оттеняя бледную кожу ее спины. Она была просто охренеть, как восхитительна.

— Да! — он услышал в этом женственном рычании всепоглощающую жажду.

Этим она лишь подлила еще масла в его огонь.

Положив ладонь ей на поясницу, он спустил своего зверя с цепи, позволив вырваться на свободу своим долго сдерживаемым порывам. Грубо врываясь членом в ее тугую задницу, он уже знал, что ему никогда не будет достаточно.

— Кончай детка. Кончи для меня снова.

Он настойчиво ласкал ее клитор своими пальцами. А ее тесный проход сжался вокруг его внушительного ствола. После чего, он совсем прекратил сдерживаться, врезаясь глубоко в Рейн, чувствуя, как она кричит и начинает конвульсивно сокращаться вокруг него.

Боже, его глаза закатились, пока он продолжал долбить ее. Но ему все еще было недостаточно.

Прежде чем она упала без сил на матрас, он подхватил ее на руки и отнес в ванную, посадил на мраморную стойку, и повернулся, чтобы включить душ. Обернувшись через плечо, он увидел, что Рейн слабо улыбалась, прислонившись к зеркалу. Ее ноги безвольно обвисли, взгляд остекленел, кожа горела румянцем, а вишневые соски все еще были твердыми... явные последствия его требовательного с ней обращения. Для него она была самой великолепной женщиной на планете.

Его член дернулся. Блять, все в ней, делало его твердым.

Он шагнул к ней, и, проходя мимо зеркала, увидел свою хищную улыбку. Стараясь смягчить свои слова, он ласково погладил ее по щеке.

— Поднимайся, прелесть. Мы еще не закончили.

С усилием разлепив тяжелые веки, она вскинула на него ошеломленный взгляд. И... проклятье, он тут же захотел вновь почувствовать жар ее киски. Вместо этого, он закинул ее слабые руки себе на плечи и, подняв ее со стойки, поставил под горячий душ. Ему хотелось искупать ее, побаловать, чтобы она поняла — насколько сильно он дорожил ей. Но как только его мыльные руки дотронулись до ее атласной плоти, ненасытное животное внутри него, снова насторожилось.

Быстро помыв вновь набухающий член, он схватил ее за волосы и поставил на колени. Скользнув в ее влажный рот, он задержал свой член у задней стенки ее гортани на несколько долгих мгновений. Затем отстранился.

— Мне нужно больше.

Он оскалил зубы.

— Отсоси мне, прелесть. И проглоти каждую каплю.

Она с удовольствием подчинилась его воле, и при виде этого, его сердце наполнилось гордостью. Удерживая ее лицо в ладонях, он ревел от наслаждения, выражая грубыми словами свое восхищение и отдавая приказы. В глазах помутилось, когда он с силой кончил ей в рот, наблюдая за тем, как она глотает все, что он ей дал.

Закончив, она прижалась к нему словно маленький котенок, утомленно прикрыв глаза, но, все же с улыбкой на тонком личике. Вал разрушительных чувств к Рейн ударил его прямо в грудь. Боже, она была целым миром для него.

Он ярко представлял себе, как они могли бы проводить так каждую ночь, с жаром, подогревающим их кровь, с ее подчинением его строгим требованиям, и тем, как он после всего этого будет нежно гладить ее перед сном, окружая своей заботой.

Улыбнувшись, он взглянул на Рейн. Выпустив его член изо рта, она, закрыв глаза, прислонилась головой к его бедру. Странно, но вид ее мирного удовлетворения снова возбудил его. Охренеть, обычно он и так был очень требовательным в своих потребностях, но сегодняшняя ночь была все рекорды. И все это только благодаря ей.

Хаммер поднял ее на ноги. Не владея собственным телом, с затуманенным взглядом, она моргнула, и споткнулась, казалось, ноги больше не способны были ее держать. Поймав ее одной рукой, другой он выключил душ и схватил полотенце. Обернув ее в него, он начал ласково вытирать ее и сушить волосы, с которых ей на спину капала вода. Его грудь, словно пронзило ударом молнии, когда он посмотрел на то, как ее щека прижимается к его плечу.

Он нежно провел ладонью по ее мягкой коже. И крепко обхватив ее руками, отнес Рейн на кровать, опустив ее на прохладные простыни.

Она была словно ребенок, утомленный после долгого насыщенного дня, проваливаясь в сон почти мгновенно. Сделав шаг назад, он внимательно посмотрел на ее обнаженное тело. Неосознанно, она раздвинула перед ним ноги. Приглашающая... Гибкая. Его член снова дернулся, возвращаясь к жизни, всегда голодный до того, что она могла предложить.

В приглушенном свете, он, наконец, увидел следы своего грубого обращения с ней, но это лишь еще жестче распалило его желание подчинить ее своей власти. Ему следует оставить ее одну... позволить отдохнуть. Но зачем теперь начинать притворяться кем-то другим, а не похотливой скотиной, с единственным желанием в голове: трахать ее не переставая.

Скользнув на кровать, он повернул ее к себе и приласкал губами ее сосок, начиная заигрывать с клитором. Ее глаза в изумлении распахнулись.

— Макен? — слабо прошептала она.

— Да, прелесть. Мне нужно еще раз почувствовать тебя.

— Но я так... устала, — захныкала она.

Да, сегодня у нее был чрезвычайно насыщенный день. Он основательно ею попользовался. Да и скотина Лиам не отставал. Он попытался убедить себя в том, что ее утомленность была в порядке вещей, но знал, что, что бы, ни сделал с ней Лиам, это было не менее изнурительно для нее, как если бы он проделывал это сам в течение всего сегодняшнего дня. Или завтрашнего... и даже позже.

— Я знаю. Просто... я все никак не могу насытиться тобой.

Рейн приподняла к нему бедра, почувствовав, как его пальцы начали дразнить ее киску. Влажная. Готовая. Она сможет снова принять его.

Обзывая себя тупым ублюдком, он забрался на нее, раздвигая своими бедрами ее ноги. Ее губы изогнулись в медленной удовлетворенной улыбке. И он почувствовал, как у нее перехватило дыхание, когда его член утонул в ее сладкой, и такой припухшей киске.

Он объезжал ее грубо, врезаясь глубокими, долгими ударами. А все это время она всхлипывала и сжималась вокруг него из последних сил. Но потребовав от нее оргазма, он почувствовал искорки беспокойства, промелькнувшие в его мозгу. Слишком скоро ее руки и ноги раскинулись, и она замерла под ним, становясь неподвижной.

Внезапно она поморщилась. И Хаммер понял, что ей больно. Но выжать из нее еще всего лишь один оргазм, было верхом его мечтаний... и после, он обязательно позволит ей отдохнуть, по крайней мере, пока желание прикоснуться к ней, вновь не пересилит его. Ее хныканье и всхлипы дискомфорта заставили его почувствовать себя виноватым. Крепко выругавшись, он вышел из нее и, резко работая рукой, кончил ей на грудь.

Тяжело дыша, он рухнул рядом с ней, целуя ее в закрытые веки, висок и губы. После чего, заставил себя отодвинуться от нее. Потому как, если он останется рядом, практически лицом к лицу, с ее мягкостью и своим семенем на ее коже, он не выдержит и попытается снова трахнуть ее.

Постаравшись как можно быстрее оказаться подальше от Рейн, он аккуратно вытер ее, принял душ, натянул штаны и уселся в угловое кресло, надеясь, что сумеет сдержаться и дать ей время отдохнуть... В его голове постоянно крутился один и тот же вопрос: сколько ночей они могли бы провести вместе таким образом?

Он наблюдал за ней жадным взглядом, а потребность еще раз засадить ей, грызла его изнутри.

Несколькими часами позднее, Хаммер чувствовал себя словно натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть. В течение ночи, он время от времени рисковал, и ложился на постель, умудряясь при этом поспать пару часов. Вот и сейчас, он лежал на своей половине кровати и наблюдал за дремлющей Рейн. Его кулаки были сжаты еще с момента пробуждения, а твердокаменный член, желал ее со всевозрастающей силой.

Его сердце замирало от восхищения, при взгляде на мягкие черты ее лица. Она была великолепна, намного прекраснее любого небесного ангела. И он больше не мог отрицать свои чувства к ней.

— Рейн? — он пытался разбудить ее, как только рассвет начал окрашивать небо, но она

даже не шелохнулась.

Будь оно все проклято, ему столько всего хотелось сказать... и столько всего сделать для нее.

— Я так старался спрятать свое сердце, но ты украла его у меня с первого взгляда. Я люблю тебя, прелесть моя. Всегда любил... и гореть мне за это в аду, но я всегда БУДУ любить тебя.

Бесчисленные отказы в течение многих лет убивали его. Да, он, конечно, помог ей. Но и причинил немало боли. И сегодняшний день не будет отличаться от предыдущих.

— Прости меня, моя сладкая девочка. Я всего лишь жалкая подделка, а не защитник. Я пытался оградить тебя от всего, что могло бы навредить тебе. Но защищать тебя нужно было, прежде всего, от меня самого.

Черт возьми, боль от непрекращающегося желания буквально схватила его за яйца и немилосердно сжала. И он бы сдался. Но Рейн уже настолько крепко засела у него внутри, что пытаться вырвать ее оттуда, было невозможным, потому что, жизнь без нее, месяцами, годами... медленно сведет его с ума.

И сейчас он называл себя извращенцем, потому как ему было достаточно лишь одного взгляда на ее покрасневшие и пухлые губы, чтобы его член снова ожил. Горькая усмешка искривила его рот, пока он обводил взглядом ее алебастровую кожу.

Отметины его обладания темнели на ее молочной плоти. Ей придется носить их еще несколько дней. И у нее не останется выбора, кроме как помнить о том, что произошло между ними, не забывая о нем.

Сожалел ли он об этом? Да просто охренеть, как сильно. Но больше всего, он сожалел о том, что не может быть ее мужчиной. О том, что с чистой совестью, не мог стать тем, в ком она нуждалась. И о том, что был слишком большим извращенцем для нее.

Ее волосы, цвета воронова крыла, рассыпались по его светлым простыням. Хаммер не смог удержаться и, наклонившись, пропустил сквозь них пальцы. Возбуждение снова охватило его, когда он, положив ладонь на ее затылок, прижался своими губами к ее рту. Со все еще закрытыми глазами, она мечтательно застонала, уткнувшись носом в его щеку.

Ему снова захотелось скользнуть в ее киску, но пришлось сдерживать свое неумное желание. Он и так уже измучил ее. Она не выдержит его неутолимого сексуального желания, которое лишь усиливалось, от ее присутствия. И это только половина проблемы.

Ужас наполнил его вены. Молча проклиная себя, он покачал головой. Он знал, что Рейн никогда не примет и не справится с живущим внутри него зверем. Да ей этого и не нужно. Она слишком невинная... и хрупкая. И слишком упрямая, чтобы прогнуться под все его требования. Потому как может сломаться, как Джульетта.

Его желудок скрутился в тошнотворный узел. От понимания того, что он должен был сделать, его рот наполнился желчью, и он лишь сильнее прижал ее к своей груди. Ему хотелось еще немного, всего несколько минут, поддержать ее в своих объятиях, чтобы почувствовать как ее теплая и мягкая плоть прижимается к нему. Почувствовать, как ее сердце бьется рядом с его. А невесомое, словно перышко, дыхание, овеивает его шею.

Еще несколько эгоистичных минут, чтобы насладиться ей... прежде чем он уничтожит все ее, оставшиеся к нему, чувства.

Почувствовав яркий солнечный свет, пробравшийся через окно, и щекочущий ее веки, она перекатилась на спину.

Каждый мускул в ее теле болел, словно вчера она участвовала в драке. Нет, как будто ее переехал грузовик. В хорошем смысле. И к счастью, это не было похоже на симптомы гриппа.

Это было просто восхитительно, и на ее губах появилась улыбка.

Но как только она потянулась и прогнула бедра, воспаленные складочки ее киски неприятно потерлись друг о друга, и она зашипела.

Повсюду, был запах Хаммера. Ее глаза распахнулись.

Это была комната Хаммера. И она лежала на его кровати. События, прошедшей ночи, пронеслись перед ее глазами. Вот, Хаммер трахает ее, снова и снова. А теперь... его нет рядом.

Она повернулась, и с трудом поднимаясь на локтях, нашла его сидящим на кровати рядом с ней, одетым в спортивные штаны и футболку, и смотрящим в одну точку. На его таком знакомом и любимом лице, отчетливо читалось сожаление. А в глубине его глаз, уже мелькала тень очередного отказа.

— Нет. Мне все равно, что ты хочешь сказать мне, но не надо. Просто не надо, — выплюнула она сквозь зубы.

— И не смей говорить мне, что ты совершил ошибку и сожалеешь, или что чувствуешь, словно трахался со своей сестрой.

Но он лишь вздохнул и покачал головой, что еще больше разозлило ее. Она знала, что ее слова не изменят его решения. Он никогда не прислушается к ней. Но почему ему хотя бы не попробовать? Хоть раз...

— Рейн, послушай меня. Прошлая ночь, была ошибкой.

Его слова настолько ранили ее, будто ей только что засадили пулю в грудь. Все, что она получала от этого мужчины, было сплошной болью и вечным сожалением. Невыносимой мукой. За все шесть лет этих страданий, он подарил ей всего лишь несколько часов экстаза и сейчас собирается снова вышвырнуть ее?

— Мне не показалось, что ты так считал, запихивая в меня свой член.

— Господи, я так сожалею, но так дальше не может продолжаться. Черт возьми!

Вскочив на ноги, он начал мерить шагами комнату, то и дело, проводя рукой по волосам.

— Но... я никогда не отказывала тебе в чем-либо. Я отдала тебе каждую частичку себя. Нам было хорошо вместе. И я знаю, что тебе это понравилось. Ты не можешь отрицать этого.

— Ты права, я наслаждался каждой гребаной секундой. Ты стала моей ожившей фантазией. Я больше не буду тебе лгать, но... ты не выдержишь того, что я буду требовать от тебя.

Он повернулся к ней, мучительно выдавливая из себя слова.

— Ты и понятия не имеешь о размере моих запросов. Блять, Рейн, ты отключилась, когда я только лишь успел попробовать тебя. Тебе не справиться с моими потребностями. Посмотри на себя. На отметины, оставленные мной. Ты вся в синяках... и блять! Даже они меня не остановят! Ты создана для нежного Дома, который сможет мягко ограничить тебя и дать то, в чем ты нуждаешься. Я слишком безжалостный Господин.

— Что за чушь собачья? Ты намекаешь на то, что я устала? Но вот, я здесь. Возьми меня.

Она приподнялась на простынях и раздвинула ноги, стараясь при этом не морщиться от боли... но не смогла сдержаться. Боже, ей было так больно.

Пристальный взгляд Хаммера задержался на ее киске, через мгновение снова

переместившись на лицо. В его штанах уже начал твердеть член, но он не сделал и движения по направлению к ней.

— Я смогу привыкнуть. Дай мне пять минут, я приведу себя в порядок. Синяки это ерунда. И я еще ни слова не сказала об ограничениях. Разве мы не можем просто... быть вместе и посмотреть, что из этого получится? Заниматься любовью, завтракать, работать, перекусывая в перерывах, а потом ужинать перед открытием клуба и-

— Нет.

Он остановил ее на полуслове.

— Ты не понимаешь. Я не из тех мужчин, которые вступают в отношения. Я требую всего лишь одну вещь. На моих условиях. Никакой ванили и обмена любезностями.

Для нее все это не имело значения.

— Но... ты так приветлив с каждым. Все служащие любят тебя. А постоянные клиенты считают, что ты честный и способен идти на уступки и -

— Потому что они не носят знака моей власти. Позволь описать мне то, чего я от тебя ожидаю. Существует огромная разница между тем, чего хочу я, и тем, что навоображала себе ты.

Сверкнув на нее глазами, он придвинулся к кровати.

— Просыпаясь по утрам, я буду освобождать тебя от наручников, приковывающих к постели.

Не веря своим ушам, она распахнула глаза.

— Да, ты не ослышалась, я буду приковывать тебя к постели. А потом, прежде, чем твои ступни коснутся пола, ты отсосешь у меня. А затем приготовишь мне завтрак. Знаешь, у нас не будет милых разговоров за столом, пока я сам этого не захочу. Наиболее вероятно, что ты будешь сидеть на коленях у моих ног, пока я буду есть. А я буду кормить тебя с ложечки, когда захочу и чем захочу. И круглые сутки, ты будешь обнаженной, за исключением тех раз, когда мне захочется вывести тебя в свет. И, кроме того-

Его жестокая усмешка царапнула ее кожу: — Ты наденешь лишь то, что я сам выберу для тебя. Ты обрежешь волосы так, как мне нравится. И будешь пользоваться теми духами, какие я разрешу. Твоя киска всегда должна будет обработана воском, а ногти — коротко подстрижены и покрыты прозрачным лаком. И без единого писка протеста, ты примешь мой член, где бы и когда бы я тебя не захотел. Даже на тротуаре при свете дня, и ты не будешь возражать. А если я захочу поделиться тобой? Да, я сказал "поделиться", ты подставишь свою киску, рот и задницу другому мужчине по моей команде. И это не подлежит обсуждению. Каждый день, ты будешь говорить мне, с каким восторгом ты выполняешь все мои прихоти. Вот что мне нужно, чтобы быть счастливым. И не пытайся одурачить меня, сказав, что ты страстно мечтаешь о том, что я только что описал.

С чувством горького разочарования, он резко выпрямился.

— Рейн, мне нужна рабыня, а не саба. Ты даже не представляешь, каково тебе придется. Я уже проходил через это... плохо подготовленная женщина не выдержит такой нагрузки. Я не хочу переживать это снова. И это, блять, мое окончательное решение.

— Seriously? Ты думаешь, я поверю в эту ложь, придуманную для того, чтобы оттолкнуть меня? Я наблюдала за тобой в течение шести лет. Я даже видела сет с твоим участием, когда ты не подозревал о моем присутствии. Ты ни с одной женщиной не обращался таким образом.

Она вскочила на ноги, оглядываясь в поисках одежды, и тут же вспомнила, что халат

Лиам остался в баре, где они его и бросили. И будь она проклята, если сейчас наденет хоть что-нибудь из гардероба Хаммера.

— Ты добился бы большего успеха со мной, если бы просто сказал, что между нами все кончено и что ты выбросил меня из головы. Все это жалкое дерьмо про рабынь не стоит и ломаного гроша. Но как пожелаешь. Хочешь, чтобы я ушла? Я уйду. Мне следовало сделать так еще вчера, как я и планировала. По крайней мере, обошлась бы без ушибов, синяков и воспалений в промежности. До меня, наконец, дошло. Ты всего лишь несчастная, слабая скотина, Хаммер. Хочешь остаться один? Нет проблем.

Абсолютно голая, она пошла к двери.

— Да что б тебя! Я не лгу! — проревел он.

— Спроси Лиам. Он был здесь. Он точно знает, что пошло не так. Ради всего святого он тоже трахал ее. Да, прелесть. Правильно. Я разделил свою жену с другом. И это закончилось катастрофой. Я, блять, ни за что в жизни не поступлю так с тобой.

Забыв как дышать, она в ужасе отшатнулась от него.

— Жену?

Господи боже, она что, переспала с женатым мужчиной? У Рейн было не так уж много принципов, но этот был неприкосновенным. Она никогда не уводила чужих мужчин.

— Ублюдок! Какого хрена ты не сказал мне, что ты женат? Я бы никогда... да где, черт возьми, она была все это время?

Боже, ее замутило. Схватив покрывало с кровати Хаммера, Рейн, обернув его вокруг себя, вернулась к двери. Но он сорвал его с нее.

— Бывшая жена. Она мертва. Не выдержала жизни со мной.

Его взгляд обжигал ее плоть.

— А ты думаешь, что справишься... чтобы понять, во что ты ввязываешься, ты должна знать, что когда мы остаемся одни: тебе не разрешается даже это.

Он отбросил покрывало назад.

— Ты все еще думаешь, что готова стать моей рабыней, прелесть? Тогда на колени. Немедленно. Или выметайся отсюда.

У нее закружилась голова. Его жена. Рабыня. Мертва... Как? Неужели невыполнение приказов Макены свело ее в могилу?

Она замерла, пытаясь понять. Проклятье, она никогда не думала, и даже не подозревала, что он был женат... и тем более потерял жену.

Лиам тоже в этом участвовал? Втроем?

— Что ты решила? — спросил он.

— Я не отличаюсь терпением, когда дело доходит до секса с моей рабыней. Открой рот и погладь пальцем клитор, сделай так, чтобы я смог трахнуть твою киску еще раз. Вдобавок, тебе запрещено получать оргазм. И я хочу тебя еще раз в задницу. Блять, мы можем не вылезать из комнаты целую неделю. Поторапливайся!

— Пытаешься быть мерзким ублюдком? — обвинила она.

Она никогда еще не видела, чтобы он делал кого-то несчастным. Это было не в его стиле.

— Неа. Я всего лишь стал самим собой. У тебя пять секунд на принятие решения. Вставай на колени и приготовь язык, или проваливай.

Как ребенок, она стерпела это оскорбление, бессильная, что-либо сделать. Но как женщина, она понимала, что не обязана терпеть эту ситуацию, заставляющую чувствовать

себя ничтожеством. Она уже достаточно изменилась, чтобы понять, что она имеет ценность. И если он говорил правду, то те отношения, которые он описал ей в мельчайших подробностях, будут сравнимы с кабалой. Она никогда не будет счастлива, таким образом.

— Ты эгоистичный сукин сын, Хаммер. Иди, и сам соси свой член.

С высоко поднятой головой, Рейн резко развернулась и направилась к двери, чувствуя на себе пристальный взгляд Хаммер. И тут же уперлась в стену, которой там не должно было быть.

Подняв свои глаза, она встретила с лицом Лиама. На нем был синий халат, накинутый на обнаженное тело. Он прошелся по ней холодным яростным взглядом, отмечая каждый синяк, царапину и укус.

Ее сердце тут же провалилось в желудок. От чувства вины, сдавило горло. Ох, Лиам... он постоянно старался спасти ее. А она, в свойственной ей манере, всегда все портила.

Она попытался проскочить мимо него в свою комнату, но он схватил ее за руку и стрельнул в Хаммера яростным взглядом, полным ненависти.

— Пойдем.

Не обращая внимания на звенящую в нем ярость, Лиам привел Рейн в свою комнату.

Проклятье, она целую ночь трахалась с Хаммером. Но решив оставить гнев до лучших времен, он с тихим щелчком закрыл дверь. И перевел на нее свой взгляд... обнаженная, она стояла посреди комнаты, неосознанно обхватив себя руками, и выглядела при этом такой потерянной.

Блять, она вся была покрыта синяками и ссадинами. Какого хрена Хаммер сделал с ней? Пытался затрахать до смерти?

Ему редко доводилось видеть такие отметины на сабах. Поэтому, чертовски захотелось отмудохать своего "друга" за это. Позже. Сейчас нужно было все логически обдумать и решить: каким будет следующий шаг. Потому как синяки на ее теле, не были свидетельством нежной страсти, оставленные любящим мужчиной. Это были знаки, оставленные животным, пометившим свою территорию.

Твое сообщение получено, Хаммер. Четко и ясно.

Лиам тоже намеревался отметить ее, но его метки будут гораздо глубже телесных. У него уже созрел точный план того, как это можно осуществить. И подойдя к ней, он набросил халат ей на плечи.

— У тебя десять минут, чтобы смыть вонь Хаммера со своего тела и одеться к выходу.

Создавалось впечатление, что у Рейн вот-вот польются слезы раскаяния, но она их сдерживала.

— Мне лучше просто уйти. Вы не обязаны...

— Не советую спорить со мной в данную минуту. Прими душ и оденься.

Было заметно, как от еле сдерживаемого гнева у него задержался нерв под глазом.

Сглотнув, она опустила взгляд. Но, в конце концов, кивнула. Даже если она и хотела спросить, куда они направляются, то не осмелилась сделать это напрямую.

— Поторопись!

Рейн с осторожностью повиновалась. И последнее, что он увидел перед тем, как за ней закрылась дверь, был промелькнувший локон черных волос. Включилась вода. Затем, спустя мгновение, он услышал, как она встала под душ. И послышались всхлипы.

Твою мать, это чертовски выводило его из себя. Но сейчас у него были дела поважнее, чем тупо стоять и слушать, как у нее разрывается сердце от жестокости другого мужчины. Вечером вчерашнего дня, ему даже показалось, что она изменилась. Хренов идиот.

Покинув комнату, Лиам спустился в холл и снова вторгся на территорию Хаммера.

Мужчина стоял без движения, словно статуя. У него было такое же ошарашенное выражение лица, как и у Рейн. Все, что он когда либо знал о прошлом и настоящем Хаммера, сошлось в этом моменте тяжелой тишины. Какого хрена вообще произошло? Вот, что ему хотелось бы узнать.

Проснувшись несколькими часами ранее, он услышал, что Рейн и Хаммер трахаются, как гребаные кролики. Они оба этого хотели. Более того, он лично этого для них и добивался. И судя по восторженным крикам Рейн и реву страсти Хаммера, Лиам пришел к выводу, что им хорошо вместе. Стоило ему потерять бдительность, как Хаммер тут же уложил ее в постель.

Ее предательство ощущалось гораздо большее, чем должно было для женщины, взятой

им в постель лишь однажды. Все это только еще больше расшатало его и без того неустойчивое положение в этой игре. И Хаммер не мог не знать об этом.

Послушав половину гребаной ночи, как Рейн выкрикивала имя Хаммера в порыве страсти, Лиам намеревался мирно удалиться. И позволить им разорвать друг друга на части. Но при взгляде на истерзанное тело и жалобное лицо Рейн... его пронзил гнев. Ему не следовало сочувствовать ей... но, блять, он ничего не мог с собой поделать. Ей и так уже досталось.

Каким-то образом Рейн пробралась ему под кожу. Но черт, в его изначальный план совсем не входила забота о ней. Так какого хрена с ним происходит? Вопреки издевательским словам Хаммера про пару голубых глаз и ее замечательным качествам постельной грелки, она стала для него гораздо важнее. Гораздо.

Хаммер нанес удар по самому уязвимому месту. И, ей-богу, он не собирался спускать это на тормозах. Холодная ярость свернулась внутри него, нарастая с каждой секундой при взгляде на Хаммера. Он задавил ее, тщательно подбирая слова.

— Я помню, как была отмечена Джульетта, но это не идет ни в какое сравнение с тем, что ты сделал с Рейн. Твоя собственная жена не выдержала такого. Как ты думаешь должна, в таком случае, справиться маленькая девочка? Хотя, пожалуй, мне не следует удивляться тому, как безжалостно ты ее использовал. У тебя еще хватает смелости думать, что ты любишь ее? Так же, как ты "любил" Джульетту?

У Лиам снова сжались кулаки при мысли о боли, которую пришлось пережить Рейн по возвращению в его комнату. Предательство Хаммера было вдвое ужаснее от того, что когда он его совершал, то прекрасно осознавал все последствия.

В глазах Хаммера закипал гнев.

— Я очень люблю ее. Боже помоги, даже больше, чем Джульетту. Не то, что бы я должен был перед тобой объясняться.

Лиам усмехнулся.

— Не то, что бы я тебе поверил. Взгляни на свою рожу в зеркале. Такой, охренеть какой, трогательный ублюдок, которому необходимо истязать женщин, чтобы почувствовать себя большим и сильным. Ты не имеешь права называть себя Доминантом. Оставь ее в покое.

— Я еще вчера сказал тебе, что не подхожу ей... ты не слушал меня!

Бросил он ему в лицо этим слова.

— Кем ты, блять, себя возомнил? Мозгоправом? Богом? Будь уверен, ты уже даже не являешься моим другом.

— Взаимно.

Взгляд Хаммера стал ледяным.

— Ты все это придумал? Ну, конечно. Как это чертовски похоже на тебя. Ты подчинил ее себе, чтобы обманом заставить меня взять ее. А сейчас оскорблен тем, что это почти сработало? Скотина, — прошипел он.

— В течение многих лет я наблюдал за тем, как ты дурачишь людей. Но я никогда не мог подумать, что ты также подставишь и меня.

— Да пошел ты! Я пытался помочь! До вчерашней ночи у тебя была тысяча возможностей сделать ее своей, но ты не решился. И сейчас я согласен с твоими причинами. Ты не достаточно хорош для нее, но ты вдруг просто об этом забыл, да? — обвинил Лиам.

— Ты дождался, пока Рейн станет моей, чтобы наставить мне рога? Собрался достать меня таким образом? Ты нарушил кодекс поведения Доминанта. Даже не думай прикасаться

к ней снова! Я забираю ее отсюда. Сейчас же. После всего, что ты сделал с нами, тебе лучше не показываться мне на глаза.

— Не смей мне читать лекции о кодексе поведения. Метка твоей власти на ней, ни хрена не значит! Только ты мог прибрать к рукам сабу, имея при себе тайные мотивы. Блестящая работа, ублюдок. Не обманывайся, ты получил ее только из-за того, что запудрил ей мозги.

Хаммер с отвращением покачал головой.

— О, и ты никуда не заберешь ее отсюда, мразь.

— Попробуй остановить меня.

Вздернув бровь, Лиам повернулся и вышел.

Не позаботившись о том, чтобы закрыть за собой дверь, он направился в свою комнату. К Рейн.

Обернутая в полотенце, она сидела на кровати, уставившись на собственные ступни. По крайней мере, теперь от нее пахло мылом, а не животным, безжалостно использовавшим ее.

Закрыв дверь, он, с чувством закипающей ярости, подошел к комоду и вытащил оттуда чистый халат. Он помог подняться Рейн на ноги и мягко стянул с нее полотенце. Одев ее, он взял свой чемодан и вывел ее из комнаты, пройдя мимо замершего в немом удивлении Хаммера, который стоял у выхода из "Темницы".

Не останавливаясь ни на секунду, он дошел до машины, где, опустив чемодан на землю, посадил ее на соседнее с собой сиденье. Только после этого она повернулась к нему. Ее большие голубые глаза были полны слез, когда он крепче сжал руль и начал выезжать с парковки.

В зеркале заднего вида отражался задыхающийся Хаммер, стоящий в дверях, готовый ринуться за ними вдогонку. Ну, скорее, за ней. Поэтому, наклонившись к сиденью Рейн, Лиам показал в окно средний палец, и убедился в том, что Хаммер не пропустил этого жеста.

Создавалось впечатление, что она не замечает разворачивающуюся вокруг нее драму. Ее взгляд был прикован к судорожно сжатым рукам, лежащим у нее на коленях. Ее тонкое лицо изучало напряжение и печаль...

Он стиснул зубы. Она трахалась с Хаммером даже не дав перед этим отставку своему предполагаемому Господину. Но его бывший друг обошелся с ней еще грубее после, чем во время их постельных игр. Лиаму не нужно было быть ясновидящим, чтобы понять, что Рейн сломалась.

— Мне жаль, — сказала она так тихо, что он едва смог расслышать ее.

— Я знаю, этого мало. Но у меня нет более достойного объяснения, кроме того, что я повела себя глупо. Импульсивно. Я думала, что это была любовь...

Она судорожно вздохнула.

— Я отвечу на все Ваши вопросы. Так надо. Потом Вы можете вернуть меня обратно и умыть руки. Я собираюсь покинуть клуб. У меня есть старая подруга в Вегасе. Я найду ее, возможно, она поможет мне... найти работу.

Сколько еще продлится ее бездомное существование, пока она не устроится на новом месте? Сама мысль об этом, наполняла его беспокойством, которое он, вероятно, вообще не должен был чувствовать. Он сжал челюсти.

— Не бери в голову.

От этого она лишь больше замкнулась в себе.

— Уверена, Вам нет до этого дела.

Она сделала паузу, и он понял, что тем самым она набиралась смелости, чтобы снова взглянуть на него. Но когда она все-таки подняла глаза, боль, отразившаяся в них, резанула его по сердцу. Лиам тихо выругался.

— Если это действительно имеет какое-то значение для Вас, то я ценю все то, что Вы пытаетесь сделать, — прошептала она.

— Жаль, что я этого не заслуживаю.

Какая-то разумная часть его считала, что ему нужно радоваться тому, как чертовски сильно, девочка занимается самобичеванием, но эффект получился обратный: он разозлился. Ему еще больше захотелось укрыть ее в своих объятиях. И сейчас, он хотел использовать это в своих интересах.

— Не уверен, что верну тебя обратно, Рейн. Не зависимо от того, говорила ты серьезно или нет тогда, но ты взяла на себя обязательство быть моей сабой.

Она снова отвела от него взгляд, но на этот раз смотрела прямо перед собой, уставившись на, проезжающие мимо автомобили.

— Похоже, это маленькое обстоятельство просто вылетело у вас с Хаммером из головы. Но сейчас ты подчиняешься мне. Не сомневайся, ты вскоре поймешь, что это значит — быть моей. Вот, что ты должна мне.

— Но почему Вы продолжаете... я же, как всегда все испортила. Я думала, Вы снимете с меня свое покровительство и отправите куда подальше.

Девочка потерпела поражение и раскаивалась... что ж, со временем, он это исправит.

— Видимо ты совсем не слушала меня, когда я сказал, что не отказываюсь от сложных испытаний. Так вот, с настоящего момента, слушай внимательнее.

Она удивилась.

— О-о. Хорошо.

Лиам мог так легко прочитать ее. Она не рассчитывала на то, что он останется с ней надолго... по ее мнению, он через пару дней или недель устанет от нее и порвет их отношения. Рейн не так хорошо знала его, но теперь узнает.

— Ты отлично знаешь, что тебе не стоит бояться меня. Каждый раз, когда я буду прикасаться к тебе, у тебя будет твое стоп-слово, и ты сможешь использовать его, но Иисус, ты также должна знать, что больше я не собираюсь шутить.

— Я никогда не имела в виду -

— Я еще не закончил.

Конечно, она не хотела перебивать его или разочаровывать. Но прошлой ночью она совсем не думала о нем. Вот что отравляло горечью его внутренности. За каких-то несколько дней она стала для него важнее, чем он ожидал. И он не отпустит ее до тех пор, пока не выяснит почему.

— Мы проведем с тобой какое-то время вместе, наедине, пока не найдем взаимопонимание. Ты слышишь меня, Рейн? Я был абсолютно серьезен, когда вчера объявил тебя своей и сказал, что не стану ни с кем делиться.

С маской вины на лице она кивнула.

— Я подписываюсь под каждым словом. А сейчас откинься на сиденье и отдохни. Впереди у нас долгая дорога.

— Почему Вас это волнует?

Повернувшись к ней, он уставился на нее, подняв бровь, молчаливо упрекая ее за

непослушание. Прикусив губу, она опустила взгляд.

Правда была в том, что каждое решение он принимал разумом. Но как раз этого он не мог объяснить.

Ее взгляд был нежным и раскаивающимся.

— Я не собиралась спрашивать Вас, но да, Вы правы. Я обязана Вам, тогда я даже не подумала остановиться и лишний разок подумать. Я даже представить себе не могла, что Вам не все равно... хотя сейчас, слушая собственные слова, я понимаю, насколько они жалкие. Не беспокойтесь, я не жду от Вас прощения. Можно мне только попросить, что если Вы решите отпороть меня за мой проступок, чтобы Вы избегали синяков? Но даже если и нет... я пойму... я заслужила это.

— Я отвечу, но лишь тогда, когда ты перестанешь задавать вопросы и отдохнешь. И подчинишься мне.

Только она хотела возразить, как он остановил ее.

— Кивни, Рейн. Сделай глубокий вдох и просто кивни. Не разочаровывай меня. Послушай меня, а потом поспи. Сейчас, я везу тебя в очень красивое место. Мы будем там одни, и разберемся со всем этим дерьмом. Это все, что тебе нужно знать сейчас. Ты поняла?

— Да.

В произнесенном ей слове было столько раскаяния и угрызений совести, но она все-таки сказала именно то, что он хотел услышать.

— Меня всегда будет "волновать" то, что ты будешь говорить, потому что я — Доминант. И поскольку ты нуждаешься в том, что я могу тебе дать.

Лиам не был уверен, что это было единственной причиной, но в настоящий момент, она была наиболее подходящей, чтобы добиться от Рейн сотрудничества.

— К тому времени, как мы будем готовы встретиться лицом к лицу с остальными, я обещаю, ты уже не забудешь, что значит быть по-настоящему покорной. И ты больше никогда не перепутаешь мою доброту со слабостью характера.

Было похоже, что на ее языке вертелись сотни вопросов, но она сдержалась и попыталась отдохнуть. Она свернулась калачиком, и он не мог не заметить, как она вздрогнула. Ноябрьское утро было морозным, а с мокрыми волосами и босыми ногами, девушке должно было быть холодно.

Включая обогрев, он снова и снова спрашивал себя, почему она так важна для него. Но ответ не изменился. Эта истерзанная девочка нуждалась в ком-то, кто мог заботиться о ней, и взять на себя ответственность за нее. И по какой-то причине он хотел быть этим человеком, и это не было похоже на жалость. Потому что он не хотел снова проиграть в этих играх на неверность? Возможно...

Но сейчас он с легкостью представлял ее... обнаженную, ждущую его в постели, ее большие голубые глаза поприветствуют его, прежде чем, она раздвинет ноги, в приглашающем жесте, или же, она будет стоять на коленях со склоненной головой, предлагая ему свою покорность...

Лиам резко перевел взгляд на узкую горную дорогу.

Когда она, наконец, заснула, он позвонил Адаму, временному смотрителю домика, унаследованного им в прошлом году. Он не посещал это место очень долго. Поэтому Хаммеру ни за что не найти их там.

Лиам хотел удостовериться, что все готово к их прибытию, и Адам уверил его, что он и его жена Ниагара, подготовили для Рейн кое-какую одежду, приготовили обед и ужин, и

пополнили запасы продуктов.

Повесив трубку, он мысленно вычеркнул выполненный пункт из списка предстоящих дел, и, не переставая вести машину, позволил себе вернуться в воспоминания сегодняшнего утра.

Непостижимое поведение Хаммера до сих пор не укладывалось у него в голове. Противоречивые чувства гнева и желания защитить Рейн, стоящую перед ним, одновременно оскорбляли и изумляли его.

Затем, что совсем не удивительно, его мысли вернулись к тому моменту, когда он заявил на нее свои права во время сета... и позже, в его постели... с последовавшим ощущением горького разочарования. Проснувшись, он не нашел ее в постели, рядом с собой, и что еще хуже, он услышал, как за стеной, она стонала от страсти и выкрикивала имя Хаммера... Черт!

Неужели его прошлое вернулось, чтобы снова и снова преследовать его. Какого хрена он не свалил до того, как отношения Рейн и Хаммера дошли до такого? В конце концов, у него было достаточно возможностей, чтобы сделать это раньше. Друг не просил и не хотел от него помощи. Убежденность Хаммера в том, что Рейн использовала Лиаму, чтобы привлечь внимание босса к себе, промелькнула в его мыслях. Возможно, так оно и было. Даже наиболее вероятно, тот был прав. Но Лиам точно знал, что когда Рейн была с ним, она что-то чувствовала по отношению к нему.

Она могла любить Хаммера, но ее реакция на него не была наигранной, все ее невинные вздохи, сцепленные вокруг него руки и ноги, сладкие поцелуи были естественными. Но теперь, он вообще не мог быть в чем-либо уверенным. Хотя, две вещи он знал точно: Рейн хотела его, и он не был готов отпустить ее.

К тому времени, как он остановился перед домиком, после нескольких часов безостановочной езды, она проснулась.

— Мы на месте. Посиди пока здесь, я заберу тебя чуть позже. Совсем скоро ты окажешься в тепле.

Она взглянула на домик, и вид у нее был явно озадаченный. Очевидно, что ради него, она пока удержалась от дополнительных вопросов. Но ее кротость не продлится долго. Чувство вины постепенно сойдет на нет, особенно, когда он начнет докапываться до ее внутренних проблем.

Да и потом... Лиам знал, что ему предстоит непростое сражение. Он быстро сообразил, что Рейн умела отвечать своему противнику тем же оружием. Проклятье, а иногда она сама была этим оружием. Но что если кто-то начнет заботиться и внимательно к ней относиться? Против такого ей было нечем сражаться, по его догадкам, у нее просто еще не было опыта в таких делах.

Омытая нежностью, она будет скулить, как побитый щенок. Но она нуждалась в нем, и с помощью этого оружия, он сможет получить ответы. Хотя уж об этом ему не следовало беспокоиться, но у него не было никакого желания снова увидеть ее такой страдающей и истерзанной.

Прервав свои мысли, он выскочил из автомобиля, и преградил путь смотрителю, чтобы тот не трогал дверь со стороны Рейн.

— Спасибо Адам. Я помогу ей сам. У нее был тяжелый день. Ты не мог бы просто взять мою сумку....

Смотритель кивнул и вытащил его чемодан из багажника. И только после того, как

мужчина отвернулся, Лиам помог Рейн выбраться из машины.

Медленно передвигаясь, она при каждом шаге морщилась, все тело было воспалено и болело. Лиам, обхватив одной рукой ее за тонкую талию, аккуратно вел ее к теплему дому. Что именно произошло между Рейн и Хаммером? Почему она рыдала так, словно мир вокруг нее, обрушился? И почему она всегда старалась убежать при первом же признаке надвигающейся беды? Лиам чувствовал, что ее мысли запряты глубоко, но ее секреты скрыты еще надежнее. Если он хотел удержать девушку рядом, то ему лучше быть дальновидным и поступиться некоторыми принципами, чтобы уговорами вытащить из нее ответы. Понаблюдав за ее неуверенными шагами, он снова заключил ее в объятия и шагнул внутрь.

В камине ярко полыхал огонь, нагревая просторную комнату, и уловив запах свежее испеченного хлеба в его животе заурчало. Рейн задрожала у него в руках, поэтому прижав ее еще ближе, он начал подниматься с ней по лестнице.

Зайдя внутрь основной спальни, он осторожно положил ее на кровать, а сам прошел в ванную комнату, чтобы наполнить водой огромную ванну. Рейн не отводила от него своего пристального взгляда, когда он подошел к ней. И, даже, несмотря на то, что она наблюдала за ним, не говоря ни слова, он был абсолютно уверен в том, что совсем скоро она обретет свою смелость. И был готов к этому.

— Если хочешь, можешь воспользоваться уборной. Но как только закончишь, садись в ванну. Позволь воде и солям Эпсома облегчить твою боль. Я также добавил туда немного успокаивающего масла, чтобы ты могла расслабиться. Далеко не уходи. Я вернусь через минуту. Пойду, проверю, как обстоят дела с нашим обедом.

Прежде чем уйти, он подождал, пока она осторожно поднимется с кровати и пройдет в ванную, и лишь только после этого направился к лестнице, ведущую на кухню.

Господи, благослови Ниагару!

Она приготовила столько вкусностей: несколько внушительных сандвичей, большое количество фруктов, бутылку вина, свежее испеченный хлеб, несколько видов сыров. Плюс ко всему он увидел на столе банку с маринованным укропом и в его голове созрел неожиданный план.

Собрав все тарелки, и едва удерживая их в руках, он схватил два бокала, и снова направился наверх. Войдя в спальню, он поставил все на прикроватный столик, налил Рейн вина, после чего разделся и не спеша, направился в ванную, чтобы присоединиться к ней.

Она лежала в ванной, положив свою голову на бортик и закрыв глаза, погружаясь всем телом в душистую воду. Только ему стоило залезть к ней в гидромассажную ванну, как Рейн вздрогнула и села, подобрав колени к груди, и молча уставилась на него настороженным взглядом.

Передав ей бокал вина, он сел поглубже и откинулся на противоположный бортик. Взяв обе ее ноги, он аккуратно раздвинул их и положил поверх своих. Поток воды мягко колыхался вокруг них, когда он пересекался с ней взглядом.

— Выпей вина, Рейн.

Она так и сделала, а Лиам тем временем поднял одну ее ногу и положил ее на свой упругий живот. Ему нужно было снять щит, которым она отгородилась от него, и убедить ее в том, что с ним, ей нечего бояться. Поэтому он начал нежно массировать ее ступню, и улыбнулся, когда она слегка застонала.

— О чем ты думаешь? Расскажи мне, что у тебя на уме.

Судя по тому, как она собиралась с мыслями и внезапно напряглась, он понял, что она пытается решить насколько честно ответить ему.

Лиам посмотрел на нее грозным взглядом.

— Не стоит так долго задумываться над своими ответами. Отвечай как можно быстрее.

— Я не знаю, как воспринимать Ваши поступки.

Она заправила прядь волос за ухо. В ее глазах заблестели слезы, и она сделала еще один глоток вина, пытаясь скрыть их.

— Хаммер, посвятив мне целых шесть лет, отпустил меня, практически не сказав ни слова. Вы же, проведя со мной всего лишь несколько часов, все еще здесь... после всего.

Отпив еще вина, она поставила бокал на подоконник рядом с собой.

— У меня никогда не найдется слов, чтобы описать насколько я ценю все, что Вы сделали для меня. Мне давно нужно было покинуть клуб. Но если кому и следует радоваться моему уходу, так я бы подумала, что Вам, — она улыбнулась, пытаясь поднять тем самым настроение.

— Вам нравится выступать в образе рыцаря в сияющих доспехах?

Он не смог ответить сразу, просто продолжил массировать и надавливать, обводить кругами и ласкать ступню, которую держал в руках. Что, черт возьми, он должен был ей ответить? Разумеется, он не мог сказать ей, что приблизился к ней потому, что планировал использовать ее, чтобы заставить Хаммера ревновать. И уж тем более, он не мог признаться ей в том, что между ними произошло что-то, чему он пока не нашел объяснения. И что после их первого поцелуя, все его планы полетели к чертям собачьим. И поэтому он не может позволить ей уйти.

— Ну, я не совсем рыцарь в сияющих доспехах. Скорее Доминант, который не может вынести страданий изголодавшейся сабы. Чувство вины просто написано у тебя на лице. Я не доволен твоими поступками, будь уверена, у них будут последствия. Но в этот раз ты сможешь отплатить мне своим доверием и честностью. Справишься, Рейн?

— Я не знаю. Как я могу бояться того, чего я так сильно и так долго хотела?

Он наблюдал за ее борьбой, то, как она пыталась сдержать свои слезы. Откинув голову назад, она яростно пыталась сморгнуть их.

— Если тебе нужно поплакать, то поплачь, девочка. Отпусти это.

Упрямо сжав губы, она покачала головой.

— Я не собираюсь ни над чем плакать. Будь что будет. Из-за своей глупости, я допустила ошибку. Теперь мне нужно вынести из нее урок и двигаться дальше.

— Достаточно честно. Почему ты думаешь, что мне нельзя доверять и быть честной со мной?

Рейн не знала что ответить.

— У меня проблемы с этим. В детстве меня некому было учить. И в "Темнице" мне тоже не выдалось шанса попробовать. Я даже заставила себя поверить в ложь о том, что Хаммер может любить меня больше, чем обычного домашнего зверька. Хотя, думаю, у него тоже проблемы с честностью. Чтобы избавиться от меня, он наговорил кучу дерьма о том, что его жена, была сексуальной рабыней и Вы разделили ее с ним. Жаль, что я не записала этот бред, чтобы оставить потомкам.

— Что заставляет тебя думать, что он соврал? Джульетта была красивой, но, как и большинство из нас, слишком испорченной. Она была самой преданной рабыней Хаммера.

Лиам продолжал говорить, смотря при этом на ошеломленное выражение на лице Рейн.

— Да, однажды мы сделали это вдвоем, но урок, который тебе нужно извлечь из ее истории, не сам факт ее беспрекословного послушания, хотя это было бы неплохо... тебе нужно понять, что она никогда не умела общаться. Мы всегда рассчитываем на ответную реакцию, в обмен на власть. Это также необходимо, как и кислород для дыхания. Ты научишься отдавать мне свои слезы, свое разбитое сердце. В моих руках будет твоя боль... и удовольствие.

Приподняв ее, словно она была ребенком, Лиам пересадил ее к себе на колени. И прижав к себе, он начал гладить ее, окружая своей силой, до тех пор, пока ужасная, долго сдерживаемая боль, больше не могла сдерживаться. Она расплакалась.

— Отпусти это. Просто держись за меня крепче и позволь всему вытечь вместе со слезами.

Она спрятала от него свое лицо, но так и не смогла остановить свои рыдания.

— Я не знаю, каково это, плакаться и жаловаться кому-то. В такие моменты, я чувствую себя слишком уязвимой. И это причиняет сильную боль.

Она потрясла головой, пытаясь побороть каждый судорожный вздох и вернуть себе контроль над эмоциями.

— Он не сказал мне, что с ней случилось... Боже, даже по описанию она уже представляется хорошенькой, готова поспорить, что я гораздо хуже ее в общении.

Она сидела спиной к нему, а его руки обвились вокруг ее талии.

— Я не подойду Вам. Пусть Вы раскроете меня, как спелый персик, но Вам не понравится подгнившая сердцевина. Более того, я не могу не отметить того факта, что встала между Вами и Вашим лучшим другом. Я как атомная бомба, где бы я ни была. Разрушительная. Глупая. Беспечная. Вам следует порвать любую связь со мной. Я слишком многим Вам обязана, чтобы остаться и еще больше испоганить Вашу жизнь.

Она вывернулась из его объятий, и вышла из ванны, после чего побежала к двери. Боль в ее голосе подсказала ему, что ее гложет ужасное чувство вины. Она бросится на холод даже без одежды. Лишь бы спастись. Но каждая черточка в ее выражении буквально кричала о том, что она верила в то, что спасает и его тоже.

Реакция Лиамы была быстрой. Преследование лишь отдаст контроль в ее руки. Самое время сделать резкий рывок.

— Стоять! Помни свое место, саба.

Она замерла. Лиам практически слышал, как борются ее желание убежать как можно дальше, с потребностью подчиниться своему Доминанту. Он ждал, пока приказ достигнет цели. Затем, не прекращая рыдать, она рухнула коленями на кафельную плитку в ванной, принимая должную позу.

Ее плечи тряслись, дыхание было неровным. Ожидая пока она успокоится, он намылился и успел ополоснуться. Он уловил тот момент, когда сабмиссив внутри нее взял верх. Ее дыхание выровнялось. Тело расслабилось. А разум, похоже, успокоился.

Лиам продолжал просто наблюдать за ней. То, как Рейн отдавала ему власть над собой, опьяняло. Выйдя из ванной, он присел на корточки позади нее. Над их разгоряченными телами поднимался пар.

— Как я сказал, ты будешь учиться отдавать мне все, что у тебя есть, Рейн. Легко это или сложно, решать тебе. Но ты будешь учиться.

Вставая, он протянул руку и помог ей подняться.

— Для начала, чтобы ты не замерзла, предлагаю тебя вытереть. А после, я собираюсь

накормить тебя.

Рейн задрожала, да и плюс ко всему, от сидения на холодном каменном полу, жутко болели колени. Но такова была власть его приказов, резких, как щелчок кнута, все еще заставляющих ее дрожать.

О Боже, Боже, Боже. Он нашел одну из ее слабостей, и был слишком умен, чтобы не понять этого. Своим голосом, одновременно жестоким и бархатным, он раскрыл свою сущность Доминанта в облике джентльмена.

Прикусив губу, Рейн рискнула взглянуть на него. И одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы понять, что привез он ее сюда не просто для того, чтобы спасти и дать зажить ее душевным ранам, но и полностью разгадать ее. Здесь, на его территории, в его постели и в его руках, у нее не было места, чтобы спрятаться. И не было никакого Хаммера, который бы смог вмешаться.

В ее животе заворчалось беспокойство.

Лиам потянулся за полотенцем, и ей стало интересно, он собирался просто дать его ей или хотел сам прикрыть ее? Конечно же нет. Он ласково вытер ее, затем, обмотав полотенце вокруг своей талии, повел ее, абсолютно обнаженную, к кровати. В этом действии был скрыт тайный смысл, и она без труда разгадала его.

Она посмотрела на еду, разложенную на прикроватном столике. Не то, что бы она была голодна... но процесс приема пищи займет, так необходимое ей сейчас, время. Потому что то, что обязательно последует после еды, будет не легким для нее.

— Становись на колени, на пол перед кроватью, Рейн. Устраивайся поудобнее. Тебе придется провести здесь некоторое время, — сказал Лиам, изогнув бровь.

Она следила за тем, как он подошел к термостату. Внимательно посмотрев на него, он кивнул, обернулся и направился обратно к ней, явно готовый начать притворять свой план в действительность. Что ж... возможно он решил усложнить ей жизнь еще до того, как они перекусят.

Отыскав что-то в комодке и спрятав это за пределами ее поля зрения, он начал выбирать для них еду. После чего, вернулся к кровати и сел напротив.

— Руки за спину.

Зачем? Ей очень хотелось задать этот вопрос, но она прекрасно знала специфику БДСМ-отношений. Он командует, она беспрекословно подчиняется. И совсем не обязательно, чтобы ей это всегда нравилось... но она хотела этого. Напомнив себе, что Лиам, даже не смотря на еще не остывший гнев, ни за что не обидит ее, она завела руки за спину.

— Неплохо. Но чуть быстрее будет лучше. И старайся как можно меньше думать. Доверяй, а не размышляй логически. Поняла?

Ее желудок нервно сжался, и, посмотрев на него, она кивнула.

— Отвечай словами. Я не буду полагаться на твои кивки.

Рейн было очень сложно выдавить из себя эти слова, будто он требовал больше доверия, чем она пока могла ему дать. Но угроза того, что он может продержать ее на коленях целый день, заставила ее подчиниться.

— Да.

— Да, что? Как ты должна называть меня?

— Да, Сэр.

— Уже лучше. А теперь открой рот. Давай накормим тебя.

— Вообще то, я не голодна.

Он скрестил руки на груди.

— Я тебя не спрашивал. Ты пропустила завтрак, с ланчем этого не повторится. Я приказал тебе открыть рот.

Рейн увидела у него в руках небольшой поднос, затем проследила за тем, как он берет кусочек хлеба с маслом и подносит к ее рту. Отшатнувшись, она отвернула голову.

— Я могу есть сама.

— Полагаю, именно этим ты и занималась все эти годы. Но сегодня тебя кормлю я. Без возражений.

Ей, конечно, следовало позволить ему... но, проклятье, как же это тяжело. Как только она открыла рот, чтобы начать спор, он тут же запихнул в него хлеб.

— Теперь жуй. И глотай.

Рефлекторно, она повиновалась, затем последовал глоток вина. А после этого кусочек ананаса и кусочек сочной поджаренной говядины.

Без единого слова, она позволила ему класть еду себе в рот, поеживаясь от его взгляда. Все вкусы смешались у нее на языке. Есть из его рук было так интимно... и неожиданно возбуждающе. Ей это даже нравилось. До тех пор, пока он не поднес к ее рту побег маринованного укропа.

Она молниеносно вскочила на ноги, стараясь избежать его.

— Нет.

Лиам выдержал паузу.

— У тебя аллергия на него?

Она поморщилась.

— Нет, просто это отвратительно. Воняет, как перебродившие спортивные носки.

Он улыбнулся.

— Вполне правдоподобное сравнение.

Поколебавшись, она усмехнулась в ответ.

— Это уж точно.

— То есть будет правильнее сказать, что ты хотела бы избегать в еде этот продукт?

— Абсолютно верно!

— Запомни это. А теперь продолжим, осталось последнее...

Он забросил ей в рот кусочек шоколада. Что было такого в том, чтобы не любить шоколад? Но этот шоколад... Просто божественный. Нечто, приготовленное ангелами и спущенное с небес. Лучшее, что она пробовала в жизни. И она застонала от того, как он таял у нее на языке.

— Тебе нравится?

— Он такой же прекрасный, как любовь. О, Боже...

Он усмехнулся и возможно бы даже посмеялся над ее словами, но ей было все равно. Этот шоколад стоил того, чтобы стерпеть немного насмешек. Она бы даже проползла по стеклу, лишь бы получить еще.

— Ну, тогда тебе стоит запомнить и это тоже.

Рейн не была твердо уверена в его намерениях, но если подразумевался шоколад, то с этим уж она справится.

— Да, Сэр.

— Отлично. Теперь закрой глаза.

От произнесенной команды, она нахмурилась. Он что, хотел накормить ее, когда у нее будут закрыты глаза?

— Подождите. Это одно из тех упражнений на "доверие"? Может лучше, Вы встанете позади меня, а я опрокинусь назад, и Вы меня поймаете?

— Возможно в другой раз. Не сейчас. И да, это касается доверия. Все. Закрой глаза.

Его голос понизился на одну октаву. И в ее животе запорхал новый рой бабочек. Ей это не нравилось. Отсутствие способности видеть заставляло ее почувствовать себя крайне уязвимой.

— Если ты не поторопишься, я отнесу все обратно на кухню, и оставлю только маринованный укроп

Рейн мгновенно закрыла свои глаза.

— Наконец-то. Держи их закрытыми и не шевелись.

Она слышала, как скрипнула кровать и почувствовала дуновение прохладного воздуха на руке, когда Лиам прошел мимо нее. Его взгляд, который она ощутила на своей спине, казалось, обжигал ее кожу. Затем что-то прохладное и шелковистое колыхнулось перед ее лицом, прежде чем он накрыл этим ее глаза и завязал на затылке.

Повязка для глаз. О, черт. Это немного пугало. Но тем самым, она смогла сосредоточиться на звуках его движений, на теплом воздухе и ощущениях на своей коже. Ожидание. Все что он делал с ней, и для нее, было очень похоже на соблазнение.

Она слышала его удаляющиеся шаги, затем как открылся и закрылся ящик. После, Лиам снова подошел к ней, и Рейн почувствовала, как он сжал ее запястья. Мгновение спустя, он плотно зафиксировал их чем-то. Ремень? Мягкий рывок доказал, что это "что-то", было похоже на наручники.

— Оковы? Что за... я же сказала, что не буду пытаться есть сама.

— Я слышал тебя. Думай о них, как о дополнительно страховке. Кроме того, связанная, ты очень аппетитно выглядишь.

Он был Доминантом. И конечно, он должен был так думать. Кроме того....

— Вам нравится это извращение, потому что такая поза заставляет сиськи сабы встать торчком.

— И это тоже, ты болтливая девчонка. Теперь сосредоточься. Уделяй особое внимание всему, что я говорю. Это и будет твоим испытанием.

Замечательно. В своей жизни она провалила целую кучу разных испытаний. Но сейчас она не собиралась повторять свои ошибки. Каким-то образом, она подозревала, что в этом не будет ничего забавного. Сама идея о том, чтобы подвести его, расстраивала ее.

— Я сделаю все, от меня зависящее.

— Приятно слышать, — казалось, он забавлялся, но она ни за что бы не поверила в то, что он несерьезно относится к стоящей перед ним задаче.

Еще вчера она могла бы подумать, что он бы выполнил любую ее прихоть. Но не сегодня.

— Какой твой любимый цвет?

Лиам вытащил ее из "Темницы" в горы, с единственным намерением узнать, какой цвет ей нравится больше, зеленый или синий?

— Красный, — неуверенно сказала она, чертовски надеясь на то, что это был правильный ответ.

— Хороший цвет. Открой рот.

Приказ привел ее в замешательство, она не понимала, к чему он клонит. Но, возможно, он даст ей еще шоколада. И она разомкнула свои губы.

Он положил между ними хлеб и дал запить ей его сладким, терпким вином. Она улыбнулась. Эта игра не казалась такой уж ужасной... пока шли несложные вопросы. Ага, она не слишком-то на это надеялась.

— Пицца с какой начинкой, тебе нравится больше всего?

Это было упражнением, на более близкое знакомство или викторина к ужину? Она даже не знала, где они находились, но догадывалась, что он завез ее в самую середину небытия. К тому же навряд ли кто-нибудь выбирался отсюда.

— С грибами и большим количеством сыра. Сказать по правде, я не настолько придирчива. Если там не будет болгарского перца и анчоусов, я съем любую.

— Возьму на заметку. Открой рот. Еще раз.

В этот раз она поспешила с выполнением задания, надеясь получить еще тающих на языке шоколадных небес. Но вместо этого, она откусила по-настоящему волшебного сыра. Немного резкий, с привкусом дыма... Затем последовал кусочек хлеба.

Рейн ощутила на себе его взгляд, и почувствовала, как затвердели ее соски. Вау... эта игра была намного сексуальнее, чем она предполагала. Слегка надув губы, она их облизнула.

— Что дальше?

А в ответ — полная тишина. Она слышала лишь его дыхание. Жар его тела окатывал ее теплой волной. Его неудовольствие не заставило себя ждать.

— Сэр, — она быстро исправилась.

— Что дальше, Сэр?

— Почему, когда ситуация принимает более серьезный оборот, ты стараешься убежать, девочка?

Его вопрос ударил ее в грудь с невиданной силой. И ей пришлось заставить себя выплюнуть ответ.

— Я-я не убегаяю, просто вовремя выхожу из ситуации, которая становится только хуже.

— Я вижу. Открой рот.

Рейн не смогла понять его тон, но покорно раскрыла губы.

— Высунь свой язык.

Нахмурившись, она надеялась, что он был в настроении, чтобы дать ей шоколада. Она уже представляла, как он снова будет таять у нее на языке. Но вместе этого по ее губам скользнуло что-то склизкое. И от одного лишь ужасного запаха, ее уже чуть не вывернуло. От спазма в желудке она поежилась. Проклятье, связанные за спиной руки, не позволяли вытащить укроп изо рта, но она поступила проще... просто выплюнула его.

— Остановись. Это не допустимо! Открой снова. Клянусь Богом, ты будешь жевать и глотать.

— Н-но я ведь ответила Вам.

— Это был слабый ответ, и ты знаешь об этом.

— Нет, это реальная, чистая правда. Зачем мне оставаться там, где мне не хочется? Где я, нахрен, все вечно порчу?

Волна его неудовольствия обрушилась на нее словно цунами.

— Ты не будешь использовать такие слова, Рейн. Слышишь меня?

Серьезно? Ей что, еще нужно следить за своими выражениями? Но этот строгий голос...

даже без возможности видеть его, Рейн была уверена, что он применит что-нибудь по-настоящему противное, типа целой банки с маринованным укропом, если она не согласится играть по правилам.

— Да, Сэр. Я говорю Вам чистую правду, Сэр.

Лиам сделал длинную паузу.

— Пойдет. Если это та правда, которую ты считаешь верной, мы пропустим ее. Открой рот.

— Вы дадите мне маринованного укропа?

Она сжалась.

— Сейчас же!

Рейн повиновалась, зная, что выглядит сейчас, как капризный малыш, выплевывающий так ненавистные ему овощи. Как и следовало ожидать, он снова положил на ее язык маринованный укроп.

— Жуй и глотай.

Дерьмо, она чувствовала, что ее вот-вот вырвет. Но, задержав дыхание, она смогла таки его проглотить.

— Вина? прохрипела она.

Он выполнил ее просьбу, поднося бокал к губам и позволяя сделать несколько долгих глотков.

— Спасибо.

Ощутить во рту вкус перебродившего винограда было облегчением

— Кого ты должна благодарить?

Почему он внезапно так заикнулся на формальностях и соблюдении протокола?

— Вас, Сэр. Спасибо, Сэр.

— Уже лучше. Кто учил тебя готовить?

И как они так быстро перешли от ее поведения в сложных ситуациях к ее кулинарным талантам?

— Я училась сама, Сэр. Это лучше, чем голодать.

— Согласен.

В награду за ее попытку, он позволил ей откусить немного обжаренной говядины, которая смогла заглушить ужасное послевкусие, оставленное маринованным укропом.

— Как ты оказалась в аллее, ночью, когда Хаммер нашел тебя?

К чему этот вопрос?

— Потому что мне некуда было деться, да и плюс ко всему, в "Темнице" нет столпотворения наркоманов и сутенеров в поисках свежего мяса.

Он сжал ее челюсть ладонью. Не сдавливая и не причиняя боли, но его хватка давала ей понять, что он вполне был способен на это.

— Ты умышленно неправильно истолковала мой вопрос?

— Нет. Сэр, — поспешила добавить она.

— Если Вы хотели узнать, почему я выбрала переулочек за клубом Хаммера, то это и есть настоящая причина.

По вздоху Лиама, она поняла, что тот старается восстановить спокойствие, выпуская ее челюсть из своих рук.

— Хорошо, давай попробуем еще раз. Почему, когда тебе было семнадцать лет, ты провела ночь в переулке, а не в родительском доме?

— Я ушла из дома. Как считал отец, я причиняла одни лишь неудобства. Поэтому я и сбежала.

Ей было трудно произнести эти слова, потому как, она никогда не говорила об этом. Забавно как неприятие того человека, по ошибке называвшего себя ее отцом, все еще было способно ранить ее, даже спустя столько лет. Ей нужно было преодолеть это, но Рейн открыла для себя, что логически придти к такому выводу и по-настоящему сделать это — разные вещи. Прибавляя ко всему еще и отказ Хаммера... она чувствовала себя стеклянной вазой, которую разбили, а затем склеили, чтобы потом снова разбить.

В попытке сдержать всхлип, у нее перехватило дыхание. Дерьмо, сегодня утром она уже выплакала целое озеро слез. Может быть, ей действительно нужно просто двигаться дальше. Ведь это было не в первый раз, когда она потеряла свое место в этом гребаном мире. Она выжила, когда ушла из дома в поисках лучшей жизни. Может быть, ей стоит снова попробовать. Одна дверь закрылась, но открылась другая, ведь так? Так. И Хаммер был первым мужчиной, разбивший ее сердце. Потеря вновь обретенного дома и преодоление сердечной травмы будет не легкой задачей.

— Я верю тебе, — нежно прошептал Лиам.

Она наклонилась вперед, чтобы положить свою щеку на кровать, но вместо этого обнаружила его бедро. Человеческий отклик был слишком необходим ей в данную минуту, чтобы отказываться, даже зная, что передавая ему контроль над собой, она отдавала ему власть над тем, чтобы в дальнейшем он мог причинить ей боль. Она не смогла сдержаться и уткнулась в него носом, когда он начал мягко поглаживать ее по волосам.

— Хорошая девочка.

Поласкав кончиками пальцев ее профиль, он, аккуратно собрав ее волосы на затылке, приподнял ее лицо.

— Открой рот.

Она послушно подчинилась. И на ее языке взорвался фейерверк греховного вкуса качественного темного шоколада. После чего, сомкнув свои губы, она издала длинный и низкий стон.

Внезапно, Лиам обрушился на ее рот в ищущем поцелуе, захватывая ее язык. Не теряя ни секунды, она ощутила вкус обжаренной говядины, ананаса и вина на его губах. Они разделили шоколад, он ел прямо из ее рта, затем резко отстранился.

— Наблюдать за тем, как ты ешь — очень чувственное зрелище, особенно, когда я кормлю тебя с рук. Боже, ты заставляешь меня становиться твердым.

Рейн почувствовала, как покраснели ее щеки.

— Что тебе больше нравится, золото или серебро?

Она наконец-то поняла правила игры. Невинные вопросы сменялись сложными. Первые были предназначены доставить ей ложное ощущение комфорта, а вторые — безжалостно ударить. Еда также служила и наградой и наказанием, находясь в полной зависимости от степени честности ее ответов. Что ж, она должна была отдать Лиаму должное. Он был чертовски умен. Он мог докопаться до ее души, одновременно устанавливая свой контроль над ней. И все это без применения физической силы и избиения до синяков.

Она привыкла к Хаммеру, его бесконечному негодованию и приказам, строгости и грому... он был так же проницателен, как и его прозвище. В то время, как, Лиам был хорош в дезориентации и мог легко ввести человека в замешательство. Он уговаривал. И если она потеряет бдительность, он взломает ее защиту.

Рейн прочистила горло.

— Мне нравится и золото и серебро. Зачем выбирать?

Он ласково постучал пальцем по кончику ее носа.

— Я и не ожидал другого ответа. Действительно, зачем? И в том, и в том ты будешь выглядеть сногсшибательно.

Может он говорил искренне. А может, и нет. Но она сможет привыкнуть к его комплиментам.

— Спасибо, Сэр.

Он взял ее лицо в свои ладони.

— Сказано очень красиво и естественно. Хорошо.

И провел чем-то шероховатым и сладким по ее нижней губе. Ощувив запах ананаса, она непроизвольно открыла рот, позволяя ему положить кусочек на свой язык.

— Очень хорошо, девочка. Ты делаешь успехи, и мне это нравится.

Похвала согрела ее. Хотя, ей не следовало бы, но это случилось. Она оказала ему ответную любезность и откусила еще кусочек от фрукта.

Но Рейн знала суть этой тренировки. Ему нравилось то, что она называла его Сэр и доверилась ему настолько, что беспрекословно ела с его рук. Но даже, несмотря на это, его ласковые слова зажгли ее. Она улыбнулась ему, и в ответ он подарил ей маленький поцелуй в губы.

— Ты умеешь искушать мужчину... — простонал он и положил ей на язык еще обжаренной говядины. Затем последовал еще кусочек, а потом он дал ей хлеба и глоток вина, чтобы все запить.

Тепло просочилось еще глубже, пробираясь до костей. Эта игра может ей понравится, если будет проходить в той же непринужденной атмосфере.

— Какое у тебя самое счастливое воспоминание?

Вопрос был таким неожиданным, будто резанул по коже, настолько хорошо заточенным, острым ножом, что поначалу даже не ощущаешь пореза. Боже, ведь она не позволяла себе даже просто задумываться над этим годами. Это бы омрачило всю ее последующую жизнь. Но ей также была ненавистна мысль о том, что Лиам считал ее несчастной женщиной, которую никогда в жизни никто не желал. Бесполезная, отвергнутая, забытая.

— Когда мне было шесть, мои родители отправили меня на каникулы к бабушке в Висконсин. Одну. Было Рождество, и дедушка поднимал меня на руках, чтобы я могла прицепить на верхушку елки звезду. Было много снега. И бабушка что-то постоянно пекла, поэтому в доме стоял волшебный запах.

— Занимаясь выпечкой, ты успокаиваешься, потому что это напоминает тебе о том времени?

Рейн замерла. Она никогда не думала об этом в таком ключе, но закрывая глаза, когда готовила, она могла мысленно вернуться к тому моменту, когда просыпалась в большой, теплой кровати, у них в гостях, там, где пахло корицей, дрожжами и счастьем.

— Возможно... Да, я думаю, так и есть.

Он провел большим пальцем по ее нижней губе, и она без раздумий, разомкнула их.

— Прекрасно, девочка.

Еще шоколад. Он опустился на ее язык, сладкий и твердый, пока она не начала рассасывать его. Медленно, он таял у нее во рту, заставляя ее вкусовые рецепторы петь.

— Это лучший шоколад, который я когда-либо пробовала. И если бы я могла, я ела бы его каждый день.

— Ага, и у тебя обязательно разболелся бы живот.

Он усмехнулся.

— Возможно, будет лучше, если я время от времени буду тебя им кормить. Как думаешь?

Наверное. Иначе ей быстро придется сменить весь ее гардероб. Она сморщила нос.

— Мне трудно признавать это, но Вы правы, Сэр.

— Хорошая девочка.

Он скормил ей еще немного говядины и ананаса. Когда он отнял стакан от ее губ, оказалось, что она допила вино. Расслабление, которое она почувствовала, говорило о том же.

Улыбка на ее лице была, возможно, чересчур счастливой, но она не могла справиться с эйфорией от того, что уехала из клуба, хорошо выплакалась и восхитительно поела с мужчиной, который, казалось, заботился о ней. Она почувствовала облегчение, душа уже была не настолько отягощена сожалениями. Конечно, многие из них еще остались. Но хотя бы сейчас, они не угрожали ее затопить.

— Что с тобой произошло, когда ты была ребенком, Рейн?

Вопрос возник из ниоткуда, словно удар тяжеловеса в живот. Ахнув, Рейн с трудом могла сделать вдох. Открыв рот, она не смогла издать ни звука. Упираясь на одно колено, она вскочила на ноги, пятась от Лиама.

— Нет.

Она лихорадочно замотала головой, зная, что не может видеть его. Сейчас, она бы скорее согласилась принять телесное наказание, чем отвечать на этот вопрос.

— Если тебе так хочется это знать, спроси Хаммера. Один единственный раз я говорила об этом, с кем-то более-менее важным в моей жизни. И этот же раз был последним.

Она ощутила близость Лиама прежде, чем он схватил ее за руку. Хоть его захват и не был грубым, но был очень крепким.

Он прорычал ей на ухо.

— Я не давал тебе разрешения подняться. Обратно, к кровати, на колени.

Он резко дернул ее, возвращая на место и направляя, чтобы она не споткнулась. Ковер под ее коленями еще сохранил тепло ее тела.

— И я ни черта не собираюсь спрашивать у Хаммера. Ты расскажешь мне сама.

Да хрена с два, она когда-нибудь это сделает. Ее губы сжались в упрямую линию. Он не заставит ее говорить. И не сможет протолкнуть маринованный укроп ей в рот.

— Ты поняла?

— Я слишком устала от этого откровенного разговора по душам.

— Ответь на мой вопрос, и я разрешу тебе поспать.

Нет, после того, как она ответит ему, он и дальше продолжит копать в ее душе. Потому что ему нужны были детали. Он захочет узнать, как она прошла через все это. Все мельчайшие подробности, о которых она не рассказывала даже Хаммеру.

— Спроси меня о чем-нибудь еще.

— Нет. Я спросил именно то, что хочу знать.

Ее переполняла паника.

— Могу ли я сейчас воспользоваться своим стоп-словом?

— У тебя всегда есть такая возможность, — уверил ее Лиам.

— Ничего не изменилось. Но я же не причиняю тебе боли.

— Как раз наоборот!

— Подумай хорошенько. Эмоциональный дискомфорт не в счет, физически, я поранил хоть какую-то часть твоего тела?

Нет. Но она же не может выложить ему свое гадкое прошлое за одну секунду, будто у нее словесное недержание. Вместо этого, она потянула от него свою руку.

— Ты сжимаешь слишком сильно.

Это было не так, но ей больше ничего не оставалось. В течение очень долгой минуты он не двигался, затем ослабил хватку до состояния обычного прикосновения.

— А так тебе больно?

Рейн слышала, как его голос опустился еще ниже. Он с большой осторожностью подбирал слова. Его тон сам по себе выражал предупреждение. Хоть его терпение и подходило к концу, он, скорее всего, позволит зайти этому еще дальше из-за своего сочувствия к ней.

Бедная дурочка, девочка с разбитым сердцем, слишком сильно облажавшаяся, чтобы иметь смелость быть честной... Так должно быть он думал о ней. От этого ее замутило. Но она не имела, ни малейшего представления о том, как это исправить.

— Нет, Сэр, — пробормотала она.

— Хорошо. Давай внесем некоторую ясность. Я не позволю тебе больше возводить стены между нами. Ты меня понимаешь?

Боже, как он терпелив. Было бы гораздо проще, если бы он уже разозлился и наорал на нее. Это можно было бы легко проигнорировать. Но он даже ни разу не повысил свой голос... и продолжал добиваться своего с завидным упорством.

— Да, Сэр.

Она заерзала на коленях. У нее кончались отговорки. Что же делать?

— Я все еще жду твоего ответа. Что с тобой случилось, когда ты была ребенком?

На вновь заданный вопрос, она вздрогнула. Тысячи образов впились в ее душу с силой разящего кулака. Борясь со слезами, она покачала головой. Она скорее примет свое наказание, чем откроет эту банку с червями. В конце концов, ей уже не впервой терпеть подобное.

— Просто отшлепай меня, и покончим со всем этим.

— И не обращать внимания на твои синяки и ушибы?

Его голос звучал ласково, но ощущался острой ледяной гранью, скользящей по ее груди. Его тон стал даже глубже, когда он начал поглаживать ее по волосам.

— Нет. У меня нет желания причинять тебе еще больше боли. Но я не позволю тебе игнорировать или отвергать меня. И потом, у меня есть прекрасное вознаграждение для тебя, если ты просто доверишься мне.

Еще больше шоколада? Но даже ради этого, она бы не ответила на его вопрос.

— Я сожалею, — с трудом произнесла она.

— Я тоже, — сказал он с сожалением, после чего схватил ее за волосы и притянул к себе.

Ее голова откинулась назад. А рот открылся.

Он протолкнул ей в рот большую порцию укропа и, надавив на подбородок задней частью ладони, заставил закрыть его. Вкусовые рецепторы Рейн бурно запротестовали. Глаза заслезались.

— Жуй, — потребовал он.

— Ты должна съесть это.

Дерьмо, бежать было некуда. Она не могла вырваться из его хватки, не потеряв прядь своих волос, но и открыть рот, чтобы выплюнуть эту мерзость, у нее тоже не получалось. Она заставила себя быстро жевать и попытаться проглотить это. Но куски были слишком большие, и она подавилась. Немедленно отпустив ее волосы, Лиам обхватил ее одной рукой за талию. Другой рукой, он хлопнул ее между лопатками. И она проглотила последний кусок маринованного укропа, но его мерзкий вкус, все равно, задержался на ее языке.

— Вы не сможете заставить меня ответить Вам.

Он замер за ее спиной. Медленно, убрал от нее руки. И она тут же ощутила холод и одиночество.

Рейн скорее почувствовала, чем услышала, как Лиам сел на постель.

— Ты права. Однако я могу сделать твою жизнь настолько невыносимой, что ты сама прибежишь ко мне, чтобы все рассказать.

— Если в моем рационе постоянно будут соленья, меня только вырвет.

— Вполне возможно. Я подержу тебя за волосы, когда ты будешь склоняться над унитазом.

Он что, шутит?

— Это отвратительно.

— Это конечно не самый предпочтительный вариант, но если это то, что нужно...

Она почувствовала, как он пожал плечами.

— Кажется, ты видишь во мне своего врага. Что я тебе такого сделал, что ты подумала о том, что я способен обидеть тебя?

Ничего. На самом деле, ничего. Он, наоборот, из кожи вон лез, чтобы заслужить ее доверие, а не просто взять ее силой.

— Тот, кто причинил тебе боль в прошлом... я не один из них, девочка.

Ее плечи поникли. Рейн ничего не видела, но даже если бы и могла, ее взгляд все равно бы был сейчас прикован к полу.

Лиам скользнул ладонью вверх по ее спине, и, забравшись под ее волосы, он обхватил ее за шею.

— Я не оставляю этот вопрос без ответа, Рейн. Хочу, чтобы ты хорошо подумала над тем фактом, что ты никогда не будешь счастлива, если не научишься делиться внутренней болью и страхом. Также, ты никогда по-настоящему не сможешь ощутить свою связь с Домом или любым другим человеческим созданием, пока не откроешься. В противном случае, ты обречена на одиночество.

Он снова погладил ее по волосам.

— В тебе так много нераскрытых замечательных талантов. Я ненавижу даже самую мысль о том, что не смогу узнать их. И мне доставляет разочарование то, как ты растрачиваешь их.

Его мягкое осуждение было охренительно сложно принять. Слова хлестали ее, словно кнутом, рассекая плоть до костей.

Почему он не может просто взять, и наказать ее? Отпороть ее и без того уже саднящую задницу... Но он объяснил это. Он не может заставить ее измениться, но и не позволит ей скрыться от него.

— Лиам..., - начала она.

— Да?

Рейн было нечего сказать. Она не могла заставить себя раскрыть свое прошлое. Одна лишь мысль об этом убивала ее. Ей было стыдно. Она не была достаточно сильна, чтобы остановить его. И недостаточно умна, чтобы избежать этого. У нее осталась рана, не собирающаяся затягиваться. Вместо этого, она продолжала заражать все, к чему прикасалась.

— Ничего.

Он вздохнул, и она услышала его разочарование. Ей стало так чертовски больно, когда он взял ее за руки и отстегнул запястья. Она пожала слегка затекшими плечами. И Лиам очень нежно помассировал их.

Странно, но в тот момент, когда она освободилась от наручников, она почувствовала, что, что-то внутри нее отправилось в свободный полет... без страховки. Не задумываясь, она потянулась к нему. Он не отстранился от ее прикосновения... но и не стал снова заковывать ее.

— Поднимись сюда на кровать и ляг на спину. Руки в стороны, ноги вместе.

Он помог ей забраться на кровать, и она утонула в воздушном матрасе, застеленном хлопковой простыней и накрытом дополнительно пушистым полотенцем.

— Вот так. Подними колени. Теперь расслабься и открой их для меня.

Таким образом, полностью выставить свою киску напоказ?

Тем не менее, она сделала это. Он уже все равно видел и касался всего этого. И потом, он не собирался обижать ее.

— Дааа. Именно так.

Отпустив ее, он встал и отступил, но быстро вернулся.

— Я принес поднос с лавандой, маслом чайного дерева и розмарином. Жена смотрителя смешала все это с оливковым маслом и нагрела для тебя. Это хороший успокаивающий лекарственный бальзам. Не пугайся, когда я налью его на тебя. Просто расслабься. Держи себя открытой для меня, я имею в виду не только тело, но и твою душу, Рейн. Больно не будет.

С этими словами, он начал методично массажировать ее с макушки до кончиков пальцев на ногах, уделяя особое внимание ее груди и бедрам — не касаясь пострадавших участков. Он избегал прикосновений к ее киске, из-за чего она неосознанно тянулась к его путешествующим по ее телу рукам. Но он даже ни разу не притронулся к ней там. Вместо этого, он медленно опускался все ниже, убаюкивая ее, даруя благословенное спокойствие. Побрызгав маслом на ее груди, он равномерно распределил его по ее коже.

— Масло ускорит процесс восстановления. Конечно, синяки сразу не сойдут, но зато это успокоит кожные покровы.

Она уже начала кивать, но вовремя остановилась. Он не хотел, чтобы она отвечала ему таким образом, самой простой вещью в данной ситуации, было произнести желаемые для него слова, особенно в свете того факта, что она уже почти во всем ему отказала.

— Да, Сэр.

Рейн почувствовала его печаль, и ей было чертовски жаль, что она не могла видеть его лица. Или обвить его своими руками. Последней вещью, которую она хотела причинить Лиаму после вчерашнего происшествия, так это опечалить сейчас его еще сильнее.

Он поглаживал и ласкал ее груди, массируя ее нежную плоть круговыми движениями, выписывая кружочки вокруг ареол, по направлению к соскам, чтобы потом мягко сжать их, повторяя все снова и снова до тех пор, пока она не застонала.

Лиам нашел другую ее слабость. Ее соски всегда были чувствительными, но его медленные, скользящие движения возбуждали ее еще больше. Принимая во внимание ее последний сексуальный опыт, все, что находилось ниже ее талии, должно быть в спящем состоянии, если не в мертвом. Но нет. Теплое масло, разливающееся по ее обнаженному бугорку и воспаленным складкам, только добавляло дополнительных ощущений.

И Рейн не могла не заметить, как напрягся его член, становясь толстым и крепким, когда он прислонился к ней. Вероятно сейчас, она не могла полноценно слиться с ним из-за слишком обширного воспаления... но некоторая часть ее, по-настоящему желала быть с ним настолько близко, насколько это вообще возможно для мужчины и женщины.

Вслепую, она потянулась к нему, ощупывая сначала его запястье и постепенно добираясь до плеча, чтобы затем сцепить руки у него на шее. Ее неуверенные губы пробрались по его челюсти к уголку рта, прежде чем она раскрылась перед его внезапным нападением. Он погрузился в ее рот, желая потерять себя в ней в этот совершенный момент. Она нуждалась в ком-то, и Лиам был здесь, с ней.

Рейн прижалась крепче. Ее опора. Ее спасательный круг в разгневанном море. Кто-то в кого можно верить?

Долгий момент единения прошел, и он отстранился от ее губ.

— Рейн, независимо от того, кто причинил тебе боль, поделись ею со мной. Скажи мне, что произошло, когда ты была ребенком. Позволь мне помочь тебе.

Прямо сейчас, Рейн не могла сорвать этот пластырь. Она вздрогнула и упала обратно на кровать, срывая повязку с глаз. Жаль, что она не могла открыться. Такое мягкое сочувствие... Боже, от этого у нее скручивало все внутренности.

— Не смей жалеть меня!

Его глаза сузились, он двигался ошеломительно быстро, отчего у нее перехватило дыхание. Лиам оседлал ее, сжав ладонями ее запястья и прижав своими мощными ногами ее бедра к кровати. Она пиналась и визжала, пока, наконец, не поняла, что не сможет сдвинуть его с места, она, наверняка, выглядела при этом, как капризный ребенок.

Резко замолчав, она уставилась на него.

— Послушай меня, и слушай очень внимательно. Ты не можешь указывать мне, что я должен чувствовать, в равной степени, как и я не могу приказывать тебе в этом. Если сочувствие — это то, что я чувствую к тебе, я не буду скрывать этого. В тебе горит огонь. Ты серьезно собираешься позволить тому, что много лет назад искалечило твое сердце, украсть у тебя достойное будущее?

Вопрос был задан самым нежным тоном, но смысл от этого не стал менее язвительным. Его пристальный взгляд и сложные вопросы заставляли ее почувствовать себя слишком открытой. Уязвимой.

Ей захотелось притянуть колени к груди, обнять себя руками и держать всех на расстоянии. Но Лиам не собирался позволить этому случиться. Она пыталась найти хитрый способ, как скрыть от него правду, но его агрессивный взгляд и ее ноющие соски мешали рационально думать. Ее тело также мало слушалось ее, как и мозг. Она практически засыпала, не зная кому принадлежать и что ей теперь думать.

Рейн отвернулась.

— С меня довольно. Я целый день мечтаю о том, чтобы наконец-то сказать, что я ненавижу горчицу, люблю читать и у меня аллергия на антибиотики. Не нужно обсуждать со мной мое детство.

Проклятье, почему она не может прекратить всхлипывать?

— Пожалуйста...

— Нет, Рейн. Не ты здесь распоряжаешься. Моя тренировка. Мои правила. Для тебя они оказались суровы. Что ж... я понимаю. Я также отдаю себе отчет в том, что последние несколько дней у тебя выдались... тяжелыми. Но я пообещал раскрыть тебя, как спелый персик. Ты уже знаешь, я держу свои обещания. К тому же, тебе нужно научиться должному поведению при Доминанте. Все твои споры никак не доказывают мне твое желание или хотя бы, некоторое намерение, разделить со мной часть своей души.

— Но...

Она лишь моргнула, глядя на него.

— Я просто... мы же не можем начать сразу с самого сложного? Я годами не думала о своем прошлом. Мы общались то всего несколько дней, а ты хочешь докопаться до низин моей души, до того места в ней, которое, как я раньше думала, я открою только Хаммеру? Но человек, которого я любила, не ценит меня. Скорее всего, ты последуешь его примеру. Могу

я просто хранить свои гребанные секреты до тех пор, пока тебе не наскучит нянчиться со мной?

— Нет, — его ответ был резким, как щелчок кнута.

— Следи за языком. Если мне придется сделать тебе еще одно замечание, то, как только твоя задница достаточно восстановится, я позабочусь о том, чтобы ты не могла нормально сидеть, как минимум, неделю. И ты никогда мне не наскучишь. Никогда, — решительно прорычал он.

— Ты все еще не веришь мне, но я не перестану придираюсь до тех пор, пока этого в итоге не случится.

Она снова открыла рот, чтобы продолжить спор, но он положил палец поверх ее губ.

— Ни слова больше. Я охренеть как устал от споров. Тебе, наверное, хочется спать. Давай посмотрим, что изменится после того, как ты вздремнешь.

— Я не хочу спать.

Ааах, ну разве она не говорит, как невоспитанный малыш? Ей пришлось замолкнуть.

— Ладно, хорошо. Побалуй меня. Я хочу заснуть, свернувшись около тебя.

Стащив со своей талии полотенце, он вытер остатки масла с ее тела и направился в ванную абсолютно голым. Вид его удаляющейся задницы был... ничего себе! Крепкая, узкая, ни единой плоской линии... и да... ничего себе!

Бросив полотенце на стойку, он повернулся к ней. Вид спереди практически заставил ее глаза закатиться на лоб. Даже в невозбужденном состоянии, он был внушительным. Мускулистые бедра, усыпанные темными волосками, обрамляли его мужское достоинство. К пупку поднималась пленительная дорожка волос. Грудь, слегка худощавая, но с буграми мышц. А его широкие плечи...

Она облизала внезапно пересохшие губы.

Покачав головой, Лиам подарил ей порочную ухмылку.

— Я вижу, чего ты хочешь. Не сейчас.

Слова шли в разрез с его быстро набухающим членом, выражающим готовность и требование. Она смотрела на него голодным взглядом, вспоминая невероятный момент нежного утверждения его власти над ней в клубе, а затем всепоглощающее занятие любовью в его комнате. Она не перестала хотеть Хаммера меньше... но Лиам, определенно... стал более привлекательным в ее глазах.

Рейн не могла понять, как у нее одновременно могли быть чувства к таким разным мужчинам. И ей точно не удастся это выяснить в ближайшие пять минут.

Она вздохнула, когда он скользнул под покрывало и притянул ее к себе, устраивая под своим боком. Несмотря на эрекцию, упирающуюся ей в бедро, он всего лишь нежно поцеловал ее в губы.

— Закрой глаза. Дыши глубже. Перестань беспокоиться. Мы разберемся со всем позже.

Она последовала его указаниям, ее тяжелые веки сомкнулись. И сконцентрировавшись на его дыхании, комфорте и тепле объятий, она расслабилась.

Находясь рядом с телом Лиамы, защищающим ее, она могла притвориться, что все в порядке. Пришло умиротворение. Она почувствовала себя невесомой, плывущей в беззаботном потоке счастья.

— Хорошая девочка, — прошептал он.

— Когда-нибудь ты откроешь свои секреты. Все до одного. И я обещаю, что даже после этого, я останусь с тобой.

Она глубоко заснула, как ребенок, наконец-то отпустив все печали и страхи. Боль и беспокойство покинули ее лицо и тело, как только ее сморило сном.

Он наблюдал за ней.

Ну, разве не ироничным было то, как он перешел от использования ее, в качестве, действенного рычага давления в восстановлении Хаммера... к желанию забрать ее себе?

Ласково поглаживая ее кожу, он прижал ее ближе. Она вся была сплошным перламутром и атласом. Ее волосы, цвета воронова крыла, спускающиеся по плечам, окутывали ее грудь. Аккуратный розовый сосок просвечивал сквозь них, отчего воспоминания о том, как ее груди прижимались к нему, заставили Лиам изнывать от потребности заклеить ее собой снова, на этот раз без наблюдающего, ревнующего Хаммера, нависшего над ними.

Он постарался отодвинуть эти мысли. Неважно, что принесет завтрашний день, прямо сейчас, сегодня, она в его постели, свернувшаяся в его руках. Но если он сейчас же не поднимется, то затолкает в нее свой член и сделает больно.

Поэтому он неохотно вылез из постели, принял ванну и вернулся. Взяв какую-то книгу, он устроился в угловом кресле, откуда можно было спокойно наблюдать за Рейн. Хотя он и пытался читать, но провел гораздо больше времени, пристально вглядываясь в нее. Пока внезапно, не ожил его мобильный.

Он подскочил, отыскивая телефон в кармане штанов. И приглушил его, проверяя, не разбудил ее звонок.

Но беспокоиться не пришлось. Девочка настолько вымоталась, что даже не пошевелилась с того момента, как заснула.

Снова возвращая свое внимание к телефону, он обнаружил вереницу сообщений от Хаммера.

Каждое из них отражало настроение мужчины в момент отправления. Сначала, дикий гнев, обвинения, брызжащая ярость. Сменившиеся на нелепые попытки вести переговоры. В итоге, очевидно уже пьяный Хаммер, напрочь забывший правила правописания, умолял его вернуть Рейн домой. Да ни за что, блять, на свете. Сжав челюсть, он отложил телефон в сторону, оставив сообщения без ответа.

Он скользнул взглядом, изучая раскинувшееся тело Рейн. Каждая видимая отметина грызла его изнутри. Он еще не мог ответить Хаммеру, не рискуя при этом потерять терпение. Он вообще не был уверен, что когда-либо в будущем будет способен на это.

Снова взявшись за книгу, он пытался продолжить чтение, не обращая внимания на тихое вибрирование телефона на столе. Лиам проигнорировал его, и продолжил присматривать за Рейн. Наконец, солнце село.

Как только подошло время ужина, он спустился на кухню, заварил чашку горячего, сладкого чая и принес его ей. Поставив его в стороне от кровати, он начал будить ее, ласково положив ладонь на плечо.

— Пора просыпаться. Я думал, что ты мертва, так крепко ты спала. Как себя чувствуешь?

Рейн перекатилась, выглядя потерянной в пространстве и сонно моргая. Она двигалась медленно, с трудом.

Она потеряла глаза, пытаясь удержать их открытыми.

— Устала.

— Тогда подожди еще минутку, чай остынет, пей его маленькими глоточками. Это поможет тебе проснуться, а потом мы спустимся вниз и посмотрим, что там можно поесть.

В сумерках комнаты, она посмотрела на него, поднимаясь на локтях.

Он услышал, как заурчал ее желудок.

— Сколько я спала?

Зевнув, Рейн посмотрела на темнеющее за окном небо и потянулась, уткнувшись взглядом в подушку.

— Четыре часа.

— Ох, вау..., - она постаралась сесть.

Усмехнувшись, Лиам отложил чай в сторону и, обхватив ее руками, помог ей. Упавшие покрывала открыли обзор на ее пышную, мягкую грудь. А холодный воздух, заставил заостриться бусинки ее сосков, от чего он поборол в себе желание повалить ее на спину и взять их в рот. Когда она потянулась за покрывалом, чтобы прикрыться, он покачал головой.

— Остановись. Ты мне нравишься обнаженной. Пей свой чай, а потом давай спустимся вниз.

Она потянулась за кружкой, но он снова покачал головой.

— Позволь мне.

С самым тончайшим намеком на сомнение, она кивнула.

Слабо улыбнувшись, он подул на дымящуюся жидкость, прежде чем, поднес ее к ее губам.

— Если будет слишком горячо — скажи мне.

— Да, Сэр, — мягко произнесла она, уткнувшись взглядом в колени.

О, сон разморил ее, сделал податливой. Она нуждалась в нем. И ему это нравилось. Удовлетворенная улыбка изогнула его губы, когда он поднес фарфор к ее рту.

Она сделала сначала один глоток, затем второй... и застонала.

— Ну, как тебе?

Он убрал несколько прядей волос с ее сонного лица. Все в ней заводило его — невинные голубые глаза, розовые щечки, изящные плечи... великолепная грудь.

— Сладкий. Непривычный и фруктовый. Обычно я не пью чай, но этот мне нравится.

— Превосходно.

После того, как она выпила половину кружки, он поставил ту на блюдце и помог ей подняться на ноги. Она снова потянулась, прекрасная в своей наготе.

Прижавшись носом к ее шее, Лиам положил ладони ей на бедра, накрывая ее своим телом и борясь с диким желанием, снова познакомиться с ощущением ее киски, сжимающейся вокруг его члена и ее ноготков, впивающихся в его плечи. Но она еще не готова. Черт, да она еще даже окончательно не проснулась. И ему не следует позволить ей составить впечатление о том, что он способен воспользоваться ее слабостью и взять ее прямо на ковре. Впрочем, уводить ее от ответа на поставленный перед сном вопрос, он тоже не хотел.

— Давай же, девочка! Мой желудок уже думает, что мне перерезали глотку. Я люблю твою стряпню, а кухня здесь прилично оборудована, — сказал он, чтобы соблазнить ее.

Это заставило ее восторгнуться.

— Мне бы хотелось что-нибудь приготовить для Вас.

Оглядев комнату, она направилась к туалету.

— У меня не было времени, чтобы собрать вещи. У Вас есть здесь халат?

Прежде чем она достигла двери, он, обхватив ее рукой за талию, и вернул на место.

— Не так быстро. Я же сказал, что мне нравится твоя нагота.

Она поежилась.

— То есть, мне предполагается готовить... голой?

— Именно. Это то, на что я очень хотел бы посмотреть.

Он взглянул на нее, похотливо вздернув бровь.

— Но...

— Я дам тебе фартук, чтобы ты не обожглась брызгами жира или кипящей водой.

— Но...

— Прекрати, — вздохнул Лиам в ответ на ее протесты.

Эта женщина что, совсем не понимала, что значит слово "сабмиссив"?

— Смотрители уже ушли. Тебя никто не увидит, кроме меня.

Она снова поколебалась.

— Ну, что еще?

— Эм... у меня замерзли ноги.

И это все?

— С этим мы сможем справиться.

Подойдя к своему чемодану, он достал оттуда пару носков.

— Сядь на кровать.

Она повиновалась, следя за ним взглядом.

Он надел на нее мужские носки. Слишком большие, чтобы подходить по размеру, но вполне удобные и сохраняющие тепло. Она встала и направилась к двери.

Без сомнения, он не мог пропустить того, как она шлепала носками при каждом шаге. Лиам засмеялся.

— Ты очень соблазнительна, девочка.

Повернувшись к нему, Рейн уперлась руками в бока.

— Вам что, хочется мышьяка к ужину?

Он послал ей оценивающий взгляд. Что ж, котенок не всегда прятал свой зубки и коготки. Лиам усмехнулся. Ему нравилось это в ней. Жаль, что он еще не скоро насладится этими ее качествами, из-за того, что им придется поработать с другими ее проблемами.

— Ни в коем случае.

— Тогда не надо больше смеяться надо мной.

Она показала ему язык.

— Мой рот на замке. Давай, вперед, пока я не нашел альтернативного применения твоему язычку.

Он мягко шлепнул ее по попке.

Рейн освоилась на кухне за каких-то пять минут. Она внесла жизнь в эту комнату, удовлетворенная тем, что нашла мясо и продукты, она взяла несколько мисок и кастрюль из буфета.

Присев на высокий табурет, он устроил свой ноющий член поудобнее, и начал наслаждаться открывающимся ему видом: тем как она двигалась по кухне, выполняя требуемые действия... и изгибаясь, все больше восхищая его. Дерзкая девчонка.

— Знаю, у нас не было возможности собрать тебе сумку перед отъездом. Там осталось что-то необходимое? Очки? Противозачаточные? Другие лекарства? Мне следовало спросить об этом раньше.

Повернувшись к нему спиной, она внезапно напряглась.

— Что не так?

Она не ответила, поэтому он прыгнул с табурета и потянулся к ней, ощущая неприятный холодок в животе.

— Рейн? Ты ведь на таблетках?

Полная тишина.

— Поговори со мной. Судя по тому, что ты смывала с себя его сперму сегодня утром, он не использовал презерватив, но скажи мне, что ты была защищена.

Рейн повернулась к нему, ее глаза были широко распахнуты и в них плескался ужас.

— Нет, прошлой ночью, он сказал мне, чтобы на утро я приняла таблетки и я...

Она прижала ладонь к губам.

— О, Боже. Я такая глупая. Я думала...

Она потрясла головой.

— Но я ошиблась, и я все нах... испортила всеми возможными способами.

Ее плечи и взгляд опустились.

— Кажется, я только и делаю, что прошу у Вас прощения, уверена, Вы уже устали от этого. Если Вы хотите, чтобы я ушла, то я сама найду дорогу обратно и скроюсь с Ваших глаз. Мне очень... очень жаль.

Она съежилась, будто ожидая пощечины.

В его груди разрослась боль, а в животе закружилась ярость. Еще один эгоистичный поступок доказал насколько чертовски беспечен Хаммер. Конечно, Рейн, дала этой сволочи свое согласие, но он мог бы позаботиться о ней и защитить ее, как подобает. Для Рейн последствия могут зайти слишком далеко.

Лиам взял убитую горем девочку в свои руки и нежно прижал к себе, чувствуя, как внутри него множится злость на Хаммера. Какого хрена происходило с ублюдком, что он позволил себе так обойтись с женщиной, которую он, как предполагалось, любил? Хаммер добрался до ее миниатюрного тела пьяный и без элементарного средства защиты, зная, что она никак не сможет предотвратить беременность? Это было за гранью понимания Лиам. И если у Рейн в итоге будет ребенок, Лиам был чертовски уверен, что Хаммер пробежит гребаную милю, лишь бы оказаться подальше от нее.

Его омыла новая волна негодования. Он постарался абстрагироваться от рвавшегося наружу гнева, ради Рейн, ему нужно было сконцентрироваться на том, что сейчас было необходимо ошеломленной женщине. Господи Иисусе!

Взяв в ладони ее лицо, он заставил ее посмотреть ему в глаза.

— Все в порядке. Мы со всем разберемся вместе, постепенно. Но тебе нужно перестать метаться в поисках проклятого выхода каждые две минуты. Я никуда не уйду и не позволю тебе покинуть меня без какой-нибудь стоящей причины. Мы в самое ближайшее время пойдем ко врачу, где обо всем позаботятся. Я ненавижу саму мысль о латексе между нами, но твоя безопасность важнее. Если появятся какие-то другие проблемные обстоятельства, мы будем решать их по мере поступления.

Она кивнула, но он все еще ощущал, что ее разрывает на части.

— Ну, давай же, девочка. Это еще не конец света. Вытри слезы и вбей себе в голову: я никуда не уйду. Я буду здесь для тебя. Я не сбегу при первом же признаке надвигающейся грозы. Но я хочу тебе верить, Рейн. После прошлой ночи, это сложно, но давай пойдем на компромисс и сосредоточимся только на нас.

Лиам смахнул с ее лица несколько заблудившихся слезинок и крепко поцеловал. Рейн осторожно вывернулась из его объятий и уставилась на него. Частично серьезно, а частично с удивлением, словно не могла поверить его словам.

— Благодарю Вас, Сэр. Очень. Вы... изумительный.

— И я проголодался. Теперь накорми меня, женщина. Эти бифштексы выглядят очень аппетитно!

Она фыркнула, не обращая внимания на оставшиеся слезы.

— Стейки скоро будут готовы!

Это не займет много времени.

Она достала из холодильника салат, выложила из гриля подрумянившийся чесночный хлеб, а из духовки сочное филе. Затем появилась прекрасная спаржа, заправленная оливковым маслом, кусочки бекона и другие кулинарные изыски, которые пахли просто божественно.

Она накрывала на стол, в то время как он открыл еще одну бутылку вина. И неуверенно, но с благодарностью, улыбнулась ему, когда он наполнил два бокала. Очевидно, она ожидала, что он будет зол на нее из-за того, что она спала с Хаммером без презерватива, не принимая при этом противозачаточных.

Она ожидала, что он бросит ее. Хотя, не оставалось и тени сомнения в том, что она просила Хаммера использовать латекс. Но, Боже, Макен же считал себя взрослым мужиком, все знающем лучше нее. Но еще более важный вопрос крутился у него в голове: она действительно убегала от ухудшающейся ситуации или просто боялась, что ее снова бросят, поэтому старалась опередить в принятии этого решения?

Лиам наблюдал за Рейн, удивляясь тому, как много людей в жизни девочки, должно быть, покинуло ее, чтобы она стала настолько своенравной. Он планировал провести мирный ужин, но сейчас... сейчас время докопаться до некоторых ответов. Скорее всего, это снова выведет ее из равновесия, но если он хотел помочь ей в будущем, то должен пожертвовать одним спокойным ужином.

Не спеша, подойдя к холодильнику, он взял то, что ему было необходимо, и спрятал это у себя за спиной, поставив на стойку. Затем он помог Рейн забраться на табурет.

Вся эта восхитительная еда на столе заставляла его желудок урчать от голода.

— Все выглядит просто замечательно, красавица. Надеюсь, ты проголодалась.

Дождавшись ее утвердительного кивка, он придвинул ее стул ближе к столу.

— Да, пока я готовила, запахи пробудили мой аппетит.

— Приятно слышать.

Схватив ее вилку и тарелку, он отодвинул их от нее. Она уже начала возмущенно что-то бормотать, когда он поставил прямо перед ней полную банку маринованного укропа.

— Что за -

— Ты сама призналась, что хочешь есть, Рейн. Поэтому... что случилось с тобой в детстве?

У нее раскрылся рот от удивления, она недоверчиво моргнула, глядя на него. Уставившись на банку с соленьем, она перевела глаза на тарелку в его руке. На ее лице промелькнули тысячи эмоций. И самой яркой из них был гнев. Размышление... с оттенком ярости. Казалось, она взвешивала то, насколько ее ненависть к маринованному укропу перевешивает силу голода.

После чего, некоторая напряженность покинула ее тело, и он мог поспорить, что она

вспомнила о своем долге перед ним и о его клятве не уходить, что бы ни случилось.
— Вы можете убрать маринованный укроп. Я расскажу Вам.

Лиам поставил банку с укропом на стойку позади себя.

— Я так и поступлю, если твой ответ будет того стоить.

Поставив свой стул сразу за ней, он наклонился вперед.

— Я слушаю.

Она сделала успокаивающий вдох.

— Вот история вкратце. Моя жизнь в семье — полный отстой. Моя мать считала, что шляться где угодно — лучше, чем находиться дома. Для моего старшего брата, исправительная колония стала вторым домом. А моя умненькая старшая сестра сбежала в колледж, ослепленная жадой заведения новых знакомств за границей, оставив меня у человека, никогда бы не получившего первое место в номинации "Лучший папаша года". Я не любила старшую школу, и я просто ненавидела, когда меня сравнивали с моим братом и сестрой. Естественно, я, по общему мнению, была хуже. Когда мой драгоценный отец не постеснялся сказать мне, что я не стою еды, которой он меня кормит, я не стала дальше усложнять его, и без того несчастную жизнь, поэтому, из благих намерений, сбежала из дома.

Поморщившись, она залпом выпила полстакана вина.

— Боже, каждое слово, кажется, разрывает мне внутренности и поджаривает их на огне.

Благодаря своей проницательности, Лиам понял гораздо больше из объяснения Рейн, чем она сказала напрямую. Все, о ком она когда-либо заботилась, покинули ее.

— Сколько тебе было лет, когда мама ушла от вас?

— Девять.

— И...?

— И... все и без того не было радужным, хотя, не сказать, чтоб уж совсем ужасным. Мои дедушка с бабушкой умерли за год до этого, мама впала в жесткую депрессию. А однажды утром, проснувшись, я не нашла ее. Ни звонков, ни прощаний. Она просто упаковала сумку и ушла. И до сегодняшнего дня я не знаю, что с ней случилось.

— Вы были близки с ней, девочка?

Ответ занял у Рейн по-настоящему много времени.

— По крайней мере, я так думала.

Тот факт, что собственная мать оставила ее, не сказав ни слова, был сродни удару ножом в спину.

— А что с твоим отцом? Он издевался над тобой физически? Психически? — Лиам сделал паузу.

— Сексуально?

— Эй, не нужно пытаться вытянуть из меня все за один раз!

Изогнув бровь, он начал открывать банку с укропом. Она вздрогнула.

— Прошу прощения. Сарказм стал защитным рефлексом. С помощью него я долгое время не подпускала к себе людей. Просто...

Лиам снова отодвинул банку в сторону.

— Я терпеливый человек, но предупреждаю тебя, следи за своим тоном. А сейчас, отвечай.

— Мой отец... не прикасался ко мне подобным образом.

Нервно, она сглотнула и опустила взгляд.

— В основном, он занимался унижением всех и каждого. Ну, по крайней мере, я так думала. Мой брат постоянно ходил в синяках, но он объяснял их появление драками в школе. После того, как он попал в исправительную колонию, у моей сестры тоже начали появляться такие же отметины. Но она просто говорила, что быть чирлидершей сложнее, чем кажется с первого взгляда. Когда она тоже уехала... Я обнаружила, что мне не следует выводить отца из себя. Но я никогда не отличалась умением держать язык за зубами. Однажды вечером он избил меня так сильно, что сломал мне запястье, и я получила сотрясение. Он сообщил людям из отделения экстренной медицинской помощи, что я просто упала, но ему не поверили. Он разозлился, как черт, и вытащил меня оттуда, сказав, что не сядет за решетку из-за наказания своей тупой и своенравной...

Она не смогла договорить, уставившись на свои нервно сжатые, лежащие на коленях, ладони. Это разрывало ему сердце.

Затем она покачала головой.

— Теперь Вы все знаете. Я больше не голодна. Можно мне пойти наверх?

Она что, рассчитывала снова убежать?

Нагнувшись к ней, он приподнял ее лицо за подбородок, заставляя посмотреть на него.

— Нет, не прячься от меня.

Поцеловав ее в лоб, он мягко помассировал ей руки.

— Благодарю тебя за оказанное мне доверие. Я горжусь тобой. Знаю, это было сложно. Но обещаю тебе, что я здесь и никуда не уйду.

— Спасибо Вам, — пробормотала она, не встречаясь с ним взглядом.

— Я так сильно благодарна Вам... даже больше, но у меня нет слов, чтобы это выразить.

Все шло так, как он и хотел. Он будет продолжать пробираться между ее внутренними барьерами до тех пор, пока не отыщет себе место в ее сердце. Во всяком случае, она-то уже прочно поселилась в его собственном.

— Я верю, что, в конечном счете, ты найдешь нужные слова. Поешь со мной сейчас. Ты проделала замечательную работу, приготовив для нас этот ужин.

Он улыбнулся.

— Давай разделим его.

С усталым кивком она уставилась на тарелку, которую он поставил перед ней, убрав банку с укропом в холодильник.

Лиам сел и попробовал свой стейк.

— Идеально, как всегда. Спасибо тебе, девочка.

Все, что она готовила, было выше всяких похвал. Хлеб был хрустящим. Салат — рассыпчатым, а мясо — пряным. У овощей вообще был незабываемый запах.

Рейн была настоящей хозяйкой на кухне. И слова Хаммера о том, что Рейн создана для брака, тут же промелькнули у него в мозгу. В тот момент, он не обратил на это внимания, но теперь Лиам понял, что изо дня в день, Рейн нужна стабильность, и что она расцветет в руках преданного ей мужчины.

Лично у него не было ни малейшего желания снова жениться. Но, отложим эту проблему на потом. Сейчас нет смысла усугублять ситуацию.

— Думаю, сейчас самое время поделиться с тобой чем-нибудь из моего болезненного прошлого. Я очень редко так поступаю, но ты проявила сегодня чудеса смелости, моя

красивая крошка. И я хотел бы, чтобы ты узнала кое-что и обо мне. Возможно, это поможет тебе лучше понимать меня. Предупреждаю, не пытайся догадаться о причинах моего решения. Просто я выбрал этот момент, чтобы поделиться с тобой.

Она торжественно кивнула, и он понял, что полностью завладел ее вниманием.

— Как ты, возможно, догадываешься, не только Хаммер был женат раньше...

Хотя в ее глазах тут же промелькнуло множество вопросов, она смотрела на него немигающим взглядом.

— Я слушаю.

— Когда погибла Джульетта, и Хаммер переехал, я встретил Гвинет, прекрасную англичанку из аристократической семьи. Это произошло в Нью-Йорке, на праздники. Я был богат, а она красива. У нас были схожие интересы и аппетиты. Поэтому я женился на ней. Нам казалось, что между нами было что-то неповторимое. Но... я обнаружил, что Гвинет обманывала меня. Однажды, вернувшись из деловой поездки раньше назначенного времени, я увидел замечательную картину: моя стоящая на коленях жена, позволяет своему, персональному тренеру, по совместительству предполагаемому гею, трахать себя сзади и одновременно брала в рот у его любовника.

Рейн побледнела.

— О, Боже мой.

Сделав большой глоток вина, Лиам отрезал кусочек сочного стейка и некоторое время наслаждался его вкусом.

— Сказать, что я испытал шок — значит не сказать ничего. Я думал, что мы были счастливы вместе, что она станет матерью моих детей. У меня было много планов на будущее... которые я тут же похоронил. Я наконец-то понял, что женился на ней потому, что это было логично, а не из-за какой-то призрачной любви. Поэтому когда она подала на развод, я отпустил ее, не видя смысла в дальнейшей борьбе. Но этот кислый вкус предательства... преследует меня до сих пор.

Он снова сделал паузу, позволив своим словам проникнуть в ее мысли.

— Ты не единственная, у кого проблемы с доверием, Рейн. Поэтому то, что я увидел тебя с Хаммером в то утро...

— Вернуло плохие воспоминания назад.

На ее лице отразилась вина. Она уронила свою вилку.

— Мне так жаль!

На самом деле, именно вероломство Гвинет, привело его в ярость. Но Рейн... разорвала, нахрен, его сердце, и Лиам не мог понять, почему с ним происходит это. Поэтому пока, решил придержать это наблюдение при себе.

— Я даже представить себе не могла...

Выражением своего лица она буквально умоляла о прощении.

Он послал ей задумчивый взгляд.

— Я понимаю, что то, что случилось между вами с Хаммером, не было простым трахом. Вы жаждали друг друга. Я бы, конечно, хотел, но не могу винить тебя за то, что ты отдалась мужчине, которому долгое время верила и которого любила. Хотя... твой выбор времени для этого, был откровенно паршивым. Намеренно или нет, но ты передала контроль над собой в мои руки и тут же отмахнулась от этого, даже не взглянув назад, когда Хаммер обратил на тебя внимание. Пойми, Рейн, мое доверие очень сложно завоевать, поэтому, если ты снова предашь меня... между нами будет все кончено.

Она сглотнула, выглядя при этом нездорово. И до него только сейчас дошло, что она давно перестала есть.

— Я понимаю.

— Доешь свой стейк.

Он подождал, пока она не возьмет свою вилку.

— Лиам... я действительно не хотела причинять тебе боль. Мне очень... очень жаль.

С лицом, полным раскаяния, она уткнулась взглядом в свою тарелку. Он еле сдержался, чтобы не начать успокаивать ее, но сейчас ей лучше хорошенько подумать над его словами. Он хотел, чтобы их отношения развивались, поэтому ей нужно как можно быстрее понять, что может повредить их связи.

Задумавшись над кучей сообщений от Хаммера, Лиам потряс головой. Возможно подсознательно его бывший друг пытался привязать к себе Рейн, заделав ей ребенка? Или, может быть, он заранее задумал трахнуть ее без презерватива, чтобы заявить на нее свои права. Лиам скрипнул зубами.

— Что-то не так с едой? — тихо спросила Рейн с другой стороны стола, — Что бы это ни было, я переделаю.

— Все замечательно, девочка. Превосходно, как и всегда.

Он заметил, как она снова отложила вилку и салфетку в сторону. А ее тарелка все еще была наполовину полной.

— Почему ты не ешь?

— Мне совсем не хочется, когда я расстроена. Может позже, я подогрею свою порцию. Вам нужна добавка? Может быть, что-то еще? Я все сделаю.

Такая естественная покорность. Она хотела накормить его. Это был ее способ заботы и подчинения. Хоть, мысль о том, что Хаммер, возможно, сделал ей ребенка, безмерно злила Лиам, но он видел, что Рейн будет замечательной матерью.

— Нет, спасибо. Я бы лучше посмотрел, как ты съешь еще пару кусочков. Ты ешь даже меньше, чем птичка.

— Не думаю, что у меня получится. Пожалуйста... не сейчас. Может позже, когда тошнота пройдет.

— Съешь еще пару кусочков мяса и салата.

Сморщив носик, она пропихнула в себя еще немного еды, но потом ее замутило. Взмахом поднятой ладони, он остановил ее.

— Достаточно. О чем ты сейчас думаешь?

Она сжала руки.

— Мне следовало больше думать о том, как и на ком, отразятся последствия моих поступков, прежде чем, давать свое согласие Хаммеру. Но я этого не сделала, потому что, если бы я не попробовала того, к чему так долго стремилась, то я бы никогда не узнала...

— Никогда бы не узнала, на что похоже его прикосновение? Мог ли он любить тебя в ответ? Сработало бы это с ним? — он посмотрел на нее тяжелый взглядом, давая ей понять, что прекрасно знает все ее причины.

Рейн сжалась, сделавшись еще меньше на своем стуле.

— Все это.

— А что тогда ты планировала сказать мне на следующее утро?

— Не знаю. Я не...

Думала. Да, он об этом уже догадался.

— Прежде, чем мы..., - вздохнув, она уронила взгляд, от нее исходили волны вины.

— Я говорила ему "нет". Я не один раз протестовала и говорила ему, что принадлежу Вам.

Лиам замер. Он не ожидал от нее такой осмысленности действий. Но хотел убедиться, что между ними не проскочило недопонимания.

— Он... заставил тебя?

— Нет.

Рейн крепко зажмурилась, словно желая исчезнуть. Но он дал ей достаточно поводов, чтобы не лгать ему.

— Я была не так тверда в своих благих намерениях, как следовало.

Потому что она так чертовски сильно хотела Хаммера. Лиам жалел, что не мог сказать иначе, и это терзало его.

— Я не спрашиваю, чувствуешь ли ты свою вину. Я вижу, что так оно и есть. Вместо этого, я прошу тебя запомнить это чувство, чтобы никогда больше к нему не возвращаться. Я могу быть терпеливым человеком, но прощающим... крайне редко.

— Да, Сэр.

Судорожно вздохнув, она набралась смелости и встретила с ним взглядом.

— На Вашем месте, я была бы вне себя от ярости. И, в свою очередь, сделала бы все, чтобы уйти и исчезнуть навсегда.

— Чтобы снова не причинить боль.

Это не было вопросом, и он уже достаточно хорошо ее знал, чтобы знать, что она скажет дальше.

— Да, — она с трудом кивнула.

— Но Вы... сохранили рассудок и даже выслушали всю историю... то, как я ее вижу с моей стороны.

Ее вопрос повис в воздухе. Почему?

Да, у него была умная девочка. Она хотела выяснить, почему он порвал со своей женой, но начал бороться за нее. В некотором смысле, Лиам и сам не знал ответа на этот вопрос. Возможно, он не хотел, чтобы она опустилась до уровня Гвинет. Или потому что не хотел снова облажаться. И да... потому что, она значила для него больше, чем следовало.

— У меня свои причины, — уклончиво произнес он.

Принимая такой его неопределенный ответ, она кивнула.

— Могу я спросить как долго Вы уже в разводе?

Он откинулся на стуле.

— Официально, чуть больше года. Но мы перестали жить вместе еще за год до этого.

Она колебалась, будто сомневалась задавать или не задавать свой следующий вопрос.

— Почему Вы не сказали мне об этом раньше?

Она нахмурилась.

— И почему Вы говорите мне об этом именно сейчас?

— Скажи мне сначала вот что: Разве есть разница? Сомневаюсь, что это хоть что-нибудь бы изменило. Ты и так слышала сплетни о моем разводе, и я не знаю, как много успел рассказать тебе Хаммер.

Он пожал плечами.

— Все, что нам нужно — это общение. Я вызвался поделиться с тобой чем-то личным, Рейн. Но ты продолжаешь пренебрегать моими попытками сблизиться. Услуга за услугу,

знаешь ли.

Она тяжело вздохнула, посмотрев вниз и еще глубже увязнув в чувстве своей вины.

— Я не намеренно отталкиваю Вас. Просто... моей маме всегда было наплевать на то, что я говорила. А мой отец меня даже не слушал. Хаммер...

Она сглотнула.

— Он тоже не смог с этим справиться. И потом, я думаю, что большинство людей спрашивают просто из вежливости, а не из-за того, что их действительно это волнует. Поэтому, я спасла нас всех от неприятностей.

Она пожала плечами.

— Вы первый человек, в чьем искреннем интересе я не сомневаюсь. Проблема в том, что я очень долго держала все в себе, поэтому то и не знаю, как рассказать об этом.

Лиам наблюдал, как она встала, обогнула стол, затем опустилась на колени возле его стула и схватила его за руки.

— Я клянусь, я не хотела делать Вам больно. Это был легкомысленный и эгоистичный поступок с моей стороны. Просто очень сложно сказать "нет" тому, кого так долго и так сильно желаешь. Хаммер, и после всего произошедшего, продолжил говорить о том, что не слишком хорош для меня. И знаете, я начинаю думать, что, возможно, он прав.

Она сжала его пальцы и посмотрела на него своими серьезными голубыми глазами.

— Я, наверное, не очень хорошо демонстрирую и говорю Вам то, что чувствую. Но если Вы действительно хотите это услышать и увидеть, я попробую.

Она глубоко вздохнула, и он понял, что для нее это было сложным признанием. Но главное преимущество было в том, что она готова была приложить некоторые усилия для нормального развития их отношений, того, чего не было у Гвинет.

— Рейн...

Отодвинув посуду в сторону, он приподнял ее за бедра и посадил на стол перед собой.

— Откинься назад, девочка. Ты заслужила награду.

Он поднял ее ноги, и нежно обхватив за лодыжки, положил их на свои широкие плечи, после чего, мягко погладил своей ладонью по ее животу. Она вздохнула, когда он начал прокладывать поцелуями путь, начиная с ее коленей, все ближе подбираясь к внутренней поверхности ее бедер, проявляя ласковое внимание каждой фиолетовой отметине, легкомысленно оставленной Хаммером.

— Черт возьми, женщина, твой запах просто неотразим, он искушает, словно грех, такой сладострастный и женственный. Я хотел бы попробовать тебя, Рейн, и доставить тебе удовольствие. Просто расслабься и позволь мне услышать твои стоны.

Под его языком она таяла словно масло, когда он начал дразнить ее клитор и поглаживать по ее нежным и налитым соскам. Когда она покачнулась ему навстречу, ее вкус прожег его вкусовые рецепторы, посылая прямо в мозг ее аромат. Связывая их судьбы между собой.

Ее тело еще больше напряглось, отчего она вцепилась в край стола, чтобы удержаться на месте, пока он возносил ее все выше и выше. Когда она мяукнула от удовольствия, изнывая от потребности в дополнительной стимуляции, способной отправить ее за грань, он скользнул пальцем в ее киску. Застонав от ощущения сжатия ее нежной плоти, Лиам жалел, что сейчас может войти в нее только пальцем, а не членом.

Затем, он снова засосал ее клитор глубоко в рот, вдыхая, надавливая и мучая припухший бутон до тех пор, пока из ее горла не вырвались крики освобождения. Его рот наполнился

влагой. Медленно, ее захват смягчился, но тело, по-прежнему, продолжало содрогаться. Рейн тяжело дышала, и с каждым вздохом, ее аппетитная грудь поднималась и опускалась, сводя его с ума. Боже, он хотел трахнуть ее. Ее глаза были все еще зажмурены, пока отголоски удовольствия звенели в ее теле.

Лиам пытался быть терпеливым и дать ей минутку, придти в себя, но не смог остановиться и прекратить целовать распухшие складочки ее киски, продолжая пристально осматривать ее стройное тело голодным взглядом. Он схватил ее за талию, и притянул к себе на колени, заставив оседлать его. И уже придвинулся, чтобы поцеловать ее, но Рейн, до сих пор находясь с закрытыми глазами, опередила его, и на ее лице было выражение искреннего счастья, когда они встретились губами. Он запутался руками в ее волосах и запрокинул ей голову, чтобы глубже погрузиться в ее рот.

Даже в поцелуе, он чувствовал, что она рада ему. Она не стала более открытой, просто подарила ему частичку себя... и это было головокружительно. Боже, ему никогда не будет достаточно. Особенно, когда ему одному предназначалось ее сладкое желание. Это было очень возбуждающе.

Тяжело дыша, он нахмурился, когда она вырвалась. Он уже хотел схватить ее и приказать остаться на месте, когда она соскочила с его коленей и опустилась на пол, под стол, между его ног. Она потянулась к молнии его брюк, и молча, посмотрела на него, словно спрашивая разрешения. Он покачал головой.

— Я безумно хочу тебя трахнуть, но мы не можем... ты еще не готова принять меня. Кроме того, на кухне нет презервативов.

— Я понимаю.

Прикусив губу, она взглянула на него кокетливым взглядом, через бахрому своих темных ресниц,

— Я не прошу, чтобы Вы трахнули меня.

Она облизнула свои губы. И вся кровь помчалась от его мозга к члену.

— Да, девочка. Я умираю от желания, ощутить твой рот вокруг себя.

Он еще никогда не был таким твердым и нуждающимся. Его терзала потребность взять Рейн... не важно, каким способом. Один только взгляд на то, как розовый язычок скользнул по ее пухлым губам, заставил его яйца подтянуться, а на вершине члена выступить капельку влаги.

С силой сжав зубы и утонув в ее голубых глазах, он боролся за контроль над собой, когда ее маленькие ручки потянулись к его ширинке и расстегнули ее.

Она давала ему это по собственной воле. И значимость этого момента, останется с ним на всю жизнь.

У него сбилось дыхание, когда она высвободила его член. А когда она обхватила своими горячими губами его головку и глубоко втянула ее внутрь, он издал стон истинного наслаждения. У него затвердели соски, пока она работала над ним своим божественным ртом, не спеша, выражая ему свое восхищение и почтение, прожигая насквозь его душу. То, как она выпустила его член из своего рта, угрожало уничтожить его самообладание.

Лиам сжал руками свои бедра, в страхе, что уступит неистовому желанию, схватить ее за волосы и, не сдерживаясь, с силой начнет толкаться в ее горло. Он задыхался, пытаясь оттянуть момент разрядки, но напряжение не покидало его и сокрушительное удовольствие уже подступало. Лиам, казалось, умирал с каждой секундой промедления от отчаянного желания наполнить своим семенем ее рот. Ему нужно было видеть, как она глотает его, как

на ее лице расцветает выражение покорности.

— Рейн... О Боже, Рейн! Посмотри на меня. Прими все. Я сейчас кончу!

Подняв голову, она пристально на него посмотрела. Их глаза встретились, когда он отпустил свои бедра и сжал в кулаках ее волосы, утопая в ее взгляде и высвобождая каждую каплю своей энергии на ее язык.

Выражение радости на ее лице, когда она глотала его сущность, пронзило его, объединив их сердца. Лиам испустил долгий вздох. Ему пришлось пройти сложный путь, чтобы дотянуться до Рейн... И теперь у него больше не было ни малейших сомнений в том, что он все сделал правильно.

Хаммер ходил взад и вперед.

Хотя Рейн и этого ублюдка Лиам, не было всего двенадцать часов, у него было такое чувство, что с того момента, как тот увез ее, прошло двенадцать гребаных месяцев. За это время, он исчерпал все возможные варианты их предполагаемого местонахождения. Их общие знакомые тоже ничем не смогли помочь. Он также поговорил с частным следователем, но даже его профессиональные навыки не привели к разгадке: куда же могли запропасться Рейн и Лиам за столь короткое время.

Гребаный ирландский придурок без сомнения пользовался наличкой и подставными именами, чтобы удержать ее за пределами досягаемости большого плохого Хаммера. Сукин сын. Лиам должно быть знал, что он перевернет каждый камень в поисках Рейн, но все равно продолжал игнорировать его телефонные звонки и сообщения. Также, как и сама Рейн.

Хаммер еще мог понять этого ворующего-женщин ублюдка. Но его Рейн? Если только... Быстро дойдя до комнаты Рейн, он вошел в нее, и увидел ее сумочку, стоящую на тумбочке. Черт бы меня побрал! Лиам даже не позволил ей взять ее с собой, он просто похитил Рейн и скрылся в неизвестном направлении.

Запустив руку в сумку, он лишь подтвердил свои худшие подозрения. Сжав рукой ее мобильный, он почувствовал, как в животе завязываются тугие узлы. Рейн была потеряна для него, если только Лиам позволит позвонить ей. И каковы были шансы, что он разрешит ей? Конечно, она уйдет от этого ублюдка... когда-нибудь. Но вернется ли она сюда?

— Скотина!

Он с трудом подавил желание, размахнуться и бросить ее телефон через всю комнату.

Вернув цветную сумочку на место, он уставился в стену невидящим взглядом. После чего схватил подушку, и прижал ее к своему носу, вдыхая оставшийся на льняном белье аромат. Закрыв глаза, он вдохнул остатки ее запаха.

Раскаяние встало комом в его горле, причем настолько чертовски большим, что Хаммер боялся, что вот-вот задохнется. Звук того, что кто-то околачивается где-то поблизости дверного проема, привлек его внимание. Положив подушку на колени, он обнаружил Бека, уставившегося на него и в неверии трясущего головой.

Хаммер не мог пропустить промелькнувшую в глазах мужчины обеспокоенность.

— Что? — гаркнул Макен.

— Мужик, тебе пора бы уже собраться.

Нахмурившись, Бек вышел.

Несмотря на то что, Хаммер ненавидел признавать это, но чувак был прав. Нытье и мрачность ни хрена не помогут. Вся проблема была в том, что он не был так хорош в

искусстве того, как не думать о Рейн, даже когда она была еще здесь. Хотя, нельзя сказать, что она совсем покинула это место... ее призрак еще витал рядом, преследуя его.

— Блять! — швырнув подушку Рейн обратно на кровать, Хаммер вылетел из комнаты.

Он мог чувствовать себя, жалким слабаком, но вести себя подобным образом не собирался.

Направившись в подвал, он был нацелен на выполнение своей работы. Рейн здесь не было, поэтому ему нужно было найти замену, временно выполняющую ее обязанности, пока она не вернется. Хаммер не позволял себе думать о том, что может никогда ее больше не увидеть.

Он нашел пару бездельничающих саб, которые были только рады, выполнить его приказ. Он знал их имена, и что-то смутно припоминал о том, как в прошлом они даже разыгрывали сцену. Хотя, они и не произвели на него тогда большого впечатления, но сейчас он был им благодарен.

С момента исчезновения Рейн, никто не позаботился о том, чтобы помыть кофейник или привести в порядок клуб. Не то, чтобы задания было так уж сложно выполнить, но это лишний раз напоминало ему о ее отсутствии, заставляя рану в его груди еще больше кровоточить.

Когда они убежали выполнять его указания, он огляделся по сторонам, в поисках других, кому нужна была его кандидатура в качестве Дома. Ведь он не делал ничего подобного, с момента той судьбоносной ночи с Марли.

Вот дерьмо, честно говоря, ему и сейчас совсем не хотелось этим заниматься... Хаммер почувствовал себя немного виноватым от того, что уклоняется от своих обязанностей. Но он не мог заставить себя добровольно взять за руку другую сабу и...

— Сэр?

Кто-то коснулся его спины, и мягкий чувственный голос ворвался в его мысли. Обернувшись, он обнаружил перед собой Кристалл. Она послала ему приглашающий взгляд.

У этой сабы были особые претензии к Домам, которых она сама выбирала и отдавала им власть над собой. Ее границы дозволенного позволяли разыгрываться жестокой фантазии. Обычно он привязывал ее и подталкивал к этой грани не реже, чем раз в неделю. После чего, как правило, трахал ее. Но в последнее время, он даже не смотрел в ее сторону. Она — не Рейн. И никто не мог заменить ее. Поэтому последней вещью, о которой он думал в настоящий момент, была Кристалл.

— В чем дело, девочка?

Если ему повезет, то она пришла к нему с жалобой на какого-нибудь, докучающего ей Дома, чью зарвавшуюся задницу надо поставить на место. Вместо этого, она дотянулась до его руки и подтолкнула ему под ладонь что-то прохладное и кожаное. Взглянув вниз, он увидел, как она передает ему плеть с одним хвостом и медленно опускается на колени.

— Пожалуйста, Сэр. Мне нужно почувствовать поцелуй кнута.

Твою мать. Вина еще сильнее навалилась на него. Он пренебрегал девушкой уже достаточно долгое время, но это не было ее ошибкой. После шумного отъезда Лиамы и Рейн, он бы не удивился, если бы слухи об этом, расползлись среди членов клуба и всем стало известно о том, что он потерял контроль. Были ли они удивлены разыгравшейся перед ними сцене? Или может, подумали о том, что он не смог найти подходящего места, где спокойно бы решил свои проблемы, вместо того, чтобы выставлять их на показ?

Для всех будет лучше, если он пресечет возможные сплетни. Он никогда не прикасался

к себе в гневе... ведь он еще никогда не сходил с ума из-за женщины. В действительности, не гнев сейчас являлся его основной эмоцией. Во главе его списка ощущений, соперничали паника и опустошение.

Уверенный в том, что не позволит зайти себе с Кристалл слишком далеко, он кивнул и пересек комнату. Похотливая улыбка искривила ее губы, когда она поднялась с колен и направилась к подвесной конструкции у задней стены. Развязав маленький узелок на ее прозрачной, надетое на голое тело, сорочке, он отбросил ее в сторону. Она послушно подняла руки вверх, чтобы он заковал их.

Выполнив требуемые манипуляции с наручниками, он схватил в кулак ее маленькие трусики "танга" и с силой дернул. Они разорвались, и Хаммер также отшвырнул их в сторону. Все действия были хорошо знакомы. Потому как, он проделывал их тысячу раз. Но прежнего ощущения не приходило. Все это больше не заводило его.

Невольно, его взгляд снова упал на позорную скамью для порки, на которой всего несколько часов назад, была распластана Рейн, в ожидании своего наказания от Бека... и на которой она отдалась Лиаму. Боже, он все еще видел ее там... злую, напуганную и целенаправленную, по крайней мере, пока Бек не испортил все к чертям собачьим.

Он понятия не имел, где она умудрилась достать эти свои "Пошел ты нахрен" трусики. В какой же ярости он тогда был. Но сейчас, он улыбался, с нежностью думая об этом. Только Рейн...

Каким, блять, образом он должен залечить эту зияющую огромную рану в груди? Как долго он еще будет скучать по ней, нуждаться в ней и сожалеть каждую секунду о том, насколько сильно облажался.

— Сэр? — Кристалл посмотрела на него из-за плеча.

Хаммер даст этой женщине, то, чего она желает. Ему это ничего не стоит.

Почему с Рейн не могло быть так же просто? Почему ей нужно было его сердце и душа? Любовь, которую он не мог ей дать?

Зажав в кулаке прядь длинных багряных кудрей Кристалл, он резко оттянул ее голову назад и прошептал на ухо.

— Твое стоп-слово "власть", девочка.

— Да, Сэр. Спасибо Вам. Но Вы же знаете, что мне оно не потребуется.

Она послала ему мечтательную улыбку.

— Посмотрим, — предупредил он.

Он легко провел ладонью по ее сливочной коже. В ту же секунду, мысли о Рейн заполнили его голову. Кровь мгновенно закипела. Прикрыв глаза, он на какой-то короткий момент, позволил себе вернуться в воспоминания о том, какой податливой ощущалась под его руками ее плоть, цвета слоновой кости.

Крепко сжав кожаную рукоять кнута, он приготовился причинить боль. Он ведь всегда был хорош в этом, да? Своими действиями он причинил Рейн безмерное количество боли.

Его внутренности свело судорогой, при мысли о том, что придется снова это сделать, даже со шлюхой, жаждущей наказания. Образы отметин, которые он оставил после себя на Рейн, заполнили его разум. Ему нравилась идея о том, что она была последней женщиной, к которой он прикасался с такой страстью, что проявились синяки и укусы. Воспоминания о ее скользкой, припухшей киске и о том, как чертовски великолепно, она ощущалась на его члене, захватили его.

Дерьмо, ему нужно сосредоточиться.

Открыв глаза и отступив назад, он занес над головой руку, и движением запястья, оглушительно щелкнул кнутом в воздухе. Над его бровью выступил пот, и, одновременно с этим, он почувствовал, как у него намокла спина. Комната завращалась вокруг него, а во рту появился тошнотворный привкус.

Уставившись на еще не тронутую кнутом задницу Кристалл, холст который должен будет расписать красными полосами, он сжал рукоятку обеими руками. Его тело дрожало, пока он боролся за контроль над собой. Рейн оставила его. Его бескомпромиссные потребности и проклятые страхи, отпугнули ее, оставив его тонуть в собственной сокрушительной панике.

Покачивая головой, он закрыл глаза.

Внезапно, на его предплечье легла сильная рука. Резко вырвавшись, он зарычал на Бека, стоявшего рядом с ним с выражением глубокой задумчивости на лице.

— Я позабочусь о ней, Макен, — прошептал он настолько тихо, что его слова мог расслышать только Хаммер.

— Я сам справлюсь! — уверил он Бека.

— Нет, ты не сможешь. Вынь уже свою голову из задницы, — пробормотал Бек ему на ухо, очевидно стараясь не смущать Хаммера в чужом присутствии.

Он скинул руку Бека с себя.

— Какого хрена, ты до сих пор, здесь околачиваешься? Я наложил временный запрет на твои посещения.

Бек ухмыльнулся.

— Ага, точно. Запрет. Прости, шеф, но я единственный здесь, кто не побоится находиться с тобой сейчас на таком близком расстоянии. Ты слишком много на себя взял. Иди, проветришь в свою комнату. Увидимся после того, как я разберусь с сессией Кристалл.

Этот козел разговаривал с ним, как с БДСМ-инвалидом.

— Свали уже отсюда.

— Нет. Посмотри на себя. Ты бледный, словно гребаное привидение. Если члены клуба узнают, что ты не в себе, это может привести к губительным последствиям. Я не могу позволить тебе вести сет с Кристалл... только не тогда, когда ты наполовину выжил из ума из-за нее.

Хаммеру не пришлось долго гадать, кого имел в виду Бек, говоря "нее".

— Я не хочу об этом говорить. Собирай свои манатки и выметайся отсюда.

— Я не уйду, пока не буду уверен в том, что ты достаточно стабилен, чтобы выполнять свои обязанности в отношении сабмиссивов. А теперь отдай мне кнут и иди, отдохни в своей комнате.

Да за кого Бек его принимал? Прищурившись и сжав кулаки, он приготовился снести этому ублюдку голову.

— Эээй! Не надо размахивать кулаками прямо тут. Иначе рискуешь пошатнуть свою безупречную репутацию самого главного большого плохого Дома. Ты ведь этого не хочешь?

Усмехнувшись, Бек изогнул бровь.

Хаммер поднял глаза. Все взгляды были устремлены на него. Казалось, даже Кристалл повернулась, чтобы посмотреть, почему он до сих пор, не начал работать над ее задницей.

Черт возьми, садист был прав.

— Твою мать!

— Я позабочусь об этом, — заверил Бек.

— Я дам Кристалл все, в чем она нуждается.

Со вздохом поражения, он похлопал Бека по спине.

— Ее стоп-слово "власть". Не забывай об этом.

— Не парься. Лучше подумай о себе и своем состоянии. После ухода Рейн, у тебя два варианта, мужик: взять себя в руки и продолжить вести нормальную жизнь или растечься лужицей и жаловаться на собственную ничтожность.

Вздохнув с отвращением, Хаммер с силой ударил по руке Бека, вкладывая в нее хлыст, после чего сжал челюсти и пошел прочь. Члены клуба следили за ним взволнованными взглядами. Обзывая себя последним идиотом, он направился в холл, по пути к своей комнате, захватив бутылку Patrjn.

Сорвав с себя одежду, Хаммер уставился на ужасный беспорядок на своей кровати. Простыни, до сих пор, были разбросаны по разным углам, после бурно проведенной ночи с Рейн. Закрыв глаза, он мог ярко представить себе ее образ, когда она, обнаженная и жаждущая, лежала с разведенными ногами на его постели, предлагая себя без единого намека на стеснительность.

Боже, она была воплощением его самых смелых фантазий. Ведь после всего того, через что он заставил ее пройти, Хаммер не мог винить Рейн в том, что она приняла предложение Лиам. Если у нее с Лиамом ничего не получится, и она вернется обратно с разбитым сердцем... он будет здесь, готовый собрать ее по кусочкам, потому что привык заботиться о ней.

Но сейчас, он застрял в одиночестве. И сходил с ума от запаха Рейн, оставшегося здесь. Он по-прежнему чувствовал ее присутствие. Слышал ее. Ощущал ее вкус. Но это был, всего лишь мираж.

Его взгляд затуманился.

Лиам не собирался звонить ему, чтобы рассказать об их гребаном местонахождении. Но даже если бы у него и была возможность поговорить с ней, Хаммер не нашел бы ничего лучше, чем просто попросить у нее прощения. Что только еще больше усугубит ситуацию между ними

Оцепеневший и опустошенный, он отвинтил крышку с бутылки и с жадностью присосался к ней, поглощая прозрачную жидкость, и наслаждаясь тем, как та обжигает горло. Текила снесла его внутренние барьеры, и он позволил себе окунуться в воспоминания о Рейн.

Перед его глазами, тут же начали сменяться картинки: вот вечеринка, которую он устроил на ее восемнадцатый день рождения; черт, а вот ночь, которую, после потери девственности, она провела в слезах; а вот тот торжественный день, когда она получила диплом об окончании колледжа — в каждом из этих моментов, он всегда был рядом с ней. Преследуя ее своим постоянством.

Хаммер до настоящего момента даже не подозревал, как сам нуждается в том, чтобы у нее была потребность в нем. Смог бы Лиам занять его место?

Хаммер понятия не имел, сколько времени он просидел на середине кровати, вцепившись в подушку, на которой она спала, но судя по почти пустой бутылке Patrjn, предположил, что прошло несколько часов. Сколько еще бутылок он должен выпить, чтобы вырубиться? И, черт возьми, он выпьет их все, если они помогут облегчить эту боль.

Опустив голову на подушку, он снова уловил ее уже затухающий аромат. Но ему захотелось большего. И даже, несмотря на то, что новые напоминания о ней, заставляли его

раны вновь кровоточить, он приветствовал эту боль.

Хаммер сполз с кровати, и, спотыкаясь, вышел в холл, направившись в комнату Рейн. Резко открыв дверь ее шкафа, он сгреб руками несколько рубашек, подвешенных на плечиках, и прижал их к груди. Закрыв глаза, он жадно и глубоко вдохнул. Ахх, вот и она. Ее запах заполнил его ноздри, и вместе с ее потрясающим видением, кружившим его голову, он почувствовал, как увлажнился его рот. Вот так, гораздо лучше.

Он чуть не споткнулся о собственные ноги, когда повернулся и побрел обратно в свою комнату. Вновь опустившись на кровать, он вцепился в ее одежду руками и, уткнувшись лицом, начал вдыхать ее сладкий и женственный аромат мускуса, умирая от желания вновь услышать ее нежный голос. Посмотреть в ее большие голубые глаза, искрящиеся любовью.

Боже, да он, без сомнения, не сдержался бы и взял у нее больше.

Из его горла вырвался мучительный крик.

— Иисус, Макен. Что, черт возьми, с тобой случилось? Бек стоял в дверях, прищурился свои темные глаза, и с жалостью смотрел на почти пустую бутылку текилы.

— Патрун не помогал тебе раньше. Так почему ты думаешь, что теперь, что-то изменилось? Возьми себя в руки. Seriously, чувак, ты пугаешь посетителей даже больше, чем я.

Резко отбросив от себя рубашку Рейн, он попытался встать, но у него ничего не получилось, и он просто повалился обратно на кровать.

— Думаешь, мне не насрать на чужое мнение? Ты не мозгоправ. Иди лучше найти того, у кого лопнула артерия и зашей ее. Вали отсюда.

Он засмеялся.

— Божечки мои, ты такой душка. Видимо, ты не настолько сильно хотел Рейн, раз даже не поборолся за нее, несмотря на то, что трахал ее всю ночь. Весьма громко, могу заметить. Вы двое, влюбленных голубков, ни хрена не дали мне поспать.

Он ухмыльнулся.

— Ты собираешься и дальше напиваться до беспамятства? Я думал, что ирландский болван был твоим закадычным другом. Но, не смотря на это, когда он выводил ее через парадную дверь, ты просто стоял там и смотрел, даже не пытаясь что-либо предпринять. Все кончено, мужик. Она ушла. Прекрати распускать нюни и займись уже, в конце концов, своим бизнесом.

— Да у меня, блять, просто не было выбора. Как я могу любить ее, когда она не может быть той, кто мне нужен — когда, черт возьми, я не могу дать ей то, в чем она нуждается? Это дерьмо..., - его голос затих.

— Да, Лиам, мой лучший друг. Черт, да он мне как брат. Так почему он так поступил со мной? Ведь он знал... Эта сволочь читает меня, как гребаную книгу. Но он все же всадил мне нож в спину.

Хаммер покачал головой, глядя на дно бутылки.

— Наверняка он собирается затрахать ей мозги. Это его метод.

Вздыхнув, Бек вошел в комнату и взял бутылку, стоящую между ног Хаммера. Осушив ее одним глотком. Он поставил пустую бутылку на тумбочку, отодвинув и развернув стул спинкой вперед, уселся на него.

— Позволь мне спросить тебя кое о чем. Помимо прошлой ночи, ты когда-нибудь рассматривал Рейн в другом качестве, не как ребенка?

— Скорее всего — никогда. Я просто хотел защитить ее... и это желание напрочь

заслонило от меня все остальное.

— Тогда ты не можешь быть абсолютно уверен в том, что Рейн тебе не подходит. Одна, проведенная вместе ночь — не показатель. Ты не пытался до этого... и до сих пор продолжаешь в этом упорствовать.

— Ты не понимаешь.

Хаммер провел рукой по волосам и вздохнул.

— Я не хочу сабу. Мне нужна рабыня. И ты, как никто другой, знаешь, что она никогда ей не станет.

— Ты любишь ее, — спокойно сказал Бек.

Безнадежность прошла по нему, словно товарный поезд, а от накативших слез, сдавило горло.

— Да, — задыхаясь, произнес он.

— И у меня нет ни одной гребаной подсказки, где ее искать, и как спасти ее, прежде, чем Лиам вывернет ее наизнанку.

— Я думаю, что он тоже заботится о ней.

— Но он никогда не будет любить ее так, как я. И никто не сможет.

Он склонил голову.

— Но ты не показал ей этого.

— Да черта с два! Может я и не сделал этого так, как ты себе это представляешь, но я проявлял заботу о Рейн. В ту ночь, когда я нашел ее на аллее, я даже не осмеливался лишний раз посмотреть на девочку, спрятавшуюся за мусорным контейнером, чтобы не испугать ее еще больше. Я ничего не знал о ней, но одного взгляда мне хватило, чтобы почувствовать, что я должен защитить ее. Я был в ужасе от того, что ее могут изнасиловать, накачать наркотиками или того хуже — пристрелить. Я хотел спрятать ее в своих объятиях и охранять от всего. Она была такой маленькой и несчастной. Но потом... блять, я посмотрел ей в глаза. Она выглядела чертовски потерянной. Да что там говорить! В первые недели своего пребывания здесь, Рейн подпрыгивала каждый раз, когда я повышал голос. Но, даже, несмотря на это, я не отказался от нее. Я до сих пор не намерен отступить.

— Мужик, она больше не потерявшаяся в аллее бродяжка, но если ты все еще так думаешь... то у тебя проблемы с принятием реальности. Я даже не сомневаюсь в том, что твой член побывал в каждом из ее отверстий прошлой ночью. Не секрет, что девочка очень сильно хотела тебя. А что касается статуса рабыни... в ней уже и так есть наклонности сабы, пусть не сразу, но она дорастет до требуемого тобой уровня. Если бы ты додумался дать самому себе совет, то наверняка бы сказал, что для получения определенного результата потребуются тренировки и время. Ты лично посадил ее за руль и научил водить машину, но не хочешь обучить ее необходимой тебе покорности? Ты же даже еще не распробовал ее. Почему?

— Я сказал ей об этом, сегодня утром, — невнятно промямлил он.

— Я в подробностях объяснил ей, что ее ждет, если она станет моей рабыней. И она накричала на меня.

— Ты что, реально не знаешь, как пойти на компромисс? Как аккуратно подвести ее к этому? Тогда, возможно, самое время поумнеть. Твой, так называемый друг, приручил Рейн, а ты, в свою очередь, по крайней мере, разберись со своим дерьмом и найди способ вернуть ее обратно.

Из его груди вырвалось рычание.

— Даже, если бы сейчас она не принадлежала ему, я все равно был бы для нее слишком тяжелым испытанием. Да я почти сломал ее вчера ночью.

Его плечи опустились, когда он вздохнул.

— Где, черт возьми, он прячет ее? Ты знаешь? Мне нужно вернуть ее. Я должен знать, что с ней все в порядке.

Слезы затуманили его зрение, увидев это, Бек покачал головой.

— Помоги мне. Пожалуйста?

— Боже, ты такая киса, когда напиваешься.

Бек закатил глаза.

— Я не знаю, где она. Неужели ты думаешь, что у меня есть "хрустальный шар", как у гребаной гадалки? Ты пробовал звонить ей? Лиаму?

— Ее мобильный телефон здесь, она не взяла его с собой, а этот сукин сын не отвечает на звонки. Я послал ему до хрена и больше сообщений, — пробормотал Хаммер, пытаясь подавить зарождающуюся панику.

— Держу пари, ты не пытался отправлять ему сообщения в трезвом состоянии? Ну, на случай, если, он не понял твой пьяный бред.

Хаммер пристально и свирепо посмотрел на него.

— Из тебя охренительно крутой помощник!

— Отоспись. Выпивка здесь не поможет, поверь мне. Я пробовал. И если она все, что тебе действительно нужно, тогда я помогу тебе придумать способ, как вернуть ее.

— Я не могу.

Его голос охрип.

— А что если у меня все получится? Что тогда? Я закончу тем, что убью ее. И на моей совести будет висеть две смерти. Жить с одной и без того тяжело.

— Рейн — не Джульетта. Ты был так сконцентрирован на том, что она не выдержит, совершенно упуская из виду то, на что она может быть способна. И не принимая во внимание то, чего теперь хочешь ты. Ты стал совершенно другим человеком. Твоя жена умерла несколько лет тому назад. Хватит. Тебе нужна еще одна попытка.

Стоило Беку лишь немного отойти в сторону, как Хаммер схватил его за рубашку.

— Помоги мне найти ее, Кен. Я не могу жить, не зная, что с ней все в порядке. Что, если она нуждается во мне?

— Блять, ты скулишь жалобнее проклятого пса. Отдыхай. Я дам тебе знать, если найду ее.

— Спасибо, чувак.

Он резко упал на кровать. И закрыл глаза.

С каждой минутой отсутствия Рейн, его душа все больше погружалась в пучину страданий.

— Поспеш.

Рейн уставилась на темную стену.

Тепло тела Лиама согревало ее в этой большой кровати, даже не смотря на то, что ночь была достаточно прохладной. Он прижимал ее во сне, удобно устроив ее голову у себя на плече. Она безропотно подчинилась ему, чувствуя благодарность за его заботу. Но ее головокружение все не проходило. Да и после того, как она немного поспала днем, сейчас сон не шел.

Ее безмерно смущал тот факт, что она одновременно могла продолжать любить Хаммера и страстно желать Лиама. Она задавалась вопросом, сможет ли вовремя остановиться и также не влюбиться в Лиама? Не найдя ответов, она закрыла глаза и прижалась своей щекой к его.

Страсть Хаммера горела, как спичка: ярко и быстро, но затухла с наступлением утра. Видимо, удовлетворив свое любопытство, он предпочел не задерживаться на одном месте и двигаться дальше.

Но преданность Лиама к ней... Он забрал ее оттуда, где она страдала, и окружил своей заботой. Копаясь в ее прошлом, он открывал ее душу, но не с той целью, что и Хаммер: разузнать о ней побольше, чтобы выяснить, не посадят ли его в тюрьму за то, что он подобрал на улице подростка.

Лиам сделал это лишь потому, что искренне хотел знать о ней все. Он подарил ей экстаз, не требуя ничего взамен. И с поразительным спокойствием принял новости о ее возможной беременности от Хаммера.

Такая стойкость буквально сразила ее наповал. Он просто заботился, и это не было похоже на игру. Или на уловку.

Рейн понятия не имела, чем она заслужила такое отношение, но она не собиралась продолжать ломать себе голову над этим вопросом, иначе просто рискует сойти с ума. Она всегда думала, что любовь — это огромное пламя, всепоглощающий пожар, который сожжет ее душу дотла... по крайней мере, нечто подобное она чувствовала к Хаммеру.

Во время обучения в колледже, когда она читала английскую литературу и, в частности, Шекспира, она все никак не могла понять 116 сонет.

— Любовь не есть любовь, когда она при каждом колебании, — прошептала она в темноте.

— То исчезает, то приходит вновь. О нет! Она незыблемый маяк, навстречу бурь глядящий горделиво...

Внезапно, до нее дошла искра озарения.

Благодаря Лиаму.

— Люби живой нет смертного конца...

Рейн сильнее прижалась к нему. Она понятия не имела, как можно было так сильно и так быстро влюбиться. Ее сердце уже практически застыло в оцепенении, когда судьба приготовила ей очередной обманный маневр. И она поняла, наконец, что любовь — это не просто желание, любовь — это стабильная преданность человеку, не зависимо от обстоятельств. Она хотела вернуть Лиаму все, что он дал ей. Но кроме себя, ей нечего было ему предложить.

Она прошлась ладонью по его груди вниз, к выступающим мышцам живота, и затем

продолжила повторять эту ласку кончиками пальцев.

Лиам схватил ее за запястье.

— Я слышу, что ты не спишь. Ты разговариваешь сама с собой? Или просто громко думаешь?

Лунный свет залил комнату, когда он пристально посмотрел на нее. Коснувшись ее волос, он убрал их в сторону, и так едва уловимо и нежно прикоснулся к ее соску, что она вздохнула и прижалась к его ладони.

Увидев, как она отреагировала на его прикосновение, Лиам улыбнулся, и, нависнув над ней, накрыл ее своим большим телом. Ухватившись за его плечи, она провела ладонями вниз по его рукам, когда он наклонился и впился в ее рот.

— Я хочу заняться с тобой любовью, Рейн, не как Доминант, а как мужчина. Но у меня нет желания причинить тебе боль. У тебя еще не прошло воспаление?

Все ее тело, говорило "да". Но приоткрыв губы ему навстречу, она скользнула рукой между их телами и, взяв в ладонь его ствол, сжала.

— Пожалуйста....

Он застонал в ответ на ее действия, от чего она в нетерпении заерзала под ним. Да, у нее все еще слишком болело, но она хотела быть ближе к нему, утонуть в их связи, ведущей ее.

Лиам не позволил ей самой форсировать события. Вместо этого, он прижался лицом к ее шее и начал нежно покусывать кожу, лаская и поглаживая ладонями ее тело, до тех пор, пока она не замяукала и не вцепилась в него коготками, как котенок. Раздвинув своими бедрами, ее ноги, он заскользил своей длиной вдоль ее влажности, откровенно поддразнивая ее.

— Я точно не давлю на тебя? Уверена, что выдержишь?

Сейчас, он просто играл с ней.

— Ты сделаешь мне больно, только если остановишься.

Взяв в ладонь ее грудь, он, наклонившись, ухватил губами и крепко сжал ее сосок. Казалось, Лиам знал все чувствительные струнки ее тела, и играл на нем в совершенстве. Она чувствовала себя окруженной, нежно любимой и желанной им...

Почти все ее сокровенные фантазии, о которых она мечтала одинокими ночами, лежа в холодной постели, воплощались в жизнь. Одни и те же фантазии... но с разными мужчинами.

Некоторым вещам просто не суждено случиться, и ей нужно постараться принять это. Кроме того, Лиам нравился ей, и она хотела его. Именно в этом порядке, а не наоборот. Как раз поэтому, они очень быстро перешли со стадии "ученик — учитель" к чему-то более близкому.

— Я хочу оказаться внутри тебя, девочка. Ты скажешь мне, если тебе станет больно.

Это прозвучало не как вопрос, а как нежный приказ.

— Да..., - пообещала она.

— Но этого не случится.

Прижавшись к ее телу, он обрушился на ее рот, с таким голодом, будто считал его своей собственностью.

— Проклятье, женщина, ты разжигаешь мой аппетит.

Отстранившись ровно настолько, сколько потребовалось, чтобы дотянуться до штанов, он вытащил из кармана презерватив. Надев его, он снова уложил ее на спину.

Толкнувшись между ее ног, он задержался совсем рядом с ее влажным, сжимающимся лоном. Со сбившимся дыханием и суровым выражением на лице, он прожег ее настойчивым взглядом.

— Возьми меня всего, любимая.

Рейн еще шире раздвинула ноги и приподнялась к нему навстречу.

— Все, что ты дашь мне.

Сделав успокаивающий вдох, он начал медленно погружаться в нее, дюйм за дюймом. Каждый мускул в его теле находился под жестким контролем, она чувствовала, как он дрожит от своих попыток сдерживаться. Наконец, издав долгий низкий стон, он полностью вошел в нее.

Рейн почувствовала его вторжение не только телом, но и душой. Это нельзя было назвать простым сексом. Это было соединение — мыслями, дыханием, кожей... сердцами. Момент был практически священным.

Она еще сильнее прижалась к нему.

— Любимая, ты окутываешь меня, словно горячий шоколад. Такая мягкая и скользкая. Мне нужно трахнуть тебя.

— Я не стеклянная, Лиам. Ты не разобьешь меня, — пообещала она.

— Пожалуйста, трахни меня.

Лиам отстранился и снова вошел в нее, сжав руками ее бедра с безошибочной манерой собственника.

— В обычном своем состоянии, я бы отпорол тебя за такие слова, но когда ты говоришь мне это в лицо, тем более таким тоном... Ад и все черти, я начинаю хотеть тебя еще сильнее.

Она растаяла от его слов, приветствуя его вторжение в свое тело и погружаясь в пучину ощущений от того, что он с ней. Шок промчался сквозь нее, когда она почувствовала, что их связь становится еще крепче, этот момент был таким интимным и чистым.

— Какая у тебя влажная и сочная маленькая киска. Я не встречал никого, подобного тебе. Не могу дождаться, когда у тебя все пройдет. Ох, моя сладкая девочка, я такое с тобой сделаю...

Он снова прижался лицом к ее шее, мощно толкаясь в нее членом и входя до упора, срывая с ее губ неровное дыхание.

— Вот так. Громче. Боже, ты само совершенство. Кончи для меня, Рейн. Позволь мне услышать тебя.

Подстроившись под нее, он обхватил ее попку ладонями и приподнял навстречу своим бедрам. И затем, он начал врезаться в нее мощными непрекращающимися ударами, без остановки, без жалости и без единого намерения сдержать растущий оргазм. Когда она вскрикнула, он наградил ее диким взглядом, благодаря лунному свету прослеживая дорожку вниз, по ее телу, к тому месту, где он беспощадно вбивался в ее киску.

— Вот так, моя красавица. Тебе нравится? Да... Я чувствую, как ты сжимаешься вокруг меня при каждом проникающем толчке, — простонал он ей на ушко, заставляя вздрогнуть от своих слов.

— Ох, Боже, как же хорошо.

Лиам заставил ее чувствовать себя такой маленькой и женственной... но такой сильной. Она могла дотянуться до звезд от ощущения его глубокого погружения в нее

Рейн забыла, как дышать.

— Я уже почти...

— Посмотри на меня.

Он сжал ее волосы в кулак, цепко поймав ее взгляд, когда волны наслаждения обрушились на нее. Ее спина изогнулась. А крик отразился от потолка. Ее киска еще требовательнее сжалась вокруг него. И она не могла оторвать от него взгляд, находясь в плену его прикосновений, его члена, его власти.

— Рейн! — выкрикнул он, рыча от собственной разрядки, глубоко вколачивая себя в нее.

Постепенно, его хватка в ее волосах ослабла. Их дыхание замедлилось. А ее сердце перестало бешено биться.

Но в этот острый момент оглушительной тишины, они не могли оторвать взглядов друг от друга. Плотность атмосферы притяжения между ними была ошеломительной. У нее из глаз покатались слезы.

— Как это могло произойти так быстро?

Она думала, что не произнесла эти слова вслух, но удивление, отразившееся на его лице, подсказало ей, что она ошиблась.

— Честно говоря, я сам не уверен в этом, любовь моя.

Он провел кончиками пальцев по ее щеке.

— В одно мгновение мы просто разговаривали, а в следующее... Я не смог остановиться и не заявить на тебя свои права. Но теперь я перестал спрашивать себя об этом. Я...

Тревожный перезвон его мобильного прервал то, что он намеревался сказать. Выругавшись, он выскользнул из ее тела, подхватил телефон и прошагал в ванную. Спустя минуту, он вернулся обратно, неся в руках теплую ткань, и присел позади нее, удерживая телефон возле уха.

— Чего тебе, Бек?

Рейн приподнялась и села, пристально наблюдая за Лиамом. Должно быть, произошло что-то ужасное, если Бек звонит среди ночи человеку, которого не особо жалуется. Хаммер. Ее сердце сжалось от страха.

— К чему ты ведешь? — потребовал Лиам.

— Что случилось?

— А что, твою мать, могло случиться, как думаешь?! — проорал Бек настолько громко, что она разборчиво расслышала каждое слово.

— Ты приезжаешь сюда и трахаешь девушку Хаммера на глазах у всей толпы этой проклятой темницы, обманываешь его, после чего крадешь ее и увозишь в неизвестном направлении, говоря тем самым "пошел ты на хер". Так в чем проблема, не догадываешься?

— Я не стал бы ничего менять, даже если бы у меня была такая возможность. Я ни о чем не жалею.

Его глаз задергался.

— И потом после того, как ты обидел и сделал больно Рейн, я могу тебе сказать лишь одно, пошел сам знаешь куда.

— Не смей вешать трубку! Твой лучший друг превратился в инвалида, с тех пор как ты забрал ее, — кричал он.

— Ты слышишь меня? Верни задницу этой девчонки сюда, и разберите, черт возьми, этот гребаный беспорядок!

— Он больше не мой лучший друг, и я не верну ее обратно.

Не дождавшись ответа, он просто повесил трубку.

Сердце Рейн готово было вот-вот выскочить из груди.

— Лиам... мы должны поехать.

Молча, он добавил несколько капель масла чайного дерева на теплую губку и успокаивающими движениями начал растирать ее опухшую кистку. Это могло бы помочь ей, только если бы она не была так взволнована в данную минуту.

— Лиам?

Он проигнорировал ее.

— Тогда, ты остаешься. А я уйду. Хаммер нуждается во мне.

Она попыталась отодвинуть губку и уйти, но он схватил ее за руки, и, не говоря ни слова, закончил свою работу. Интимность его жеста поражала воображение, хотя она уже начинала думать, что с Лиамом подобное — нормально. Но, даже не смотря на это, она не могла справиться с паникой, бурлящей в ее венах.

— Ты слышишь меня?

— Да.

Ответ Лиама был резким, почти сердитым.

— Я должна вернуться домой.

— Что заставляет тебя хоть на секунду подумать о том, что я верну тебя обратно? Я собирался послать курьера за твоими вещами, чтобы никогда больше не переступать порог этого места.

— Но это мой дом. Я...

В каком-то смысле, такое его решение было оправданным. Отношения между Лиамом и Хаммером уже никогда не станут прежними. И это на ней лежала вина за их испорченную дружбу. Хотя, ее отношения с Хаммером тоже уже не войдут в прежнее русло. У нее даже на мгновение не проскользнуло мысли о том, что встреча с ним будет легкой.

— Это больше не твой дом, девочка.

У Рейн перехватило дыхание и она, вырвавшись, отползла от него подальше на кровати.

— Это не так. Мой дом всегда будет там.

— Ага, тот самый, из которого ты сбежала всего лишь пару дней назад. С чего вдруг такие внезапные перемены в настроении?

Он прищурился, молчаливо предупреждая ее даже не упоминать при нем имени Хаммера.

— Я просто угрожала уйти навсегда, но глубоко внутри, эта идея убивала меня. Я не хотела покидать это место. Тогда у меня не было другого выбора, но сейчас... он нуждается во мне.

— Хаммер — взрослый человек. Он в состоянии позаботиться о себе сам.

— Ну, очевидно, что это не так, иначе Бек не звонил бы посреди ночи. У меня есть долг перед Хаммером.

Лиам смотрел на нее невозмутимым взглядом, от чего ее ладонки сжались в кулаки.

— Я чертовски обязана ему!

— Следи за выражениями. В противном случае, я вымою тебе язык огромным количеством мыла, отпечатав на нем твое имя.

— Да пошло все нахрен! Мы говорим о человеке, чья судьба нас обоих немало волнует, а не о каком-то пункте соблюдения протокола. Я не могу позволить ему заниматься и дальше саморазрушением. Он мог бросить меня еще шесть лет назад. Но он подобрал меня. Спас. Я

обязана ему. Было бы гораздо лучше, если бы у меня была твоя поддержка, но если ты против, то я обойдусь и без нее.

Скрипнув зубами, он забрался на постель и, схватив ее за руку, подтащил к себе.

— Ты просто оплачиваешь долг... или все еще лелеешь надежду о нем, раз он сходит с ума, скучая по тебе?

Она не могла с уверенностью ответить на вопрос Лиам. Хаммер действительно скучал по ней? Он же не мог рассыпаться на части только из-за одного ее отсутствия, ведь правильно? Рейн облизнула губы. Разум говорил ей, что мечты о Хаммере безнадежны, но она не могла взять и просто оставить его.

— Думай что хочешь. У тебя все равно будет свое мнение на этот счет.

Вывернувшись из-под него, она пошла в ванную. Дрожащими руками ей удалось включить душ. Она была измотана, каждая мышца в ее теле требовала отдыха и покоя. Резко дернув дверцу душа, она шагнула в него. У нее не было никаких мыслей по поводу того, что же Лиам будет делать с ней дальше... умоет руки и уедет куда подальше? Стоя под горячими струями воды, она расплакалась. Потому как, с его уходом, у нее ничего не останется.

Она скользнула на пол и, всхлипывая, закрыла лицо руками, как только это осознание накрыло ее. У нее все равно не было другого выбора.

С тяжелым сердцем, Лиам отодвинул дверцу душа и замер, наблюдая за тем, как вздрагивает от рыданий тело Рейн. Черт бы побрал этого Хаммера. Вздохнув, он опустился на колени.

— Нет нужды плакать, девочка. Конечно, твое неуважение, по отношению ко мне, расстраивает, но... я разозлился не поэтому. Твой порыв спасти, так жестоко использовавшего тебя человека, многое говорит о твоём мягком сердце.

— Это не было так ужасно. Мне понравилось, — призналась она.

Слова, словно пощечина, ударили его по лицу. Он снова встал, взглянув на нее, и положил руки на бедра.

— Тогда почему ты пошла со мной?

Между ними повисла тяжелая пауза. Он мог поспорить, что она сама не знала ответа на этот вопрос. Единственное событие, которое преобразило последние годы его жизни... а оказывается, она не испытывала к нему даже и половины тех чувств, которые были у него к ней. Да что за хрень!

— Потому что..., - произнесла она, наконец, — с тобой, у меня могло быть все, чего я когда-либо хотела. Ты пробудил во мне женщину, живую, красивую, с чувством собственного достоинства. Ты хоть представляешь, насколько сильно я в этом нуждалась? И как долго? — прокричала она.

— Я устала искать выход из тупика. Мне пора поумнеть. Ты показал мне, какая я на самом деле, и какими могли бы быть мы, будь мы вместе. Как, после всего этого, я могу не желать быть с тобой?

Лиам обдумывал ее ответ, слово за словом. Ее рассудок подсказывал, что Лиам лучше подойдет ей. Но ее сердце... все еще принадлежало Хаммеру. И Лиам, в свою очередь, был настоящим дураком, когда сказал ей о том, что ему нужно от нее исключительно доверие, а не любовь. Он так чертовски сильно ошибался.

Он смотрел на нее, удерживая ее взгляд, не уверенный в том, что должен сказать. В его голове прокручивались различные возможности. Два дня было недостаточным сроком,

чтобы она успела влюбиться в него. Наверняка ему потребуются недели. Месяцы с ней. Но он добьется своего. Он украдет ее сердце у Хаммера.

Говоря о себе, он был абсолютно уверен в двух вещах... он мог быть терпеливым. И безжалостным. Его фишка была в том, что он мог дать ей то, на что Хаммер был не способен.

Лиам вздохнул.

— В таком случае, ладно. Я не буду удерживать тебя здесь, против воли. Мы вернемся. Но ты должна понять, ты на моей стороне. Поэтому будешь следовать моим правилам. Если тебе так приспичило беспокоиться о Хаммере, то я хочу довести до твоего сведения, что не позволю ему еще раз затащить тебя в постель.

На какое-то мгновение в его голосе прорезались угрожающие нотки.

— Я не позволю ему встать между нами. Это понятно?

— Да.

Пришло время укрепить свое положение, занимаемое в ее жизни.

— Да, что?

— Да, Сэр. Благодарю Вас.

Встав на колени, Рейн подняла к нему свое лицо. Лиам наклонился к ней.

Боже, как же она замечательно пахла. Даже вопреки тому, что он только что ее трахнул, ему захотелось это повторить. С его позволения, этот момент продлился еще на один удар сердца. Но она все еще не открыла глаза.

Наконец, положив ладонь на ее шею, он обрушился на ее рот в коротком, отчаянном поцелуе. Пока что, это все, что он мог сделать в настоящий момент, в противном случае, он разложит ее на кафельной плитке и снова скользнет в нее.

— Не забудь.

Он пристально посмотрел на нее, безмолвно требуя подтверждения с ее стороны.

Она кивнула.

— Ни за что, Сэр.

— Оденься, после того, как примешь душ. Я заказал тебе кое-какую одежду, она на полке в туалете. Мне нужно сделать еще пару звонков, и затем мы двинемся в путь. Будь готова через полчаса.

Она вздохнула с облегчением, благодарно глядя на него в ответ. Это разрывало его изнутри. Она была счастлива... встретиться с другим своим любовником.

Подавив внезапно закипевшее раздражение, Лиам вышел из душа.

Присев на край кровати, и упершись локтями в колени, он уронил голову на руки. Какого черта, все это подошло к такому быстро приближающемуся сокрушительному концу? Обычно он не привязывался так быстро к человеку... но эта связь с Рейн, была до ужаса реальной, гораздо сильнее, чем то, что было между ним с Гвинет.

Потерев лоб ладонью, он, массирующими движениями, надавил пальцами на глаза. Он ни черта не понимал, что случилось с ним со времени приезда в "Темницу", но одно он знал точно, что лучше сдохнет, чем отпустит Рейн от себя.

Если Хаммер так хотел ее вернуть... что ж, Лиам умеет вести грязную игру.

Солнечный свет ослепил Хаммера, и он зажмурился.

Было ощущение, что в его голове играл духовой оркестр, да еще и в полном составе. Гребаное похмелье. Все что он понял из вчерашнего вечера, так это то, что залить боль от потери Рейн алкоголем ему не удастся.

Застонав, он скатился с кровати и с заплетающимися ногами поплелся в душ, в надежде, что горячая вода сможет привести в порядок его пульсирующую голову. Даже глаза, казалось, своей пульсацией отбивали точный ритм его сердца, будто собирались выскочить из орбит.

Кусочки прошлой ночи постепенно складывались в общую картинку в его мозгу и он смутно начал припоминать, как Бек разыгрывал из себя частного психолога на выезде. А он излил ему свою душу, как гребаный слабак.

— Зашибись! — проворчал он, чувствуя, как на него накатывают волны смущения.

Торопливо помывшись и обтерев свое ноющее тело, он старательно почистил зубы, чтобы избавиться от стойкого послевкусия Patryn у себя во рту. Натянув одежду, он застонал. Сейчас ему нужно найти таблетку аспирина и сварить кофе. И проделать это нужно именно в таком порядке.

Придя на кухню, где так любила хозяйничать Рейн, знакомое беспокойство, от которого он так и не смог избавиться, снова схватило его за яйца.

Не в силах спокойно ждать, пока кофеварка сварит кофе, он напряженно наблюдал за тем, как медленно заполняется напиток его чашка. До сегодняшнего дня, за последние шесть лет, он делал себе кофе всего лишь один раз, и то, когда Рейн заболела гриппом. Тогда, он всю ночь просидел у ее постели, наблюдая за ее беспокойным сном, и когда она просила, помогал ей добраться до ванной комнаты. Чтобы не заснуть, он варил себе целый кофейник, и, захватив с собой свою кружку, нес все это к ней в комнату, чтобы неустанно присматривать за ней. Но это было тогда... а сейчас она исчезла из его жизни.

Выпив немалую дозу обезболивающего, и налив себе здоровенную кружку кофе, он шагнул в безлюдное подземелье. Все члены клуба давно разошлись, и комната, похожая на пещеру, казалась холодной и мертвой... точно, как и его душа. Слоняясь мимо разных приспособлений, расставленных по комнате, он даже не был удивлен, когда, придя в себя от размышлений, он обнаружил, что стоит около той самой скамьи для порки, на которой совсем недавно Рейн принимала свое публичное наказание.

Разве это случилось всего лишь два дня назад? Хаммеру казалось, что прошло уже, как минимум, две жизни.

От образа Рейн, пристегнутой наручниками к скамье, его внутренности стянуло тугим узлом. А его член, словно у проклятого извращенца, вновь вернулся к жизни. Даже сейчас, когда ему до жути хотелось проломить башку Лиаму за то, что тот заявил права на его Рейн и увел ее у него из под носа, он не мог отрицать того, как великолепно она смотрелась, будучи связанной и покорной. Но еще более восхитительно, она выглядела в его постели, принимая в себя его член.

Пусть даже он не сможет прикоснуться к ней снова, но он не собирался спокойно сидеть и ждать, сложа руки, пока Лиам где-то прячется, украв у него Рейн. Он перероем каждый гребаный участок этой земли, пока не найдет ее, и начнет он с дома Лиамы в Нью-

Йорке. Ведь, так или иначе, ему все равно придется совершить свое ежегодное путешествие... хотя сейчас, он вообще не хотел об этом думать.

Потягивая горький напиток из своей кружки, он прикидывал в уме, кому ему нужно будет позвонить и какие вопросы стоит решить сначала. Он был совершенно готов к тому, чтобы оказаться на другой стороне континента еще до обеда.

Хаммер прошелся пальцами по мягкой коже скамьи.

— Я найду тебя, прелесть. И верну тебя домой, где бы ты сейчас не находилась.

И что тогда? Усмехнулся надоедливый голосок где-то в его подсознании. С тяжелым вздохом, он выбросил этот тревожный вопрос из головы. Он что-нибудь придумает. Детали не важны, главное найти ее. И прямо сейчас, ему нужно пойти и упаковать свои вещи для полета.

Нет, все, в чем он сейчас действительно нуждался, так это — увидеть ее красивое лицо... почувствовать ее мягкое и нежное тело в своих объятиях... услышать ее сладкие крики удовольствия, резонирующие в его ушах. Черт возьми, нет! Ему всего лишь нужно знать, что с ней все в порядке. Конец истории.

Оторвавшись от скамьи, он большими шагами двинулся в сторону своего офиса. И замер, услышав, как открылась входная дверь.

Было еще слишком рано, чтобы кто-то из гостей решил посетить клуб. Проблеск надежды мелькнул в его сознании, когда он бежал к парадному входу, по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки. Свернув за угол, он увидел ее. Рейн. Ох, слава Богу. Она пришла домой, к нему.

Даже не смотря на то, что Лиам еще не успел зайти и был практически не виден за ней, Хаммер не мог не почувствовать, исходящие от мужчины волны ярости. Долбанный ублюдок.

И ему было плевать на то, как сильно был оскорблен Лиам. Теперь только одна вещь имела значение — Рейн вернулась.

Хаммер в несколько шагов преодолел расстояние между ними. Его тело не успевало за мыслью, он просто физически не мог приблизиться и притронуться к ней так быстро, как ему того хотелось. Но как только он потянулся, чтобы обнять Рейн, Лиам выступил вперед и спрятал ее себе за спину, принимая при этом защитную и предупреждающую позу.

Смерив его ровным и холодным взглядом, Лиам произнес:

— Отойди. Ты не имеешь никакого права, прикасаться к ней.

Уклонившись от другого мужчины, Хаммер вторгся в личное пространство Рейн и внимательно посмотрел ей в глаза. Но на этот раз, ему не удалось прочесть, о чем она думала. Что, черт возьми, этот мудака сделал с ней?

Он наклонился к ней, намереваясь обхватить ее щеку ладонью.

— Не смей, блять, прикасаться к ней, — прорычал Лиам.

Хаммер застыл, не отрывая своего пристального взгляда от Рейн.

— Мне нужно поговорить с тобой, прелесть. Пойдем со мной в мой кабинет, всего на несколько минут.

Он со злостью посмотрел на Лиаму.

— Наедине.

Прикусив губу, она отвернулась от него, и с немым вопросом в глазах, взглянула на Лиаму. Его словно ударили коленом по яйцам, когда он понял, что она спрашивает у Лиаму разрешения.

Ох, блять, нет! Как, черт возьми, Лиам смог приручить ее, чуть больше, чем за двадцать четыре часа?

Хаммер судорожно сглотнул, пытаясь восстановить свое дыхание. Это, должно быть, какой-то запутанный эпизод из "Сумеречной Зоны".

Лиам покачал головой. Плечи Рейн опустились, она вздохнула, и, кивнув, уставилась своим взглядом в пол.

— Ублюдок! зашипел Хаммер, его сердце сжалось от шока и ярости.

— Что ты сделал с ней, сукин сын? Заставил ее с отличием закончить университет Степфорда по специальности «Сабмиссив, как стиль жизни»?

— То, что должен был сделать ты! понизив голос, Лиам шагнул в сторону Хаммера, не отрывая от него своего взгляда.

— И если она беременна, ты эгоистичный мудака, то клянусь всеми святыми, что возьму пинцет и лично порежу твоё тело на мелкие кусочки.

Слова Лиам оскорбили его, но нежное выражение лица Рейн стерло обиду. Беременна? Разумная его часть уже хотела в ужасе отшатнуться от возможной перспективы, но что насчет его примитивной природы? Которая, уже хотела праздновать победу.

Рейн была слишком мягкосердечной для того, чтобы самовольно прервать беременность, и понимание того, что у них с ней, возможно, есть что-то созданное вместе, какая-то общая частичка, было таким правильным, словно произошло в естественном порядке вещей. Боже, ну, разве он не тупая скотина?

Но, если она по-настоящему беременна от него, он вырвет ее из рук О'Нейла в мгновение ока.

— Какого черта ты так с ней обошелся? — не отступал Лиам.

— Внутри и снаружи, каждый дюйм ее тела покрыт синяками.

Глупый придурок думал, что он плохо обращался с Рейн? Иисусе, да Лиам ни за что не узнал бы настоящих следов страсти, даже если бы они бросились ему в глаза.

— Поэтому, я ни на минуту не оставлю ее без своей защиты и тем более, наедине с тобой, — продолжил Лиам.

— Все, что ты хочешь сказать ей, ты скажешь только в моем присутствии или вообще никак. Пойми, наконец, своей тупой башкой, она моя. И если ты нарушишь кодекс поведения, она снова уедет со мной. И на это раз, навсегда.

Да ни за что на свете, Лиам больше не украдет Рейн у него.

— Я не давал ей ничего из того, о чем бы она не умоляла меня, — усмехнулся Хаммер.

— Раз за разом.

Рейн сжала челюсти и послала ему умоляющий взгляд, которым просила, прекратить подливать масло в огонь.

Охренеть. Сверлящий взгляд Лиам буквально говорил ему, что ублюдок ищет любой предлог или даже намек на предлог, чтобы воплотить в жизнь свою угрозу.

Вот дерьмо. Хорошо! Он будет говорить и делать все, что угодно, лишь бы удержать ее здесь. Если Лиам заберет ее снова, тем более навсегда... то, последние несколько бесконечных часов объективно показали, что он свихнется в одиночестве.

Будто почувствовав ее движение, Лиам оглянулся через плечо.

Большинство сабмиссивов опустили бы взгляд в пол, особенно в присутствии двух разъяренных Домов, чье внимание сконцентрировано на их персоне. Но только не Рейн. Она робко обошла Лиам и встала между ними.

Сперва она положила ладонь на грудь ирландского придурка. Но спустя секунду, не дав тем самым Хаммеру захлебнуться в собственной ревности, тоже самое, она проделала и с ним.

Ее прикосновение пробрало его до самой глубины души, не забыв, конечно, затронуть его либидо. Поэтому, Лиам мог говорить все, что угодно; но она по-прежнему была его.

— Я знаю, что не имею права говорить без разрешения, и позже, если Вы захотите, сможете наказать меня за это, — сказала она Лиаму.

— Всю дорогу обратно я думала кое о чем... последнее время очень много всего случилось. Произошло множество событий, еще больше оскорблений было сказано в адрес друг друга. Но, ребята... вы же были друзьями задолго до встречи со мной. Это разногласие всего лишь временное явление. Я не хочу ругаться ни со своим боссом, ни со своим Господином. И уж точно я против того, чтобы вы двое ссорились друг с другом. Все это, словно яд, отравит наши отношения и навредит клубу в целом. И я знаю, что вы оба сейчас на взводе, но... просто подумайте об этом. Ради меня.

Хаммер боялся, что она просит о невозможном, но остался невозмутимым, когда она посмотрела в лицо Лиаму.

— Я собираюсь приступить к работе и навести порядок. И потом, мне нужно проверить поставки и провести инвентаризацию алкогольных напитков. А вам двоим, необходимо поговорить.

Привстав на цыпочки, она подарила мужчине поцелуй в губы и легкую улыбку, после чего, развернувшись и направилась напрямик к лестнице.

— Я согласен на это, но мы должны прояснить несколько вещей, прямо здесь и сейчас.

Голос Лиамы заполнил опустившуюся на помещение тишину. Она обернулась к ним, настороженно моргая.

— Если ты хочешь продолжать работать здесь, что ж, я не против, но работа — это все, что ты будешь выполнять, любимая. Хаммер в состоянии сам позаботиться о себе. У него предостаточно сабмиссивов на содержании, а если ему потребуется больше, то один телефонный звонок может все решить.

Хаммер ухмыльнулся и покачал головой. Лиам вытащил наружу самый главный комплекс Рейн. И Хаммеру такой расклад был на руку. Этот напыщенный мудака, только лишняя раз напомнил ей о ее ревности, о том времени, когда он проводил время с другими сабами. Вот так, урод... продолжай в том же духе, пусть в ней растет желание к нему. В действительности, Хаммер был намерен предоставить Лиаму каждую возможность самому себя загнать в угол.

— Ты больше не будешь его горничной, не будешь суетиться вокруг него, менять ему простыни, готовить кофе и угощать своей выпечкой, — настаивал Лиам.

— Ты перестанешь делать для него все, что ты до этого с таким изяществом выполняла, Рейн. У него нет права прикасаться к тебе. Все, что я только что перечислил — недопустимо.

Подняв брови, он посмотрел на Рейн.

— Мы договорились?

Хаммер вздрогнул, наблюдая за Рейн, после чего медленно сглотнул. Все внутри него, просто закипало от ярости.

— Да, Сэр.

Не смотря на то, что она произнесла эти слова, он не мог не пропустить в них

печальную нотку.

Очевидно, Лиам совсем не знал Рейн. Этот придурок требовал ее отказаться от огромной доли своей натуры сабы. Лиам пересек черту разумности и двигался в направлении полного идиотизма. Находясь в таком состоянии, что он сделает с Рейн?

Не успев как следует подумать, Хаммер занес было кулак. Но Рейн пригвоздила его пристальным взглядом и покачала головой. Вот, черт. Неистовая потребность толкала его вытащить ее из лап своего "друга" и выбить из того все дерьмо, чтобы сохранить ее в безопасности.

"Я этого не стою", проговорила она одними губами. И эти слова предназначались исключительно ему. Боже, она не могла ошибаться еще сильнее. Но ее умоляющие голубые глаза... Проклятье, он не станет усложнять обстоятельства, чтобы не навредить ей.

Хаммер посмотрел на Рейн яростным пристальным взглядом, которым говорил ей, что она была чертовски неправа.

Затем, не говоря ни слова Лиаму, он развернулся и зашагал прочь, делая глубокие вдохи, чтобы обуздать свою ярость. По крайней мере, Рейн была дома и в безопасности. Это и так уже было больше того, что он ожидал, проснувшись сегодня утром.

Но она по-прежнему была с Лиамом... по крайней мере, сейчас. Его хитрый друг, должно быть, продумывал каждый свой шаг. Он изучил девочку, выждал момент, когда она стала уязвима, и убедил Рейн в том, что способен дать ей то, в чем она нуждается.

Лиам вообразил себя тем, кто сможет излечить ее раненую душу. И Хаммер винил в этом исключительно самого себя. Он думал только своим сердцем и членом. И теперь, пришло время, это изменить. Потому что, ему было наплевать на то, что сказал Лиам, он не станет ему потакать.

У мужчины была темная сторона, которую Рейн пока еще не разглядела. В конечном счете, он поиграется с ней и выбросит, а Хаммер будет держаться поблизости, чтобы успеть защитить ее, и наказать ублюдка, посмеявшегося ее обидеть.

Спускаясь вниз по лестнице, он составлял план, ожидая подходящего момента, претворить его в жизнь...

Словно зверь в клетке, Хаммер метался по своей комнате. Слова Лиамы, снова и снова, звучали у него в голове... Если она беременна... Если она беременна...

Но что, если она действительно забеременеет и не скажет ему об этом? И он узнает эту новость последним, хотя, как раз именно этот факт волновал его меньше всего. Находясь в беспокойном состоянии духа, он провел рукой по волосам.

Выйдя из офиса, он спустился в холл, проверил кухню, затем кладовую, где хранится выпивка, заглянул даже в комнату отдыха. Но Рейн нигде не было.

После чего, Хаммер снова прошелся по коридору, и остановился у закрытой двери, ведущую в комнату Лиамы. Затаив дыхание, он прижался ухом к деревянной поверхности и прислушался. Полная тишина.

Перекатившись на пятки, он торопливо обогнул угол и зашел в темницу, где обнаружил ее, как обычно занимающуюся чисткой и подготовкой оборудования и всего остального, для вечерних посетителей.

Быстро осмотрев помещение, на его губах расплылась торжествующая улыбка. Она была одна.

Наблюдая за тем, как она работает, он наконец-то смог вдохнуть полной грудью и не

чувствовать того, что в его сердце торчит нож. Под короткой юбочкой, он заметил в верхней части ее бедер отвратительные синяки, оставленные Бекон. Его зубы непроизвольно сжались. Но когда она повернулась, чтобы выбросить чистящие салфетки в мусорное ведро, он увидел большие фиолетовые отметины на ее руках и шее, на этот раз оставленные им самим. И у него тут же зачесались ладони, от желания снова прикоснуться к ней, чтобы еще раз ощутить ее шелковистость на своем обнаженном теле.

Сделав глубокий вдох, он тихо подошел к Рейн, остановившись всего в нескольких футах от нее.

Будто почувствовав его приближение, она повернулась к нему и в течение нескольких секунд смотрела на него, после чего опустила свой взгляд. Она не успела достаточно быстро отвести глаза, поэтому он заметил промелькнувший в них намек на вину.

Ему не следует разговаривать с ней. Язык ее тела буквально кричал о том, что этим она опозорит Лиам. Ему следует уйти и оставить ее в покое, но, черт, он не мог.

— Я знаю, что не имею никакого права, но я должен попросить тебя об одном одолжении, прелесть.

Когда она подняла на него осторожный взгляд, он сжал кулаки в попытке удержать себя от прикосновения к ней.

— Я приложу все усилия, чтобы уважать твой выбор в отношении Господина.

Хотя в этот самый момент его разум орал, как сумасшедший, об обратном.

— Но если у тебя будет задержка, я хотел бы стать первым, кто узнает об этом, а не последним. Пожалуйста, ты сделаешь это для меня?

Рейн засомневалась, и его сердце пропустило удар. Он уже подготовил аргументы, чтобы убедить ее, но она, наконец, кивнула.

— Этим ты ставишь меня в неловкое положение, Хаммер, и ты это знаешь. Но... тебя это тоже касается. Поэтому, ты имеешь право знать.

Облегчение затопило его вены. Она выглядела так, будто хотела сказать еще тысячу разных вещей, но продолжала хранить молчание.

Хаммеру была ненавистна сама мысль о том, что она чувствовала, что больше не может с ним разговаривать. Лиам сделал это с ними. Ну, точнее, Лиам и его собственная тупость. Но если он хотел оставить хотя бы какой-то намек на общение между ними, ему ни в коем случае нельзя позволять ей закрыться от него сейчас.

— Что бы там ни было, прелесть, скажи мне.

Он видел, как в ее глазах промелькнула тень сомнения, после чего она вздохнула.

— Я обязана тебе жизнью, я знаю. Но теперь, у меня есть долг и перед ним. Поэтому я собираюсь приложить все свои усилия, чтобы наладить отношения между вами.

Она облизнула губы, и он заметил, что те припухли, как если бы ее долго и жадно целовали. Черт, он сгорал от ревности.

— Ты не должна беспокоиться об этом. Меня больше волнуешь ты. Будь осторожна, Рейн. Он не тот, каким ты его считаешь и -

— Остановись. Я не хочу обсуждать Лиам за его спиной. Не ставь меня в такое положение.

Она встала и положила руки на бедра.

— Я не знаю, что происходит с тобой, и почему Бек позвонил и сказал, чтобы я вернулась домой и помогла тебе. Но не заставляй меня пожалеть о своем решении.

— Бек? — у него было смутное воспоминание о том, как он умолял садиста о помощи.

Получается, Бек позвонил Лиаму, чтобы найти ее? Бек уже успел растрезвонить всем, как сильно напился Хаммер? Или каким слабаком он себя показал. Что ж, теперь у него есть еще одна причина прикончить эту сволочь.

— Да. Лиам разговаривал с ним, но Бек кричал и был чертовски... ужасно настойчив, требуя, чтобы мы вернулись сюда.

Она пожалала плечами.

— Таким образом, Лиам и я, гм... поговорили об этом, и вот мы здесь.

То есть Рейн, повлияла на Лиаму? Загнала его под свой маленький каблучок? Пусть, сейчас она в этом не признается, но вскоре он докопается до правды. Ему придется найти такой способ, чтобы у этого ублюдка не было никаких подозрений. Но черт, все эти мысли не помогали ему избавиться от похмелья.

Рейн протянула руку, чтобы прикоснуться к нему, но спустя мгновение, казалось, передумала, и отдернула ее.

— Мое знаменитое средство от похмелья? Я не могу сделать его для тебя, но.....

Она вздохнула.

— Разбей одно яйцо и сделай сухой тост, после этого смешай Гаторейд и Сибирский Женьшень. Все найдешь в шкафчике со специями. Как выпьешь эту смесь, прими дополнительно витамин — В. И в течение дня, пей как можно больше воды.

Она сердито посмотрела на чашку с кофе в его руке.

— И хватит пить это дерьмо. Это обезвоживает твой организм, и делает только хуже. Пожалуй, на сегодня, с меня достаточно рекомендаций.

С едва уловимой улыбкой на губах, Хаммер посмотрел на нее. Рейн не нарушала правил, она просто немного схитрила. Ради него.

— Спасибо тебе, прелесть, — сказал он ей вслед.

Ближе к вечеру, Рейн зевнула и постучала в дверь офиса Хаммера. Но поскольку всего несколько минут назад, он был с гостями наверху, то сейчас она не ожидала его здесь увидеть. И, конечно же, тридцать минут назад, он зависал с — ущипните меня — Марли. К счастью, его сет с пластиковой страхолудиной к моменту ее появления уже был закончен. Рейн давно перестала задаваться вопросом о том, что Хаммер и другие мужчины находят в этой кукле Барби.

Когда никто не ответил на ее стук, Рейн, толкнув, открыла дверь, втащив с собой внутрь мусорный пакет, после чего начала вычищать все мусорные контейнеры в частной зоне Хаммера. Это место было своеобразной серой областью в правилах Лиамы. Почему бы не пройти лишних десять шагов в личные комнаты Хаммера из кабинета, если она и так уже зашла в его офис, чтобы выполнить свою работу. Хотя, если говорить начистоту, ей просто хотелось немножко пошпионить за ним.

Все емкости для мусора в его спальне и ванной были практически пусты. Она старалась не задумываться над тем, что бы это могло значить, в кой-то веки там не было пригоршни использованных презервативов, после очередного визита Марли, на дне лежало только затупившаяся одноразовая бритва и коробочка из-под мыла.

Чувство совершенно неуместного облегчения раздражало ее. И заставляло чувствовать себя еще более виноватой. Ведь у нее могло бы быть будущее с заботливым мужчиной, который не отталкивал ее от себя на каждом шагу. Поэтому, ей нужно прекратить думать о Хаммере, как о чем-то большем, чем просто своем боссе. И уж тем более, ей следует забыть

о нем, как о своем любовнике. Но проще сказать, чем сделать.

Хотя о Лиаме она беспокоилась не меньше. Он буквально преследовал ее целый день, заставляя делать перерывы в работе, когда она уставала. Он также всегда был рядом, когда она была слишком упряма, в своем нежелании отходить от работы, и не хотела идти на ланч. Не единожды, он интересовался ее эмоциональным состоянием и невозмутимо ждал ее ответа. Она не могла даже мечтать о ком-то более внимательном, чем он, а ее сердце счастливо замирало, стоило ему только ей улыбнуться.

Но ее все еще не отпускали Хаммер и печаль, читающаяся в его глазах. Она не знала что делать, что сказать ему... как себя вести. Каждый раз, когда их взгляды пересекались, она видела в его глазах порочное знание о ней, и ее предательское тело тут же напрягалось в чувственном предвкушении. Боже, ну почему она не могла просто разобраться со всем этим дерьмом и жить нормальной жизнью?

После того, как она опустошила контейнер под столом Хаммера, она собрала мусор отовсюду: из комнат для гостей, главного офиса, и кухни, а затем с силой дернула дверь, ведущую на улицу. Ей, определенно, придется попотеть, чтобы выволочь к основному мусорному контейнеру, до отказа набитый пакет.

Проклятье, каждая косточка в ее теле ныла, и она чувствовала себя словно избитой. Сегодня она проспала целую ночь... ну, пока у Лиама не появились на нее планы. Хотя этот факт совсем ее не расстраивал.

За ее спиной снова хлопнула дверь, ведущая в переулок за клубом, и она повернулась, ожидая увидеть там Лиама, с предложением помощи в поднятии ее ноши.

Но она озадачилась, когда вместо него появилась Марли. Женщина направлялась прямо к ней, с самым отчетливым выражением неудовольствия на лице, на которое только была способна ее перекаченная ботоксом физиономия. Глаза Марли метали молнии, пока она не спеша подходила к ней. И остановившись, отвесила ей пощечину.

Рейн тут же прижала ладонь к саднящей стороне лица. У нее даже приоткрылся рот, пока она мысленно старалась оценить ситуацию. Если бы она не работала в клубе, то обязательно ответила бы этой сучке тем же.

— Какого хрена с тобой происходит? — спросила она требовательным тоном у Марли.

— Гребаная шлюха! Что ты сделала с Хаммером?

Непроизвольно у Марли из горла вырвался яростный вой, когда она снова начала заносить руку. Одним движением Рейн отмахнулась от ее надвигающейся ладони.

— Да ничего я ему не сделала!

— Долбанная лгунья! Он был лучшим трахалем из тех, кого я знала, а ты... ты просто не смогла стерпеть того, что он был со мной? Так вот, теперь он абсолютно бесполезен.

— Что ты имеешь в виду, говоря "бесполезен"? — нахмурилась Рейн.

— И даже не смей ударить меня еще раз.

— Я скорее выцарапаю твои мышинные голубые глаза. А ты как думаешь, что это может значить?

Пожаловалась она.

— Даже не могу себе представить, зачем ему изнурять свой большой, великолепный член с тобой, когда у него есть я. Как будто ты знаешь, что делать с...

Она закатила глаза.

— Но сегодня, во время нашей сессии, он отказался прикоснуться ко мне. Все что он делал, это наказывал меня за то, что я не ты: не такая сладкая, как ты, не такая покорная, как

ты. Он хотел, чтобы я стала больше похожа на тебя. Словно я ниже, чем ты, ни-на-что-негодный кусок белой швали!

Покраснев, Рейн сделала ответный выпад в лицо Марли.

— Возможно я и, как ты выразилась, "белая шваль", но, по крайней мере, я не плачу доктору за увеличение своих активов. И позволь мне сказать тебе кое-что... Хаммер втиснул свой большой и великолепный член в каждое мое отверстие, и у меня синяки по всему телу, доказывающие сей факт.

Она задрала юбку, чтобы показать цветные отметины на своих ногах и верхней части бедра. У Марли расширились глаза. Дааа, эти новости пошатнули ее маленький, заключенный в этом клубе, мирок. Плюс одно очко в пользу белой швали.

— А если он больше не прикоснется к тебе...

Рейн не смогла сдержать улыбку.

— Я буду считать, что раз у него появилось что-то получше, он перестал быть заинтересован в такой пластиковой шлюшке, как ты. Поэтому тебе, дорогуша, теперь остается только мастурбировать в уголке!

Она попыталась обойти остолбеневшую блондинку, но тут к Марли вернулись силы и все то время, что она провела в тренажерном зале, дало о себе знать. Схватив за руку, сучка, дернула ее назад и резко толкнула к мусорному контейнеру.

— Хаммеру следовало бросить тебя на улице. Там тебе самое место. Он не испытывает к тебе ничего, кроме жалости. Я даже не беспокоюсь. Скоро он устанет от прозябания с бродяжкой и вернется ко мне.

Да, он вполне был способен на такое, и Рейн даже при одной мысли о подобном, хотелось лезть на стену. Но, не смотря на это, она не собиралась давать Марли даже проблеска надежды.

— Задержи дыхание и смотри, что случится, детка.

Рейн покинула Марли, оставив ту раздумывать над своими словами.

Практически дымаясь от ярости, она дернула дверь на себя и ворвалась в затемненный холл, направляясь прямиком в свою спальню. Но наверху, рядом с частными комнатами, промелькнул Хаммер.

Она все еще чувствовала, как у нее горит щека. Не было ни единого сомнения в том, что кожа покраснела. Если только он узнает, что она спуталась с Марли, то подумает, что они подрались друг с другом на почве ревности. Хотя, не так уж далек он будет от истины.

Крутанувшись на пятках, она развернулась и устремилась к кухне, дрожа и молясь о том, чтобы он не успел, как следует рассмотреть ее лицо.

— Рейн? — глубокий голос, так часто заставляющий ее сердце биться быстрее, заполнил небольшое пространство коридора.

Прикрывая свою пылающую щеку, она развернулась к нему вполоборота,

— Посмотри на меня, прелесть. Не прячься.

Закусив свою нижнюю губу и молясь о том, чтобы отпечаток ладони пластиковой дряни уже прошел, она, вздернув подбородок, развернулась полностью, встречаясь с ним лицом к лицу. В два широких шага, он оказался рядом с ней, аккуратно обхватывая своей крупной ладонью за подбородок, и запрокидывая назад ее голову, поворачивая к свету.

— Что, черт возьми, произошло? Кто это сделал с тобой?

Его тело сотрясало от ярости и нарастающего гнева.

— Ничего. Никто.

От зарождающегося чувства страха, она закрыла глаза.

— Просто, забудь об этом. Пожалуйста. Если Лиам увидит, что мы разговариваем...

— К черту Лиаму, мне не нужно его гребаное разрешение, чтобы поговорить с тобой, я не долбаный самбиссив! Я задал тебе вопрос, и не смей мне снова лгать!

— Но мне то, как раз нужно его разрешение, чтобы поговорить с тобой. В течение дня я нарушила это правило уже дважды. Ты что, хочешь все испортить? Если сам не можешь обо мне заботиться, то и ни кому не дашь, я правильно понимаю?

Отступив назад, она резко осеклась.

— Забудь, что я сказала. Просто... я не хотела бы давать Лиаму повод наказывать меня. То, что случилось... это не важно. Не думаю, что это повторится.

— Нет. Я не стану забывать то, что ты сказала, мы обсудим это позже. Я, кстати, не понимаю, как он представляет себе то, что ты будешь работать здесь и при этом не разговаривать со своим начальником. Но тебя это не должно касаться. Я сам разберусь с ним. Возвращаясь к теме нашего разговора, это он сделал с тобой?

Хаммер опасно прищурился.

— Поэтому, ты не рассказываешь мне, кто ударил тебя? Ты защищаешь его, не так ли? Я разорву этого чертова ублюдка в клочья!

— Это не я, ты гребанный онанист. Теперь скажи мне, девочка. Кто ударил тебя?

Лиам встал перед Рейн и приподнял ее подбородок, подражая жесту Хаммера, но в отличие от него, он еще и нежно провел своим большим пальцем по ее губе.

— Говори немедленно.

Серьезно задумавшись над произошедшей историей, она поняла одно — ей нельзя говорить о том, что кто-то поднял на нее руку.

Многолетняя практика в таких делах, научила ее мастерски врать об этом. Ее отец, как правило, тщательно просчитывал, куда нанести удар. Поэтому следы от них были очень хорошо замаскированы.

— Это всего лишь....

Она покачала головой и подняла глаза к потолку. Ощущать на себе их пристальные взгляды было тяжело, у нее путались мысли... а в том случае, если ее уличат во лжи, она понимала, что ей не миновать серьезных последствий.

Конечно, она с тем же успехом могла бы сказать и правду. Но ни за что на свете она не признается Лиаму или Хаммеру в том, что поцапалась с Марли по причине ревности.

— Это было недоразумение, но все закончилось. Правда, я справилась со всем сама. Я в порядке. Проблема решена. Спасибо за заботу.

Внезапно, Хаммер схватил ее за руку и развернул лицом к себе. Даже рычание, вырывающееся из его рта, не остановило наплыв возбуждения, пробежавшее по ее спине и плавно спустившееся к низу живота, прямо между ног.

Господи, это было так неправильно.

Взглянув на стоявшего рядом Лиаму, она тут же почувствовала, как на нее накатывает еще одна волна чувственного желания.

— Не стоит больше тянуть время, прелесть. Скажи нам. Кто ударил тебя?

Лиам зарычал от ярости.

— Убери немедленно от нее свои лапы Хаммер, и отойди, блять, обратно. Рейн, на колени, сейчас же!

Почувствовав на себе их взгляды, она опустилась на пол между ними.

— Срань господня! — зашипел Хаммер.

Лиам проигнорировал его и нежно приподнял ее подбородок.

— Больше никакого увиливания от ответа. Говори немедленно! Кто. Ударил. Тебя?

Рейн вздохнула. Ей будет очень плохо, если она выдаст имя Марли и еще хуже, если она этого не сделает.

Какого черта она вообще побежала в свою комнату, вместо того, чтобы спрятаться на кухне? Оох, она же хотела взглянуть на свое лицо и наложить дополнительный макияж, на случай, если у нее на щеке остался гребаный отпечаток ладони. Вот почему.

— Ладно. Я пыталась спасти вас от всей этой гадкой хе... эм, фигни.

Она покачала головой.

— О некоторых вещах лучше вообще никогда не упоминать, но, как хотите. Это Марли. Когда я выбрасывала мусор, она последовала за мной в переулок за клубом, с намерением высказать мне свое негодование по поводу...

Она запнулась. Правда здесь не поможет, но зато смутит и разозлит каждого из присутствующих.

— Может сломанный ноготь, уродливые силиконовые сиськи, месячные в конце концов. Я не знаю, что могло вывести Марли из себя. Да что угодно. Но я сказала ей идти нах...

Посмотрев вверх на Лиаму, она заметила, как он вздернул бровь.

— Совершить с самой собой невозможный с анатомической точки зрения физический акт. После этого я ушла. Вот и все, конец истории.

Он сердито посмотрел на Хаммера.

— Тебе стоит держать свою суку на поводке.

Хаммер зарычал.

— Она не моя, чтобы водить ее на поводке, мудак.

— Больше твоя, чем моя. Я никогда не был настолько глуп, чтобы засовывать в нее свой член.

— Наверное, потому, что она не хотела тебя, — усмехнулся Хаммер.

Лиам закатил глаза и повернулся к Рейн.

— Сломанный ноготь, уродливые сиськи или месячные, так получается? Кого ты защищаешь своей ложью? Уж точно не меня, потому что я знаю ее вдоль и поперек, хотя, если ее Дом на данный момент, не справляется с ней, что ж, я мог бы ему помочь. Но ты, в свою очередь, моя настоящая проблема и, к тому же, ты обещала говорить правду. Что-то слишком быстро ты об этом забыла. Тебе не понравятся последствия своей лжи. Поэтому давай попробуем еще раз. Кто ударил тебя?

Она боролась с желанием скрестить руки на груди. Боже, они просили выложить перед ними отвратительную правду. Мужчины просто никогда не слушали...

— Отлично. Я защищала саму себя. Просто мне не хотелось, чтобы вы подумали, что я ввязалась в переделку с ревнивой су... женщиной. Она выследила меня, не говоря ни слова, врезала пощечину и обвинила в том, что я виновата в твоей бесполезности. И я понятия не имею что бы это могло значить.

Она посмотрела на Хаммера.

— Я не стала задавать вопросов, это не моего ума дело. И не смотря на то, что я ужасно хотела ответить ей тем же, я не стала драться. Она обозвала меня белой швалью и сказала, что тебе следовало бросить меня у мусорного контейнера. Поэтому я назвала ее пластиковой

шлюхой и зашла внутрь, после чего встретилась с вами. Точка.

— Я позабочусь об этом.

Взгляд Хаммера смягчился, когда он посмотрел на Рейн.

— Ты не должна выгораживать ее и нести из-за этого наказание, прелесть. Она ни черта не значит для меня. В следующий раз, пожалуйста, просто скажи правду.

Повернувшись, он остановился и оглянулся через плечо на Лиама.

— Можно мне поприсутствовать на ее наказании, бывший друг? Возможно, мне следует предложить ей знак своей власти, как это сделал ты, ради ее спасения?

Ухмыльнувшись, он прошел мимо Лиама, по пути задев того плечом, и удалился.

В поисках этой платиновой блондинистой суки, Хаммер помчался вверх по лестнице и нашел ее сидящей за барной стойкой, потягивающей коктейль своими силиконовыми губами. Шагнув к Марли, он схватил ее за руку и стащил с высокого барного стула.

Удивленно взвизгнув, она улыбнулась ему своими накаченными коллагеном губами, выставив на обозрение полный набор своих отбеленных в кабинете стоматолога зубов.

— Надо поговорить, Марли, — пролаял он ей на ухо.

— Ты пресекла черту допустимого, и я больше не намерен терпеть такое твое поведение!

Она ошетилилась и захлопала глазами в притворном смущении.

— Не понимаю, о чем ты. Ты делаешь мне больно!

Стрельнув в нее тяжелым взглядом, он оторвал ее от пола и потащил вверх по лестнице.

— Я объясню тебе, в своем кабинете.

Но мерзкая дрянь отчаянно визжала и пиналась.

— Она первая ударила меня!

— А я-то думал, ты не знаешь, о чем я собирался с тобой поговорить, — растягивая слова, произнес Хаммер.

— Докажи, что ты говоришь правду.

— Я... удар был нанесен через одежду. Я увернулась. Не моя вина в том, что она оказалась медлительнее.

Когда они проходили мимо темницы, Лиам стоял в коридоре, прижимая свою ладонь к щеке Рейн. Внутренности Хаммера будто залили кислотой от одного взгляда на эту картину, но, по крайней мере, мужчина заботился о ней.

Хаммер ощутил волны ненависти, исходящие от Марли, когда она увидела нежное прикосновение Лиама.

— У тебя есть, что сказать Рейн? подстрекал Хаммер.

Марли взглянула на пару.

— Я уже все сказала, мне больше нечего добавить.

Лиам наклонился к Рейн, целуя ее в щеку.

— Почему бы тебе не пойти в нашу комнату, девочка? Я очень скоро приду к тебе. Только скажу пару слов.

Прежде, чем взглянуть на Лиама, Рейн немного поколебалась. Но как только его глаза переметнулись к Марли, Рейн повернулась, чтобы уйти.

И внезапно, его ничем не сдерживаемая ярость прорвалась наружу, выплескиваясь на женщину с такой силой, что та, в спешке отступила к Хаммеру.

— Ты, мерзкая, жалкая ошибка, человеческой природы, будь ты мужиком, я прибил бы тебя на месте. Как ты только посмела поднять руку на Рейн? Ты не годишься даже на то,

чтобы мыть за ней туалет. Ты никогда не была и не станешь такой, как она. И знаешь почему? Потому что она естественная и искренняя, полная жизни. Какого хрена ты посмела поднять на нее свою блядскую руку, ты гребаная пластиковая сука! Съебись нахрен с глаз моих долой, пока я не забыл о том, что ты еще принадлежишь к женскому полу. Но, сперва, послушай меня хорошенько. Если ты только покажешься где-то поблизости с Рейн в радиусе хоть сотни ярдов, я заставлю тебя пожалеть о том, что ты родилась на свет Божий.

Со страхом в глазах, Марли уставилась на Лиам.

Хаммер никогда не видел своего друга таким — никогда. Спокойный, невозмутимый, собранный Лиам, вообще редко выходил из себя и терял терпение. Ему следует запомнить этот момент с поразительным перевоплощением.

Лиам обернулся. Очаровательная Рейн уставилась на него взглядом, переполненным нежностью.

— Черт побери, — пробормотал он.

— Я же сказал тебе -

Она бросилась в его объятия. Застонав, он поймал ее, обвивая руками ее талию и прижимая к своему мускулистому телу. Он не остановился даже тогда, когда она обхватила его бедра ногами и звонко поцеловала. Так они и покинули комнату. Дверь за ними захлопнулась с такой силой, что завибрировали стены.

Внезапно, Хаммер осознал, что остался с Марли наедине. Опомнившись, он потащил ее к себе в кабинет.

Пройдет еще много времени, прежде, чем из его памяти сотрется образ Рейн, сливающейся губами с этим придурком и обвивающую собой его тело, словно он какой-то гребаный герой. Да будь оно все проклято, он только что просрал идеальную возможность вытащить Рейн из его рук и защитить ее от гневной тирады Лиам.

Но, даже не смотря на то, что Лиам был оскорблен уже дальше некуда, Хаммер был уверен в том, что, если с головы Рейн упадет хоть один волосок, тот впадет в еще более свирепое неистовство. Мысленно, Хаммер упал на колени.

Когда же этот гребаный ублюдок, успел по уши влюбиться в Рейн? Понимание того, что она так глубоко засела в сердце Лиам, не давало ему покоя.

Это не должно было так сильно шокировать его, в конце концов, Рейн украла его собственное сердце еще много лет назад. И оно до сих пор принадлежало ей.

Было ли все это розово-сопливое, своеобразным проявлением благодарности к Лиаму или она по-настоящему влюбилась в ублюдка?

— И ты позволяешь ему разговаривать со мной в таком тоне?

Марли захлопала ресницами, предпринимая тем самым попытку выглядеть хрупкой и беспомощной. Она даже наигранно всхлипнула.

— Она сказала, что ты трахнул ее.

— Не-а. Я не трахал ее. Я занимался с ней безумно страстной любовью.

Марли притворно расстроилась.

— Шутишь? Тебе что, просто захотелось узнать какова в постели немытая бродяжка?

Хаммер с презрением посмотрел на нее.

— Между нами произошло нечто волшебное. Осмысленное и значимое. Что-то, чего у меня никогда не было с тобой.

— Она же выползла из... трущобы. Как ты можешь хотеть ее? Эти ее темные волосы, постоянно спутаны и висят сосульками на спине или лезут ей в глаза. А вся эта фальшивая

невинность....

Марли с трудом сдерживала издевательский смех.

— Серьезно, она должно быть перетрахалась с половиной посетителей клуба за эти годы. Не разбирая ни возраста, ни положения. Не говоря уже о том, что у нее такой низкий рост, а сиськи слишком большие, чтобы можно было себе позволить носить дизайнерские шмотки. Думаю, именно поэтому, она и выглядит настолько посредственно.

Она вздрогнула, и Хаммер почувствовал, что от ее слов у него резко подскочило давление.

— Да, и, кстати, ты только посмотри, как она следит за собой. У нее что, вместо пилочки для ногтей, в косметичке припасена циркулярная пила? А волосы она подстригает исключительно с завязанными глазами?

Марли уцепилась за его плечо своими накладными ногтями. Почувствовав внезапное отвращение, Хаммер стряхнул с себя ее прикосновение.

— Макен, ну пойми же, наконец. Ты слишком умен и изобретателен в извращениях для этого недоразумения, по ошибке названного женщиной. Мы с тобой так подходим друг другу. Будь разумным, любимый...

Никогда раньше, он не бил женщин, но если эта коварная шлюха, в ближайшее время не уберется из его кабинета, он сделает это. Глядя на Марли взглядом, от которого она уже должна была превратиться в камень, он сдернул трубку с телефона и набрал номер охраны.

— Мне нужна охрана, в мой кабинет. Немедленно!

Бросив трубку, он откинулся в своем кресле, стараясь дышать глубже, в попытке сдержат, переполняющую его тело, ярость. Стиснув челюсти настолько сильно, что при таком нажиме зубы уже должны были благополучно раскрошиться, он сжал кулаки.

— Тебе запрещено появляться в клубе, по крайней мере, пока ад не покроется льдом. Но, позволь мне кое-что прояснить. Рейн — красивая женщина, она настоящая и теплая. У нее золотое сердце. Не знаю почему, она пыталась защитить тебя. Иисусе, я так чертовски рад, что мы все таки вытянули у нее признание. Да и вот еще что, больше не смей ошиваться у моего порога, ты, мерзкая мелочная шлюха!

— Ты что, предпочитаешь трахаться с неопрятной подстилкой?

Марли уставилась на него, открыв рот.

— Господи Боже, ты что... влюбился в нее? Ааах, мое мнение о тебе только что резко упало. "Золотое сердце" будет смотреться хуже прилично одетой женщины в твоих руках, готовой ради тебя на все. Да ей же даже под угрозой выстрела не отличить Версаче от Прада. Но... окей, она все равно не в твоих руках. Мне показалось, или она слишком занята с твоим... лучшим другом? Дай угадаю... ты остался в одиночестве.

Она холодно улыбнулась и схватила его за большой палец.

— Желаю весело провести время с Полли и ее четырьмя сестричками. Это — весь секс, который у тебя теперь будет, потому как от меня, ты больше ни черта не получишь, ты, глупый бычара!

— А ты была всего лишь подходящим местом, куда можно было сунуть свой член. Все в клубе знают о том, что ты здесь только для того, чтобы раздвигать ноги. Ты не сабмиссив, и я не заинтересован в тебе. Не беспокойся о моей сексуальной жизни. Я справлюсь без тебя и твоей мерзкой вагины.

На его губах появилась снисходительная улыбка, когда в дверях, он увидел двух охранников.

— Заберите эту дрянь и выбросите ее в мусорный бак. Воспринимайте мои слова буквально.

Хаммер подтолкнул Марли в сторону двух мужчин.

— С удовольствием, босс.

На лице, у одного из охранников, появилась широкая улыбка.

— Пойдем-ка, Марли. Кажется, тебе здесь больше не рады. Спасибо тебе, Боженька.

Хаммер наблюдал за тем, как ее уводят, и боролся с сильным желанием пнуть ее под зад коленом. С этим было покончено. Марли больше не сможет навредить Рейн, и ему захотелось тут же рассказать ей об этом.

Вылетев из офиса, он направился напрямик в комнату Лиамы, по пути слыша, как Марли изрыгает проклятия и протесты, в адрес такого с ней обхождения.

Подойдя к двери, ведущей в комнату Лиамы, он постучал. В его мозгу промелькнула мысль о том, что Лиям сейчас, возможно, очень занят, находясь глубоко внутри Рейн. И он был рад тому, что помешает этому. В нетерпении, он постучал снова, на этот раз громче и сильнее.

Наконец, дверь распахнулась с такой силой, что Хаммер, грешным делом подумал, что та может слететь с петель. Лиям стоял в распахнутой рубашке, а его возбужденный член едва помещался в почти расстегнутых брюках, и он, порочно улыбнувшись, слизал с губ, сочный блеск, оставленный киской Рейн. Он ничего не сказал, лишь вскинул бровь и выжидал.

— Черт возьми!

Пробормотал Хаммер себе под нос, почувствовав запах ее возбуждения. Его рот наполнился слюной, и ему до боли захотелось оттолкнуть Лиаму в сторону и прилечь лицом к ее восхитительному лону. Хаммер с трудом сделал успокаивающий вдох, стараясь сдержаться и не заехать кулаком по злорадствующей физиономии Лиамы.

— Мне нужно поговорить с Рейн.

— Нет. Может завтра. А может и никогда. Мы очень заняты. Отвали, Хаммер.

— Тебе что, нравится нарываться, да? Ладно, передай ей кое-что от меня. Скажи, что Марли больше никогда не прикоснется к ней. Я удалил ее из клуба. Пожизненно, — проревел он достаточно громко для того, чтобы Рейн могла услышать... ну, и, конечно же, остальные клиенты клуба тоже не остались в стороне.

Из комнат за его спиной послышался гром аплодисментов.

Хаммер отступил.

К его удивлению, Лиям последовал за ним в коридор, и, закрыв дверь за своей спиной, скрестил руки на груди.

— Это она настояла на нашем возвращении. Что... думаешь, мне нравится все это дерьмо? Да ни капельки.

Он склонил голову набок.

— Разве ты не должен сейчас быть в Нью-Йорке, чтобы почтить память Джульетты?

Нырнув рукой в карман, он вытащил оттуда связку ключей и бросил ее в направлении Хаммера.

— Я поживу пока у тебя. А ты можешь остановиться у меня.

Он пожал плечами.

— Полагаю, что я в долгу перед тобой.

Хаммер зажал ключи в ладони.

— Ну, бесплатное жилье ни коим образом не компенсирует мне того, что ты украл у

меня Рейн.

— У тебя было целых шесть лет, а ты только и делал, что мучил ее. Что, теперь собираешься завидовать тому, что у нее наконец-то появился тот, к кому она может привязаться?

Его глаза сузились.

— Потому что она выбрала не тебя?

На это у Хаммера не было аргумента.

— Рейн все еще будет здесь, когда я вернусь из Нью-Йорка?

— Мы будем жить здесь ровно столько, сколько она того пожелает. И, поверь мне друг, если она захочет остаться, я тоже не сдвинусь с места. Потерпишь?

Черт, нет.

— Само собой разумеется. Думаю, я в скором времени найду кого-то получше в качестве соперника, чем ты, — поглумился Хаммер и, повернувшись, пошел прочь.

Рейн забралась обратно на постель.

У нее не получилось разобрать послание дословно, прижавшись ухом к двери, но она расслышала достаточно, чтобы иметь общее представление о содержании. Не задумываясь, Хаммер вышвырнул Марли из клуба, и более того, он запретил ей когда-либо возвращаться.

Она покачала головой.

Лиам сказал ей, что она может оставаться в "Темнице" столько, сколько пожелает. Возможно, это не было таким уж разумным решением. Потому что Хаммер, постоянно будет находиться рядом с ней. И всегда будет искушением для нее. Ей будет сложно видаться с ним каждый день, особенно в виду того, что у них с Лиамом имеются разногласия по поводу нее.

Но тут, ее сердце встрепенулось от нежности, при взгляде на то, как ирландец заходит в комнату и снимает свои брюки, обнажая мощное тело, от которого у нее перехватило дыхание.

Она найдет способ, как наладить их дружбу.

— Все в порядке?

Она послала ему смущенную улыбку.

— Лучше не бывает. Ты, как и, не сомневаюсь, остальные члены клуба, слышала, что секс-игрушка Хаммера больше не является для тебя проблемой. Ну, а теперь...

Он обошел вокруг кровати.

— На чем мы остановились, когда нас так грубо прервали, любовь моя? Ооу, я, кажется, припоминаю...

Забравшись на постель, он подтянул ее ближе и забросил ее ноги себе на плечи. Она хихикнула и крепко вцепилась ему в голову.

— Лиинииам!

На секунду он замер и перестал утыкаться носом между ее бедер.

— Для тебя "Сэр", моя распутница. Тебе следует радоваться тому, что твои синяки еще не прошли, иначе я бы тебя хорошенько выпорол.

Он засмеялся, когда она застонала.

— Но ты такая красивая, и такая сладкая...

Ее накрыло волной счастья и бездонного удовольствия, когда он утонул в ее складочках.

С Лиамом она всегда чувствовала себя особенной, важной для него. Она никогда еще не испытывала ничего подобного, поэтому не знала как облечь свои чувства в слова так, чтобы он смог понять. Но она обещала попробовать, поэтому она будет стараться.

— Вы и так заставляете меня чувствовать радость, о Великий и Могущественный Сэр. Кроме того, Вы тоже невероятно хороши собой.

Когда он ласково улыбнулся в ответ на ее слова, она погладила его по волосам.

Проворно поднявшись к ней, он поцеловал ее. Затем еще раз. И еще. В четвертый раз, она сама встретила его на полпути, приоткрыв свой рот и растворившись в поцелуе, потеряв счет их бесчисленному количеству и той близости, которую они разделяли.

Она захныкала и крепко обняла его, сожалея о том, что не может найти нужных слов, чтобы рассказывать ему о том, что она чувствует. Все в нем заставляло ее сердце трепетать. На нее нахлынула надежда, когда он перевернул ее на живот и накрыл своим телом.

Целуя сзади ее шею, он наслаждался запахом ее кожи, оставляя на ней дорожки легких поцелуев. Она вздрогнула и неосознанно раздвинула перед ним ноги, в приглашающем жесте.

— Лиам, пожалуйста! Мне очень нужно почувствовать тебя внутри. Я такая мокрая, мне даже больно. Я...

Она задохнулась, когда его рука скользнула к низу ее живота и дотянулась до клитора. Казалось, ее маленький бутон был пресыщен еще каких-то несколько секунд назад, но, всегда лишь с небольшой попытки, он снова пробудил его к жизни.

Она качнулась к нему, умоляя о большем, и склонила голову набок, предоставляя ему лучший доступ к шее, чтобы полностью раствориться в нем.

— Моя красивая малышка. Это то, что тебе нужно, любимая? Но сначала скажи мне вот что: мои пальцы справляются также хорошо, как и мой рот? Я чувствую твой запах, и вкус. Желание оказаться внутри тебя, сжигает меня.

Он облизывал ее шею, временами покусывая и посасывая кожу, одновременно с этим, потираясь о нее своим членом.

Когда она приподняла к нему свою попку, он заскользил между ее ягодиц, еще сильнее прижимаясь к ней.

— Умираю от желания погрузиться в тебя. Но сначала, мне лучше найти презерватив.

Свесившись с кровати, он полез в тумбочку.

— Твою мать! Не могу дождаться момента, когда мы уже разберемся с твоими противозачаточными и я смогу, наконец, трахнуть тебя так, как мне хочется. Я жажду почувствовать то, как твоя киска будет таять на моем члене и, чтобы никакой латекс между нами, не украл ни капли удовольствия.

Схватив квадратик из фольги, он проделал все необходимые манипуляции и надел презерватив на свой вздыбленный ствол.

— Садись сверху. Опускайся на мой член медленно и спокойно. Вот так.

Он оставался неподвижным, держа ее ручки в своих ладонях, пока она скользила вниз по его внушительному стволу.

— Тебе нравится?

Его голос охрип от едва сдерживаемой похоти.

— Ответь мне.

— Да!

Ее вены наполнились непередаваемым экстазом, отчего она закрыла глаза и откинула голову назад.

— Я чувствую тебя повсюду в себе. Это невероятно... о, Боже! — выкрикнула она, когда он качнулся назад и врезался в нее, глубоким ударом, задев чувствительную точку внутри, от чего Рейн задохнулась.

Он снова повторил свое движение и, ухватившись за ее бедра, начал управлять ей, поднимая все выше и выше, пока в ней не осталась только головка его члена. После чего, он резко опустил ее, врываясь в нее одним грубым ударом, еще раз задевая чувствительную ткань внутри.

Повторяя снова и снова свои движения, он удерживал ее запястья неподвижными, от чего ее ладошки сжались в кулачки. Она чувствовала себя восхитительно распятой, удерживаемой, и это заставило ее воспарить еще выше.

— Лиам! — простонала она его имя.

— Мне нравится, как ты трахаешь меня, властвуешь надо мной. Это просто...

У нее перехватило дыхание, когда он щелкнул большим пальцем по ее клитору. Шторм внутри нее все больше набирал силу, закручивался, чтобы в итоге разразиться громом.

— Да!

Она вздрогнула всем телом, когда он толкнулся глубоко в нее, сводя с ума тем, что снова потерся своим стволom о чувствительный бугорок у нее внутри, и вырвав из ее груди задыхающийся крик, царапающий горло, заполняющий ее вены сладкой апатией. С трудом разлепив тяжелые веки, она посмотрела вниз на него, чувствуя себя такой открытой и уязвимой, такой искренней.

В обычном своем состоянии, она бы постаралась спрятать свои чувства от всех... но не от Лиамы. Он сможет понять и оценить их по достоинству.

И она очень хотела отплатить ему тем же.

— Сэр, как мне доставить Вам такое удовольствие, которое Вы подарили мне?

— Ты уже сделала мне приятно, любимая. Твое подчинение согрело мое сердце.

Наклонив ее к себе, он нежно поцеловал ее.

Но когда он перекатил ее под себя, его глаза потемнели.

— Потянись назад и ухватись за спинку кровати. Не отстраняйся. Держись за меня ногами. Приподнимись...

Подложив подушку ей под поясницу, он погрузился в нее еще глубже, чем до этого, задержавшись в таком положении, дожидаясь, пока она вздрогнет и беспомощно сожмется вокруг него.

— Вот так, любовь моя. Вот, что мне нужно. А теперь взгляни на меня. Смотри, как я кончаю и получаю наслаждение, которое можешь подарить мне только ты. Все это благодаря тебе...

Он начал заполнять ее мучительно — медленными ударами, заставляющими ее возбуждаться снова и снова. Но, когда у нее сорвалось дыхание и она начала просить его о большем, он наконец ускорил темп толчков. Почти достигнув своего пика, Лиям протиснул ладонь между их телами и погладил ее по клитору.

— Оставайся со мной, — потребовал он.

А затем он кончил, издавая нечеловеческий крик и забирая ее вместе с собой за грань реальности.

Медленно возвращаясь из своего звездного полета, он внимательно посмотрел на нее.

Она почувствовала, что краснеет и улыбается, наслаждаясь такой интимной тишиной между ними и прижалась к Лияму, когда он отвел с ее лица прядь волос и посмотрел на нее так, словно она была самой красивой женщиной на этой планете.

Рейн не могла поверить в то, что такой мужчина, как он желал ее. Ее затопило умиротворение. Ведь находясь рядом с ним, все вокруг для нее приобретало черты близкие к совершенству. Хотя, это было не совсем так.

Небольшая вспышка паники, при мысли о расстоянии разделяющим ее и Хаммера, не отпускала ее. Ее подростковая любовь к нему была нездоровой. Только сейчас она осознала, что не может быть рядом с человеком, который настолько сильно запутался в своем прошлом, что не сможет построить с ней свое будущее и подарить ответную сердечную привязанность. Не было ни малейших сомнений в том, что он заботился о ней, но... для нее этого было недостаточно.

Она, конечно, не была абсолютно уверена, но предполагала, что Джульетта совершила

самоубийство или не соблюдала жизненные правила предосторожности, потому что скорее всего у нее изначально были суицидальные наклонности. Или она хотела умереть из-за того, что Хаммер был не способен проявить к ней свою любовь?

Но это уже не имело значения.

Все, что сейчас представляло хоть какую-то важность — это то, что ей нужно положить конец вражде между двумя лучшими друзьями.

— Я знаю, ты не хотел приезжать сюда, чтобы помочь Хаммеру. Он слишком сильно оскорбил тебя, впрочем, как и меня, но... мне кажется, прямо сейчас он нуждается в друзьях. Здесь с нами все будет в порядке. Обещаю. Эта ситуация разрешится.

— В конечно счете так и произойдет. Не беспокойся. Думаю, у меня созрел план.

Спустя два дня.

Рейн проснулась и обнаружила, что Лиам уже принял душ и оделся. Он мягко тряс ее за плечо.

— Поднимайся, любимая. Иди в душ.

Она потянулась, отчего простыни съехали в сторону, обнажая ее грудь.

Лиам тут же обласкал их взглядом.

— Уверен, что хочешь именно этого? — поддразнила она.

— Пытаешься затрахать меня до смерти, да?

Она фыркнула.

— Да если бы я только могла. По-моему, все как раз наоборот.

Скользнув ладонью вниз по ее бедру, он скинул с нее оставшиеся простыни.

— Синяки быстро проходят. Уже не так больно?

— Я же сказала, все отлично.

— С кем ты разговариваешь?

Он неодобрительно скрестил на груди руки.

— Я в порядке, Сэр, — проворчала она.

— Перевернись.

В ее мозгу проскочила предательская мыслишка о том, чтобы отказаться, но она понимала, что тем самым заработает себе еще больше проблем. А ей очень не нравилось разочаровывать Лиаму.

Со вздохом, она нехотя повиновалась.

— Слишком медленно, девочка. Мне это не очень нравится. Ссадины еще не прошли... а, может, мне все-таки отшлепать тебя?

— А ты что, специально ждешь этого?

Он засмеялся.

— Ага, считаю секунды.

Она покачнула своей попкой перед ним, послав ему через плечо взгляд настоящей скромницы.

— Ты очень аппетитно выглядишь, но о порке мы поговорим позже.

— Обещаешь? — съязвила она.

Покачав головой, Лиам слегка шлепнул ее.

— Поднимайся, ненасытная малышка. Прими душ, высуши волосы и нанеси макияж. Когда я вернусь, хочу, чтобы ты была готова.

Не дав ей времени поспорить, он молниеносно вышел.

Пожав плечами, Рейн зашла в ванную, встала под душ и позволила горячим струям смыть усталость со своих натруженных мышц. С Лиамом каждая ночь походила на Марафонский забег в Олимпийских играх.

Когда она, обработав кожу увлажняющим лосьоном и завернувшись в полотенце, подошла к своему туалетному столику, в поле ее зрения попался, лежащий на кровати, кроваво-красный корсет. Кружевной. Вызывающий. Ох... но такой женственный.

— Надень его, любовь моя.

Приказные нотки в его тоне заставили ее вздрогнуть. Если он хотел чего-то, то она, в свою очередь, хотела этого еще больше. Рейн взглянула ему в лицо, но его выражение не выдавало эмоций.

— Хорошо, Сэр.

Лиам стоял и смотрел на нее, не отрывая глаз, в то время, как она натягивала на себе все тесемочки, пока, наконец, корсет, не сел по ее груди. Подойдя, он посильнее затянул шнуровку.

Боже, то, как он прикоснулся, смотрел на нее, было за гранью возможной близости, возникающей между двумя людьми. У нее было ощущение, словно он имел все права съесть ее своим взглядом. Словно она была его собственностью.

Одевшись, она подошла к нему, склонив голову. Он мягко погладил ее по волосам.

— Посмотри на меня.

Рейн послушно выполнила команду, удивляясь его поведению. О чем он думал?

— Ты великолепно выглядишь. Пойдем со мной.

Взяв за руку, он вывел ее в холл.

Он хотел провести сессию перед завтраком? В пустом клубе? Почему? Он не хотел, чтобы кто-нибудь, кроме него, ее видел?

Они успели пройти не более пары шагов по коридору, прежде чем он остановился, усилив хватку на ее руке.

— Мне нужно поговорить с тобой. Ты приняла мою власть, девочка. Но у нас еще не было времени подобрать соответствующее украшение для твоей шеи, означающее знак твоей принадлежности. Мне не нравится, что другие Дома могут подумать, что у тебя еще нет Господина. Полагаю, сейчас самое время, официально объявить о нашей паре. Как думаешь?

На ее лице расцвела улыбка. Сотню раз на дню она только и делала, что мечтала о том, где и как он сделает ей такое предложение. И знание того, что он не забыл об этой формальности, о том, что он все еще хотел, чтобы она принадлежала ему, согревало ее снова и снова.

— Думаю, что я приятно взволнована.

— Замечательно. Рад слышать.

Он сглотнул, нервничая в не свойственной для него манере. Она же уже дала свое согласие... в чем еще проблема?

— Это не все, Рейн. Я хочу церемонию, закрепляющую не только мое право на проведение сессий с тобой, но и на твое полное подчинение. Официально.

Рейн не хватало воздуха, у нее приоткрылся рот от удивления. Она ожидала чего угодно, начиная с того, что он хотел, чтобы она проколола соски и заканчивая применением на ней нового флоггера. В обоих случаях она уже подготовила аргументы. Но к такому, она точно не приготовилась.

Он хотел пропустить этап с тренировками, позволяющий проверить их совместимость друг с другом, чтобы сразу сделать ее своей? В сфере БДСМ, его предложение было равносильно церемонии бракосочетания.

— Серьезно? — вздохнула она.

Она не могла отрицать тот факт, что расстроилась из-за того, что Хаммер уехал в Нью-Йорк для выполнения своих ежегодных обязанностей. Но, зато он не станет свидетелем происходящего. Она беспокоилась об этом, потому что знала, ему будет больно.

Но то, что он постоянно отталкивал ее от себя, заставило ее, наконец, осознать, что им не суждено быть вместе. Зачем ей выбрасывать на ветер свою возможность стать счастливой, ради человека, который даже не любит ее? А Лиам заботился о ней, он заставлял ее чувствовать себя красивой. С каждым днем она влюблялась в него все больше и больше. С ним она могла бы учиться и расти... разве не этого хотел для нее Хаммер?

По ее лицу расплылась улыбка, но она не смогла сдержать слезы радости.

— Серьезно, — мягко улыбнулся Лиам.

Ее снова накрыла волна изумления. Он хотел ее. По настоящему, реально. Хотел ее. Она не знала, почему судьба или вселенная решила преподнести ей такой подарок, она не заслуживала его, но была безмерно счастлива своему выбору.

— Да! — она бросилась к нему в объятия.

Она обняла его, когда он поймал и притянул ее к себе.

— Я сделаю все, чтобы Вы могли гордиться мной. Знаю, мне нужна практика, но я буду работать над этим. Я сделаю Вас счастливым, Сэр.

Он положил ладонь на ее щеку.

— Я запомню это, девочка.

Сидя в самолете, по пути домой, Хаммер потягивал свой напиток, потряхивая лед на дне пластикового стаканчика и смотрел в окно. Слава тебе Господи, что он успел взять билет на более ранний рейс. Ему отчаянно хотелось поскорее вернуться домой, чтобы увидеть Рейн. Вздохнув и прикрыв глаза, он откинулся на сиденье.

Ежегодные поездки на могилу Джульетты вгоняли его в депрессию. Единственным светлым лучиком все эти годы, для него был Лиам. Его лучший друг всегда сопровождал его на кладбище, где они могли спокойно посидеть и повспоминать веселые времена, пережитые вместе. Поддержка Лиама и скабрезные истории, всегда помогали ему удержаться от слез на месте захоронения его жены.

Но в этом году, все изменилось. Охренеть, как изменилось. Просто в необъятных масштабах.

Он не мог вспомнить, когда последний раз плакал над памятником Джульетты. Хоть он и пытался понять, почему прошедшие годы не смогли собрать его воедино, Хаммер до сих пор не знал, почему все еще раскалывается на части, находясь в этом месте. Преклонив колени, он бездумно смотрел на мертвую землю, проливая неисчислимое количество горьких слез.

А теперь, он пил бурбон, пытаясь привести свои, беспокойные, словно пчелиный рой, мысли. По пути домой, он обдумывал сложившуюся ситуацию.

Повлиял ли тот факт, что Рейн теперь с другим, на его нервный срыв, произошедший на могиле Джульетты?

Конечно. По крайней мере, частично. Знойная сирена всегда выбивала почву у него из-

под ног. Но таким же тяжелым грузом для него была и потеря лучшего друга. Ему еще было незнакомо это чувство безнадежности. Но оно уже ему чертовски не нравилось. Лиам обыграл его, обманул, чтобы увести Рейн. И это безумно выводило его из себя.

Но понаблюдав за тем, как Лиам словесно напал на Марли, Хаммер был абсолютно уверен в том, что теперь они оба безнадежно влюбились в их сладкую девочку. Кроме того, Хаммер был изумлен тем, как быстро Лиаму удалось вытащить наружу ее ошеломительную натуру сабы. Сама мысль о том, что Лиам мог подходить Рейн, заставляла его задыхаться, будто ему в глотку запихнули шаровую молнию.

Приземлившись в Национальном Аэропорту Лос-Анджелеса, он сел в такси. Его внутренности скрутило от нервного ожидания. Вдруг Лиам не сдержал обещание? Он не был готов к тому, чтобы вернуться в клуб и не застать там Рейн. Жить без нее станет невозможным для него. Он уже познал вкус одиночества, и готов был улететь обратно в Нью-Йорк и вновь пережить свое прошлое, чем снова потерять ее.

Тяжело вздохнув, он постарался заострить свое внимание на том, что если она все еще будет жить в "Темнице", то уж как-нибудь он сможет двигаться дальше. На расстоянии от нее. Ведь справлялся же он последние шесть лет?

Но теперь ему придется видеть ее с Лиамом, и то, как тот прикасается к ней, обладает ею. Это приводило его в неистовство. Сукин сын, что может быть еще хуже?

Войдя в клуб, Хаммер замер, вокруг него тут и там сновали люди. Какого хрена? Слишком рано для такой толпы посетителей. По расписанию "Темница" еще даже не была открыта.

Нахмурившись, он прошел к лестнице, ведущей вниз, откуда, только что вышла большая группа людей. Служащие, казалось, улыбались шире, чем обычно. Он снова нахмурился. Какого...

Если клуб открылся ради незапланированного события, то почему, на входной двери висела табличка "закрыто"? В воздухе повисло волнение. По какой-то непонятной ему причине, он испугался.

Спустившись вниз по лестнице, он скользнув в темный угол и занял наблюдательную позицию.

В центре всего стояла Рейн. Он не мог пропустить ее. Красный всегда был ее цветом, а корсет превосходно облегал ее изгибы. Его член, не проявляющий активности в течение многих дней, внезапно ожил. Он вспомнил каждую деталь той ночи, прокручивая у себя в голове снова и снова.

В поле его зрения попался Бек, вырывая его тем самым из размышлений.

Комнату заполнила тишина.

Внезапно, Лиам, обхватив рукой за талию, вывел ее на сцену, поставив перед глазами настороженной толпы. После чего, он посадил ее на колени у своих ног и заставил посмотреть ему в лицо.

Она была великолепна в своей покорной позе, элегантна и изящна. Лиам улыбнулся, обращаясь ко всем присутствующим.

— Спасибо всем, кто пришел разделить это радостное событие вместе с нами.

Хаммер застыл, словно статуя. Лучше бы он ошибался в своих предположениях относительно того, что бы это могло быть...

Нагнувшись, Лиам обхватил Рейн за подбородок.

— Посмотри на меня, любимая. С великой гордостью, я предлагаю тебе свой ошейник

подчинения. Обещаю, всегда находиться рядом с тобой, быть надежным и сильным. Дарую тебе мою защиту и разумную власть, покров моего тела, заботу моего сердца и искренность моей души. Обещаю, вести тебя по наиболее подходящему для тебя пути, не важно, в боли и в радости, я помогу твоей природе сабмиссива возрасти и ожить внутри тебя. Я клянусь, чтить твои рамки дозволенного и лелеять твою покорность. И использовать тебя так, как посчитаю нужным.

Из толпы послышались смешки.

— Я буду ценить и заботиться о тебе. Взамен, ты обязуешься уведомлять меня о своем физическом и эмоциональном состоянии, общаться со мной по любому, беспокоящему тебя поводу, зная, что я всегда пойму тебя и проявлю сострадание. Отдашь ли ты мне все это по собственной воле и примешь ли ты знак моей власти над собой без раздумий?

Хаммер почувствовал, как его внутренности завязываются в тугой узел. Ошейник подчинения. Охренеть, и не встать. Лиам делал ее своей. Полностью.

Ему захотелось прибить этого сукиного сына. Неужели Рейн хотела именно этого? Или она... влюбилась в Лиаму? Чувство отрицания и предательства полоснуло его по сердцу, словно лезвие.

Она внимательно посмотрела на Лиаму.

Блеск желания и любовного волнения в глазах другого мужчины, практически заставили его рухнуть на колени. Казалось, что их счастье, распространилось на всех и каждого, находящегося в этой комнате, подобно инфекции, проникая под кожу.

Рейн сжала руку Лиамы и торжественно произнесла.

— Для меня будет честью, носить Ваш ошейник. Я отдаю Вам мягкость своего тела, душевную поддержку и повиновение в сердце, чтобы превратиться в покорную сабу, ту, которую Вы желаете. Я буду уважать эту связь. Я безоговорочно отдаю себя в Ваши руки. Я буду служить Вам, чтить Вас, стремиться быть отражением Вас, поскольку мне дорого все то, что Вы даете мне, Сэр.

На лице Лиамы сияла гордость, когда он наклонился к ней, чтобы скрепить на ее шее широкий ошейник. После чего, он протянул ей руку, и помог подняться.

Вместе, они спустились в толпу, держа друг друга за руки и одаряя всех своими счастливыми улыбками.

Пристальный взгляд Хаммера был прикован к солидному ошейнику на ее шее. Ну, конечно, кто бы мог подумать. Лиаме нужно было выпендриться перед всеми. Ошейник представлял собой две полоски металла: золота и серебра, переплетенных между собой, с филигранной работой по кайме, в центре которого свисала тяжелая рубиновая подвеска, идеально вписывающаяся во впадинку под ее горлом.

— Он очень красивый.

Она светилась от счастья.

— Благодарю Вас, Сэр. Я так польщена.

Хаммер боролся с желанием, врезать как следует этому ублюдку, когда Лиам снова поцеловал ее.

Каждый из присутствующих в зале аплодировал им. Веселый смех и звон бокалов заполнили пространство, когда Лиам поднял голову и собственническим жестом обхватил ее затылок.

— Не могу дождаться момента, когда начну испытывать тебя, любимая.

Ну, вот и все. Больше, блять, он выдержать не смог. Любимая? Врезав кулаком по стене,

Хаммер вышел из тени, рыча от бешенства.

— Что, черт возьми, здесь происходит?

В толпе повисла мертвая тишина. Ошеломленное выражение на лице Рейн, сменившееся маской вины, хлестнуло его, словно пощечина. Хватка Лиамы вокруг ее талии стала крепче, когда Хаммер прошел прямо к ним, пригвоздив его взглядом к месту, на котором он стоял. Если бы Хаммер мог вырвать сердце из груди этого мудака, он бы сделал это.

Как же удобно получилось, что его ежегодная поездка как раз пришлась на их пышную церемонию. Хаммер совершенно не верил в то, что это было простым совпадением. Расчетливая скотина все продумал заранее, с точностью до минуты.

Но Рейн... бедная Рейн. Она ведь даже не представляла себе, чем все это может для нее закончиться. Она-то думала, что попала в сказку с Лиамом, считая, что не была способна получить от Хаммера то, чего хотела. Как он мог обвинять ее в том, что она жила мечтами? Или в том, что она была наивна?

Яркое, исходившее от нее сияние, когда Лиам поцеловал ее, заставило желудок Хаммера сжаться, и одновременно от этого зрелища у него перехватило дыхание. Она выглядела потрясающе.

— Макен...

Молчаливая просьба о прощении смягчила ее взгляд.

Он прикоснулся своими губами к ее щеке.

— Поздравляю, прелесть. Ты похожа... на ангела.

Хоть он и говорил правду, но ему пришлось с силой произносить эти горькие слова.

Затем, он сделал еще один шаг, и приблизился к Лиаму. Его глаза сузились, а губы искривились в усмешке.

— Рано радуешься, мудака. Игра продолжается.

Повернувшись, Хаммер быстрым шагом сошел со сцены, направляясь в сторону своего офиса, громко хлопнув за собой дверью.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте — Knigolub.net